

Одесский
альманах

№81

II / 2020

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах

№ 2 (81), 2020

Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)

Председатель редакционного совета: Иван Липтуга

Редактор: Феликс Кохрихт

Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга

Технический редактор: Геннадий Танцюра

Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:

КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299

Тел.: +380 (48) 7-385-385

books@plaske.ua

www.plaskepress.com

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах

№ 2 (81), 2020

Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)

Голова редакційної ради: Іван Липтуга

Редактор: Фелікс Кохріхт

Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Липтуга

Технічний редактор: Геннадій Танцюра

Верстання, коректура: Тетяна Коциєвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:

КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299

Тел.: +380 (48) 7-385-385

books@plaske.ua

www.plaskepress.com

© АО «ПЛАСКЕ», 2020

© «Дерибасовская – Ришельевская», 2020

От редакции

Признаемся, зачин этого – традиционного – обращения к читателям очередного номера был сделан в первые дни после презентации юбилейного 80-го. И начинался он так: «Вы держите в руках только что вышедший...».

Но сейчас вы, как и мы, шевелите мышкой компьютера или курсором смартфона и перелистываете страницы, не испытывая сопротивления тугого тела альманаха и не ощущая запаха типографской краски. А он – особый бонус настоящим книжникам...

Восемьдесят первый номер – впервые за 20 лет – не лег на книжные полки, а воспарил в облако Инета и занял место в сонме изданий, уже несколько лет как перешедших из рода «печатные» в подвид «виртуальные». И надо сказать, что нашими соседями стали и близкие родичи-одесситы, и столичные свойственники...

С одной стороны, признаемся, с непривычки не очень комфортно: понимаем, что в июне не словим кайф на презентации в Золотом зале родного Литературного музея, что не потянутся во Всемирный клуб одесситов авторы за своими экземплярами, а мы лишимся горделивого удовольствия – ставить автографы на экземплярах, подаренных молодым тележурналисткам, берущим интервью у членов редколлегии.

Но сохранилась главная наша традиция. Этот номер, как и прежние, открыт на сайте Всемирного клуба одесситов для города и мира – для наших земляков, где бы они (мы) ни жили. В нем, как и в предыдущих, – монологи Михаила Жванецкого, его фото с котом; стихи Юрия Михайлика о карантине – на нашей планете они (по разным поводам) были ранее, есть и будут, к сожалению, всегда...

О том, как мы нынешней весной жили и болели, и выздоравливали, и уходили, надеемся рассказать в следующих номерах, Хотелось бы

в сентябре ко дню рождения Одессы, но, может быть, и к Новому году. А нынче в июне, ко дню рождения Александра Пушкина выходит этот альманах – вольный сын эфира, который мы и наши авторы, наши друзья и партнеры, АО «ПЛАСКЕ» и Всемирный клуб одесситов, сообща создали в режиме... нет, не самоизоляции, а отдаленного, но общения, пусть бесконтактного, но в расположении и практически по фэншую.

В номере – продолжение глав одесского Пушкинского путеводителя, составленного Олегом Губарем: глава из «Евгения Онегина» стала для нашего города символической Грамотой на бессмертие, а поэмы и лирические стихи, созданные в молодом городе, в собрании его сочинений, и мы не раз их цитировали.

Но сегодня, когда пишутся эти строки, и завтра, когда вы прочтете их на экранах своих гаджетов, повторим за Поэтом из его «Вакхической песни», написанной в 1819 году совсем юным, только-только из Лицея:

...Поднимем стаканы. Сдвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари.

Михаил Жванецкий

На час назад

Отец мой

Что наши чащи без зверей?

Что наши горы без баранов?

Фестиваль еврейской музыки, немыслимый в те годы, когда они жили здесь, начинается.

Это не фестиваль музыкальных евреев, столь знакомый нам в прошлом, а именно то, что сказано.

Это идея Юрия Алексеевича Петренко, выношенная и пробитая им через все препоны и инертность.

Человек с таким именем и фамилией – вице-президент Всемирного клуба одесситов, придумал этот фестиваль, носился с этой идеей, искал деньги, в том числе у столь редких ныне богатых евреев.

И вот есть фестиваль.

Нужны евреи.

Их и раньше не удавалось свести...

Ладно, был бы фестиваль, евреи не за горами.

Я недавно вернулся из Оренбурга, где фестиваль еврейской культуры спонсировали казахи.

Я был на поминании в Бабьем Яру, где слушал речи украинцев.

Только что отпраздновали Хануку в Сибири, которую устраивает Паша Фельдблюм, где четыре-пять

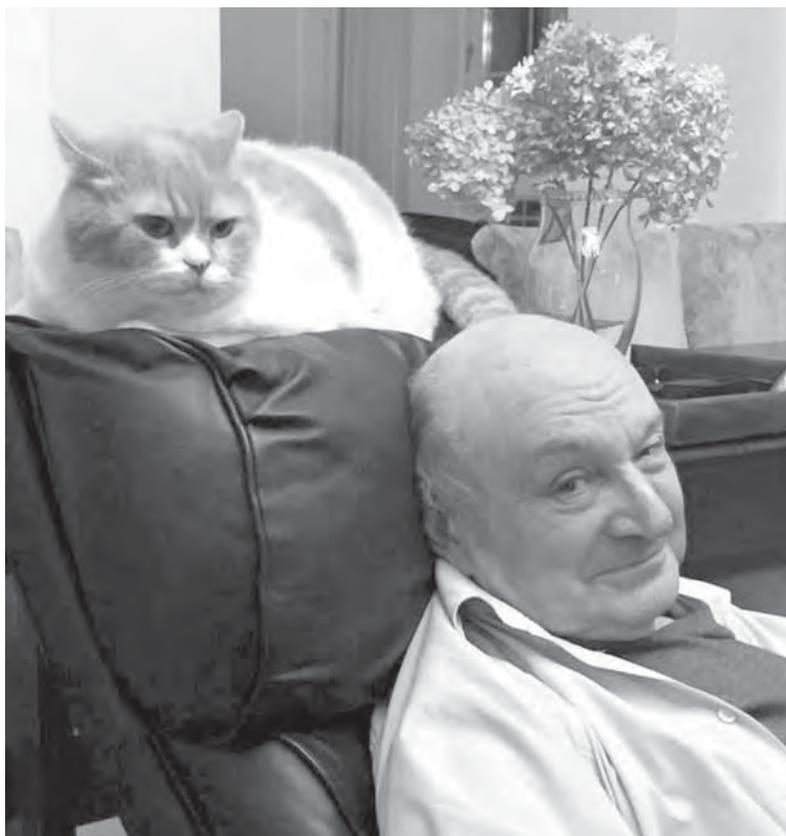
евреев на сцене были встречены овацией, и зал в тулупах пел «Хава Нагилу», а выступающие имели наглый вид любимцев публики.

Да, впервые в жизни испытываешь волнение от внимания и наоборот – впервые в жизни ты со своим носом и со своим праздником кому-то нужен.

Как будто кто-то наконец-то...

Как будто кто-то наконец-то шепнул: «Останьтесь!».

Михаил Жванецкий
Мой кот вспоминает

Хозяин там орал. За дверь. Переживал!
Я его окликнул. Ну, он пошёл, открыл дверь.
– Слушай... – я ему, – чего ты? Садись за стол... Молча.
Он сел. Я лёг рядом.
– Слушай, нам так хорошо никогда не было.
Он что-то пишет. Я о нём думаю.
Он повернется... Я перевернусь на спину и смотрю
на него...
Он чуть не заплакал: «Спасибо тебе, – говорит. – Эти
сволочи, а ты единственный у меня». И мы пошли к его
креслу.
Он включил что-то, я у него на подголовнике и ле-
вой лапкой на лысине...
Он так осторожно сидел, пошевелиться боялся.
– Эх, – сказал он, – нас бы сфотографировать!
Я сказал: «Не смей...»
И мы оба лежали, не шевелясь...
Ты знаешь, я тоже боюсь его потерять...
Мы одного возраста.
– День рождения у нас теперь каждый день, – сказал
я ему.
– Да, – сказал он, – как бы настоящий не пропустить.

Юрий Михайлик

Отражение

В нашем мире нет ничего далекого, ничего близкого, все живем рядом друг с другом на расстоянии щелчка пальцем на клавишах компьютера.

Где та Австралия? Где мы для Австралии? Но получаю письмо из Сиднея от Юрия Михайлика, а в нем стихи, прекрасные стихи, грустные стихи о карантине.

После Пушкина, после карантина в Болдине, вечная тема в русской поэзии. Коронавирус дал возможность поэтам XXI века сказать свое слово о карантине.

Евгений Голубовский

* * *

Что ж, карантин – лучшая пора
для русского стиха и русской прозы,
сугробы зябнут посреди двора,
извилиста, как строчка, по морозу
тропиночка. Колодец ледяной.
Нельзя поверить, что настанет лето.
Глаза болят от снега и от света.
Судьба стоит спокойно за спиной.
Не торопись – над снегом, над бумагой,
над их родством, над ночью, над пургой –
и только волки воют за оврагом,
один начнет, откликнется другой.
Не торопись. Ты знал, что путь пределен,
тропиночка к колодцу коротка,

и все, что этой ночью не успели,
уберегут тугие облака,
недвижные до срока ледоходы –
метафора разбойничьей свободы.
Ты – пленник, милый мой. Живи один.
И пусть твои недвижные сугробы
тебя избавят от микробов злобы,
твоя кора и кара – карантин.
Что там вокруг – какие лекаря,
какие там уставы и заставы...
Здесь все твое. Ты сам имеешь право
на волчий вой в начале декабря.
Лишь знаки препинания расставить
по блещущей тропинке в феврале.
Живи как жил. К апрелю снег растает.
И нас уже не будет на земле.

1.

Бухта Варнека на острове Вайгач.
Порт-убежище. Спокойная вода.
После длительной раздачи неудач.
После шторма. После бешеного льда.

Порт-спасенье. Трое суток тишины.
В скалах прячется песцовое ворье.
И квадратные проталины видны –
это прежнее прибрежное жильё.

Голый камень. Слабый ветер – чистый норд.
Легкий шелест засыпающей воды.
То, что ласково поглаживает борт, –
это бывшие и будущие льды.

2.

Здесь ни жить, ни плыть, ни просто помнить.
Нас укрыли – тьма и тишина,
освещает северную полночь
лишь подсветка компаса одна.
Ни календарей, ни расстояний,
леденеют стрелки на часах,
вышних фантастических сияний
нету в непроглядных небесах.
В темноте – покинуто и сиротливо –
бьется стрелка бабочкой на свет.
И огней по берегам Таймыра
в мире нет. И мира тоже нет.
Тишина. Ни выдоха, ни вдоха.
Мрак и холод вдоль и поперек.
Арктика. Беззвездная эпоха.
Вахта – от ноля до четырех.

3.

Что не так? А в жизни все не так.
И над Ледовитым океаном
вниз трубой плывет буксир «Спартак»,
старенький, колеблемый туманом.

Облака из пористого льда
в серебристо-серой мягкой гамме.
И матрос, замороженный в года,
должен плыть над нами вверх ногами.

Что ему в холодных облаках,
чтоб уже навечно быть счастливым –
молодость, туман, штурвал в руках,
рисовая каша с черносливом,

вниз башкой веселой, у руля, –
за спиной без всякого усилья
сизые полярные поля
развернув, как ледяные крылья.

Не упомяну – кто же он такой,
тихий призрак в небе надо мною.
Не взглянул, не помахал рукой,
убывая в счастье ледяное.

История, краеведение

- 14 Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе
- 37 Андрей Добролюбский**
Ошибка императора Исаака
- 48 Валерий Шерстобитов, Инна Арутюнова**
Продолжение семейной хроники династии Сибиряковых
- 58 Лариса Ржепишевская**
Глава большой семьи
- 67 Илья Каминский**
Город тишины
Перевод с английского Елены Андрейчиковой
- 81 Павел Козленко**
Моя Балта
- 91 Евгений Деменок**
Нью-Йорк. Ground Zero
- 100 Белла Кердман**
Насчет холеры в Одессе

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Специализированные ряды

Едва ли Пушкин их посещал: разве что случайно. Однако без упоминания об этих надлежащим образом оформленных местах специализированной торговли панорама синхронной Одессы изрядно утратила бы рельефность и многоцветье.

В принципе, Вольным рынком (Старым базаром) в ту пору называли значительное пространство, а вовсе не только четыре торговых отделения по периметру рыночной площади. В его орбиту попадали мясные («резничные»), рыбные, щепные и прочие ряды. Представляю здесь их краткую историю; все архивные ссылки можно найти в моей монографии «История градостроительства Одессы...» (2015).

Мясные (Резничные) ряды

Первые каменные мясные ряды были выстроены «в июне 1798 г. за Вольным рынком, на отведенном через дорогу месте», то есть по нечетной стороне Большой Арнаутской, купцом Семеном Афанасьевым, причем бойни находились на периферии, со стороны степи, «для предохранения заражения воздуха». 11 августа того же года купцы Иван Самарин, Василий Чура, Федор Яловицов и мещанин Бабарыкин просили городской магистрат разрешить им постройку мясных лавок в III квартале,

---

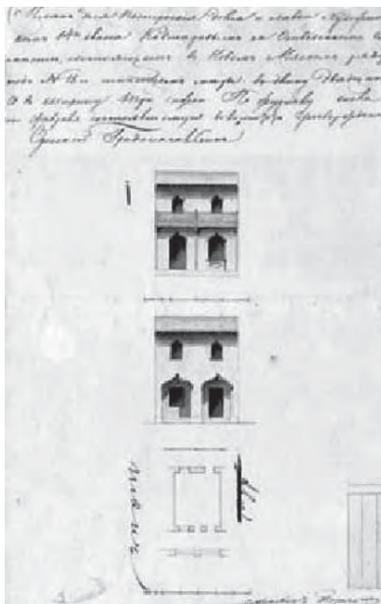
* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-80.

то есть непосредственно на рынке, напротив лавок Афанасьева. Магистрат поручил ратманам Попандопуло и Соколову освидетельствовать уже существующие строения Афанасьева и свободные места поблизости. Ратманы донесли, «что мясные лавки выстроены позади Вольного рынка, чрез дорогу, в одной линии», обращены к городу тылами. Вместе с тем иногородние промышленники, устроившие мясные лавки на самом рынке, «не только доставляют гражданам в торговле подрыв, но составляют тесноту и наполняют воздух нечистотою, отчего происходит вред городским жителям».

14 августа 1798 г. магистрат уведомил инженерную команду: «Так как со времени основания города на опробованном генеральном плане для постройки мясных лавок положено за вольным рынком иметь одну лишь линию лавок для продажи мяса и резьбы скота, где таковые лавки ныне купцом Семеном Афанасьевым и выстроены, но как позади их назначенные для постройки домов кварталы еще не заняты, то и не встречается препятствия просителям Самарину с прочими, за неимением уже места в отведенной по плану линии, дозволить строить мясные лавки на противоположной стороне от вольного рынка, с тем, однако, обязательством, чтоб соблюдаема была чистота. Вместе с тем, когда вышеозначенные кварталы совершенно застроятся, то лавки обязаны они перенести на оконечность города; что же касается до бойниц, то оные близ лавок строить не дозволяется, а как место для них на генеральном плане не определено, то могут быть таковые строены в отдаленности от города».

9 сентября 1798 г. магистрат уточняет: «Лица, имеющие мясные лавки, построенные несогласно генерального плана и не в ряду, обязаны оные уничтожить, а взамен их дозволить построить такое по плану, если место есть свободное, в противном случае разрешается им выбрать место более удобное и просторное».

Здесь уместно упомянуть наименование несохранившегося дела из фонда Одесского городского магистрата, датированного 10 июня – июлем 1797 г.: «Об утверждении еврейской резницы Сруля Мошковича». Из этого следует, что стационарные мясные лавки функционировали, по крайней мере, за год до того, как свою «линию» соорудил Семен Афанасьев.

Стандартная секция Нового Мясного ряда:
двухэтажный дом с лавкой И.И. Ковшарова.
Архитектор Джордж Торичелли

Из плана Е.Х. Ферстера 1802 г. видно, что мясные ряды занимают нечетную сторону Большой Арнаутской улицы в пределах двух кварталов – XLVII и XLVIII. Первый из них ограничен будущими улицами Преображенской, Малой Арнаутской и Александровским проспектом, второй – Александровским проспектом, Малой Арнаутской и Екатерининской. В интервале между 1798-м и 1802-м мясной ряд продолжен по четной стороне Александровского проспекта в XLVII квартале и слегка изогнулся клюшкой на противоположной его стороне. Кроме того, как и планировалось, отдельные лавки и жилые здания фиксируются в глубине обоих кварталов. В перспекти-

ве же, после застройки этих кварталов домами, как было регламентировано, мясные ряды должно перенести «на оконечность города». Так вскоре и случилось: уже в середине 1800-х годов они были отодвинуты за Малую Арнаутскую.

Небезынтересная информация о, если можно так выразиться, переходном периоде истории мясных рядов содержится в одном из обширных дел ОСК по отводу мест, датированном 25 июня – 22 июля 1808 г. В это время иностранный купец Велари застроил одно из мест в XLVII квартале жилым домом. Одесский 3-й гильдии купец Николай Лифинцов сообщает, что это место ему в свое время отвел для устройства резницы военный инженер Кайзер. Была там небольшая деревянная лавка, шириной в три с лишним сажени. С одной стороны соседствовал Иван Ростовцев, а с другой Борис Суворцев (Суворцов). Более семи лет здесь шел мясной

Бывший Старорезничный ряд, перестроенный в занимавший практически целый квартал доходный дом Мичри, затем Болгарова: Малая Арнаутская, № 107, Александровский проспект, № 36. Снимок автора, конец 2000-х гг.

торг. Затем мясные лавки перенесли в другое место, а эту лавку, оставшуюся без надзора, злоумышленники растащили на дрова. Поскольку со времени переноса мясных рядов на данный момент прошло уже два года, легко посчитать, что Лифинцов, Ростовцев и Суровцев получили первичные места под резницы не позднее 1799 г. и торговали во временных деревянных лавках.

Что касается устройства стационарного мясного ряда на новом месте, между Малой Арнаутской, Александровской, Старорезничной улицами и Резничным переулком, это произошло в 1806 г. 10 июня упоминавшийся купец Ростовцев от имени купцов, занимающихся резничным промыслом, и мясопромышленников пишет, что они своих собственных лавок не имеют, а арендуют дорогою ценою чужие (очевидно, Афанасьева). Купцы просят отвести место под застройку резничными лавками «по правую сторону дороги, идущей из Вольного рынка к Фонтану (то есть по будущей Александровской улице. – О. Г.), против квартала XLVII-го». По определению, записанному в журнале ОСК от 21 июня 1806 г., просимое место для построения лавок по утвержденному Комитетом плану было отведено.

Мясные (резничные) лавки были выстроены всего за три месяца, и 17 сентября Ростовцев сообщает об этом Комитету. Места в мясных рядах достались их владельцам, как это было принято, по жребию: № 1-7 обрел сам Ростовцев, а всего получилось 28 номеров. Изначально планировалось построить 22 лавки и четверо ворот, выходящих на все окружающие улицы и переулок, но в результате вышло 28 давок и двое ворот. Как видно из планов города, упомянутые ворота выходили на Малую Арнаутскую и Старорезничную улицы, а в целом ряд представлял собой почти квадрат, образующий обширный внутренний двор.

Член Комитета именитый гражданин Кленов пишет, что из всего резнического общества только шесть человек хотят дополнительно построить двое ворот (выходящих на Александровскую улицу и Резничный переулок). 24 декабря 1806 г. одесский городской голова Амвросио обревизовал «мясные резнические лавки» и нашел, что действительно нужно еще двое ворот, что и было дозволено сделать под надзором архитектора.

В другом архивном деле фиксируется выдача 20 сентября 1806 г. открытых листов на выстроенные Ростовцевым и компанией (поименно) мясные лавки. В следующем деле из фонда ОСК сюжет о сооружении ворот находит свое продолжение. 21 января 1807 г. Комитет получает рапорт из городской полиции, в которую 19 января подано прошение от здешних резников об устройстве третьих ворот в мясных рядах одесскими купцами Иваном Токаревым, Иваном Андреевым и Петром Болгарским самочинно, без общего согласия и не против плана. Просители просят найти управу на самовольщиков, которые разломали часть общей стены к убытку остальных. Так или иначе, а в конечном итоге резничный квартал обзавелся четырьмя воротами, выходящими на все прилегающие улицы. Этот квартал виден уже на плане Фраполли 1807 г., причем здесь он показан еще смонтированным в запланированный квартал большей площади.

В дальнейшем будет видно, что большинство специализированных рядов рано или поздно дублировалось: увеличение спроса вело к росту предложения, и, следовательно, новым коммерсантам требовались очередные торговые площади. В результате возникли новые рыбные, мясные, кузнечные, дегтярные и щепные ряды. Однако, несмотря на поступавшие в ОСК многочисленные прошения

об отводе мест под означенные ряды, решение проблемы осложнялось троекратным переносом черты порто-франко. Разумеется, они не могли находиться за ее пределами. И в то же время внутри не было достаточно свободных для отвода участков. Благоприятные для отвода условия сложились после некоторого расширения границ порто-франко в соответствии с высочайше утвержденным положением комитета министров от 12 января 1826 г.

Сопоставление генеральных планов города демонстрирует процесс смещения Старого базара в направлении Городского кладбища и соответственно миграции в том же направлении *Привозной площади*, то есть пространства, на котором останавливался прибывающий в Одессу гужевой транспорт и велась торговля непосредственно «с колес». Сначала это были незастроенные кварталы XLVII-XLVIII. После застройки их мясными лавками «привоз» отодвинулся на место, вскоре застроенное резницами и щепным рядом, затем – на место, которое позже заняли рыбные ряды. Наконец, он расположился меж рыбными рядами, рвом и оборонительными казармами. Далее отступать было некуда. Однако после перемещения черты порто-франко с Рыбной улицы на Внешний бульвар появилась возможность устроить между ними не только довольно обширный «привоз», но и выстроить новые мясные и рыбные ряды, которые и возвели в 1826-1830 гг. На плане Одессы 1830 г. новые мясные и рыбные ряды и привозная площадь в целом показаны в нынешних своих пределах. Эти ряды, к слову, сформировали новую улицу – Привозную, от Екатерининской до Преображенской, на исходе XX столетия так же органично, но болезненно для коренных горожан исчезающую.

Щепные, Дегтярные, Кузнечные, Овсяные ряды

Старый щепной ряд – третий по старшинству после Старого мясного. Первым стационарным каменным рядом (конец XVIII века) был Гостиный, на будущем Александровском проспекте, предназначенный для торговли «красным товаром». Первенство Гостиного

ряда связано с тем, что торговля недешевым товаром в деревянных балаганах, с ларей и проч. была крайне затруднительной. Что касается щепного товара, то из архивных документов видно: до поры до времени им торговали как раз с временных деревянных лавок, располагавшихся за такими же временными мясными лавками, на периферии мигрирующей в направлении Городского кладбища привозной площади. Пишу «привозной» со строчной буквы, поскольку слово это в конце XVIII – начале XIX столетий фиксирует главным образом функцию, функциональное назначение, а не некое утвердившееся конкретное название, то есть это еще не топоним.

Прошения от торговцев, с давних пор торгующих щепным товаром с мелочных лавок, о построении стационарных каменных поступали в ОСК неоднократно. 12 августа 1809 г. в присутствии герцога де Ришелье строить «просимые места или так называемый Щепной ряд» было позволено. При этом оговаривалось, чтоб там продавались исключительно «уголья, вилы, дрючки, колья» и т. п. Лавки должны были строиться по утвержденному Комитетом плану, в один год, начиная с 1 апреля 1810 г.

Под Щепной ряд отмежевали территорию напротив XLVIII квартала, по нечетной стороне Малой Арнаутской улицы, меж Екатерининской и Александровской. За Александровской улицей к нему примыкал Мясной (Резничный) ряд, за Екатерининской – XIV квартал, а за Старорезничной несколько позднее отстроили Рыбные ряды. Из плана Франческо Фраполли 1807 г. видно, что впоследствии Щепной ряд занял около половины намеченного, но так и не состоявшегося жилого квартала, другую часть которого отвели под Рыбный ряд.

Сооружение лавок пошло довольно быстро: прошения о выдаче владельческих документов стали поступать в том же году, одновременно продолжался и отвод мест новым просителям. При этом постоянно и четко фиксируется привязка Щепных рядов к Вольному рынку: то есть, как уже упоминалось, это торжище территориально включало не только четыре отделения (квартала), непосредственно окаймлявших рыночную площадь, но и серию окрестных специализированных рядов, и, разумеется, «привоз».

27 октября 1810 г. одесский купец Алексей Татаринов «на отведенном ему от Комитета месте, состоящем на вновь прибавлен-

ном квартале неводдаль лесных рядов под № 14» построил лавку по плану. Место отведено ему 11 июля 1810-го – «в щепном ряду № 14», мерою пять на три сажени. Архитектор Ф. Фраполли свидетельствует, что лавка построена по плану, и ОСК принимает решение о выдаче Татаринову открытого листа. 15 декабря 1810 г. одесский мещанин «евреин Лейба Хаймович» докладывает Комитету, что выстроил лавку в Щепном ряду, «на вновь прибавленном квартале, под № 12». В деле указано, что место отведено 10 сентября 1809 г., мерою пять на три сажени, то есть он получил его в числе первых. После освидетельствования городским архитектором Хаймовичу выдали владельческие документы.

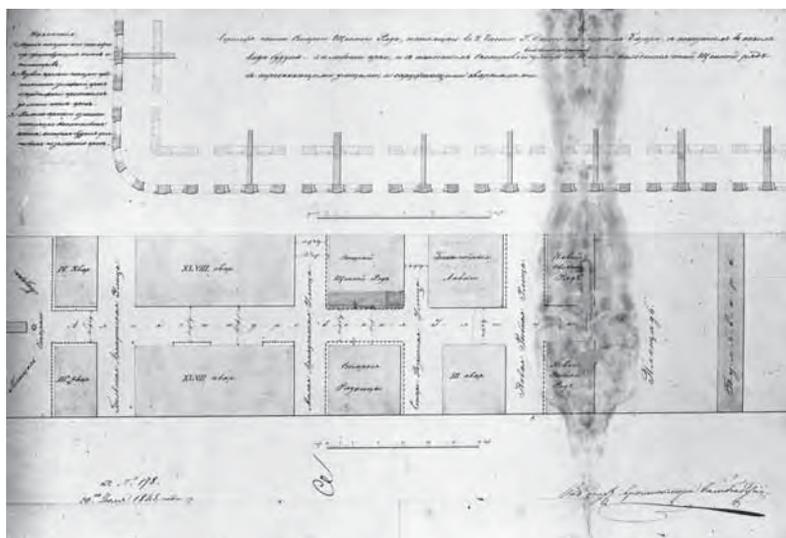
В тот, как и в последующий период, застройщиками Щепного ряда были преимущественно евреи, нередко далеко не лучшего достатка. Так, мещанину Лейбовичу для сооружения лавки № 9 понадобился не год, а более двух лет. Место ему отвели 10 сентября 1809 г., а построился он «на вновь прибавленном квартале неводдаль мясных рядов» 6 июня 1812 г. 8 августа того же года лавку № 64 окончил другой мещанин Лейбович, по имени Мендель, судя по всему, родственник предыдущего. Место ему отвели 10 ноября 1810 г., то есть на постройку у него ушло без малого два года. В этот же период в числе просителей и застройщиков Щепного ряда упоминаются одесские жители Беня Валиович, Мошка Вельсер, Файбиш Абрамович, Янкель Кимберг и др.

Застройка Старого щепного ряда продолжается в середине и второй половине 1810-х годов, отчасти по несостоятельности тех лиц, которым места отводились прежде, и которые не сумели возвести лавок. Наличие незастроенных мест фиксируется архивными документами в 1815-м, 1816-м и т. д. Весной 1817 г. в Щепном ряду появляются еще и колесные лавки. Дело в том, что места под них были отведены далеко за городом, а потому никто не пожелал там строиться. И поскольку в Щепном ряду все еще оставалось «вдосталь пустых мест», то колесники и просили отдать их им. По распоряжению ОСК архитекторский помощник Джованни Фраполли фиксирует эти пустопорожние места № 28-59, и просителям отводят оные на общих основаниях. На плане города, составленном архитектором Торичелли в 1828 году, в этом ряду обозначено 72 лавки: по 26 мест с длинной стороны и по 10 с торцевой.

В тот же период возникает обычная для юной Одессы коллизия: Щепной ряд построен и функционирует, а между тем щепным товаром продолжают торговать в других местах. Точно так же после постройки мясных, рыбных, дегтярных и прочих рядов оными товарами продолжали торговать вразнос, на несанкционированных местах и т. п. По этой причине коммерсанты Щепного ряда обращаются в Строительный комитет, жалуются на подрыв торга, а ОСК, в свою очередь, обязывает городскую полицию следить за тем, что «когда лавки будут для какого рода промышленности построены, то в других местах продажа тех товаров не должна быть производима». Разбор проблемы продолжался в интервале 26 ноября 1817 г. – 21 марта 1818 г., а постановление Комитета, как видим, имеет отношение ко всем без исключения специализированным рядам. В этом случае совершенно очевидно, что ОСК исполняет функции, весьма далекие от собственно строительной части.

Другим старым районом щепной и дегтярной торговли служили окрестности так называемой *Верхней немецкой колонии* (территория компактного проживания преимущественно ремесленников, выходцев из германских государств; *Нижняя немецкая колония* – Ремесленная улица и ее окрестности), ниже Лютеранской площади, в районе улиц Дегтярной и Кузнечной: функциональная связь кузнечного, дегтярного и щепного промысла очевидна. Лавки для торговли дегтем «в одну линию, длиною, как придется по числу их, а в ширину до 5 аршин» разрешили строить нескольким купцам и мещанам еще в августе 1800 г. С другой стороны, сформировавшийся здесь впоследствии густонаселенный жилой массив со множеством ветхих деревянных пристроек в тесных двориках совершенно не годился для складирования огнеопасных материалов. И хотя Щепной ряд функционировал на Вольном рынке, аналогичная торговля долго оставалась и на Дегтярной улице, в 3-й части города. История переноса отсюда щепной и дегтярной торговли растянулась на долгие годы.

В орбите Верхней немецкой колонии помимо Дегтярного находился и так называемый Кузнечный ряд. В одном из «отводных дел», хранящихся в фонде Строительного комитета, прямо сказано о том, что места под кузницы в «Старом кузнечном ряду» отво-

План, указывающий, как станут заделываться арки лавок Старого щепного ряда, обращенных к Александровской улице и Старому резничному ряду. Справа, за Новой Рыбной улицей – Новый овсяный, Новый рыбный ряды и Привозная площадь. Архитектор Луиджи Камбиаджи, 1845 г.

дила еще инженерная команда. Из контекста совершенно очевидно: ряд этот обустроивался довольно рано, до создания ОСК, судя по всему, одновременно со Старым дегтярным, по параллельной Кузнечной улице. Это тем более очевидно, что до 17 мая 1815 г. Кузнечный ряд строился без утверждения планов и фасадов. Перустройство ряда с этого времени обусловлено последствиями прошения самих кузнечных мастеров, поданного в Комитет 24 октября 1814 г. Наличие не только собственно кузниц, но и жилых домов при оных фиксируется здесь, по крайней мере, в середине 1800-х годов.

17 мая 1815 года в журнале заседаний ОСК отмечено: кузнечные мастера пишут о том, что с давних пор им отведены под кузницы места, но владельческих документов у них нет. Проводивший рекогносцировку на местности архитектор Фраполли не нашел препятствий от сближения Кузнечного ряда с оборонительными казармами. Однако он зафиксировал при кузнях жалкие землянки

и хижины, безобразящие город. Кузнецы занимаются своим ремеслом прямо под открытым небом. А меж тем квартал, занятый кузнями, «уже вошел в город», то есть этот обособленный на первых порах островок на Греческом форштате соединился с материком Военного форштата постепенно обустроивающейся улицей Немецкой (Колонистской, Ямской) и параллельными. Поэтому отныне дома должны здесь строиться по типовому плану в течение полутора лет. При этом кузня может находиться в нижнем этаже, под сводами.

В начале 1820-х годов в Кузнечном ряду и на примыкающих местах строились вовсе не только одни кузнецы, но и ремесленники других специальностей, в первую очередь, из германских государств. Так продолжался процесс формирования Верхней немецкой колонии.

Поскольку мы упоминали в этом разделе Дегтярные и Кузнечные ряды, уместно вкратце упомянуть и помещавшиеся близ них, на Греческом форштате, Овсяные. Места под овсяные лавки отводились по определению ОСК от 5 сентября 1818 г., а списки отвода были составлены еще в августе. В целом под этот ряд отмежевали 2572 квадратные сажени городской земли, составившие 43 номера равной меры. Правда, 33 из этих мест имели дворы, а 10 не имели, что было обусловлено треугольной формой Овсяного ряда, имевшего общий полукруглый двор и ворота на три улицы. Срок застройки определялся в полтора года, начиная с 1 марта 1819 г. Из «Книги на записку утвержденных Комитетом планов» за 1823–1824 годы видно, что некоторые овсяные лавки строились здесь и после назначенного срока.

Рыбные ряды

3 августа 1804 г. герцогу де Ришелье было адресовано прошение от группы «торгующих разною рыбою одесских мещан». «По неимению в здешнем городе особых рыбных рядов, – пишут они, – имеем мы крайнюю в оных необходимость. По причине, что на Вольном рынке да и нигде в городе для складки заготовленной нами в немалом количестве на знатную сумму вялой и про-

соленой рыбы ни за какие деньги (помещения. – О. Г.) нанять не можно. Чрез то самое получаем мы немалые в капитале своем убытки и разорение». 20 августа из Строительного комитета в Одесскую инженерную команду поступает распоряжение Ришелье «отвести места для рыбных лавок на Греческом форштате, на кварталах по четыре: L, под № 568, 569, 574, 575; XLIX, под № 556, 557, 563, 563-м; LI, под № 576, 577, 588, 589; LII, под № 590, 591, 598, 599, и таковое исполнение отнестъ инженерной команде».

Как видим, в данном случае Рыбный ряд дробился на четыре обособленных фрагмента, причем не имел непосредственного отношения к Вольному рынку, ибо все упомянутые кварталы находились на Греческом, а не на Военном форштате. Очевидно, такое решение было связано с необходимостью удаления, если можно так выразиться, экологически неблагоприятных рыбных складов из жилой зоны в район, где застройка только начиналась. Кварталы L и LII лежали по обе стороны будущей Немецкой (Лютеранской) площади, квартал LI – это конец четной стороны улицы Тираспольской, наконец, квартал XLIX лежит меж улицами Преображенской, Малой и Большой Арнаутскими, Мещанской.

В фонде ОСК сохранилось отдельное дело от 16 августа 1804 г. «Об отводе мест на застроение рыбных лавок». Здесь сброшюрованы прошения одиннадцати одесских мещан, одного купца и одного отставного военного «в Установленный в Одессе комитет», написанные по единому стандарту: «На вновь назначенных местах для произведения рыбных торгов имею я намерение выстроить в приличности означенного прожекта лавку с принадлежащим к ней строением (...)» и т. д. То есть каждый из них имел возможность получить целое место, а одно даже оставалось свободным.

Несмотря на благородное намерение просителей выстроить рыбные лавки «в приличности», реально это было едва ли возможно, учитывая социальный статус застройщиков, да и само местоположение отведенных им мест. Из плана Ф. Фраполли 1807 г. не видно, чтобы указанные кварталы интенсивно застраивались. Судя по всему, первые рыбные лавки представляли собой очень скромные сооружения. Это тем более очевидно, что после чумной эпидемии обнищавшие промышленники Херсонской площади

(Нового базара) просили Ришелье о переводе к ним Рыбного ряда, на что 23 марта 1814 г. последовало дозволение.

Меж тем отсутствие стационарных помещений для торговли и складирования рыбы на Вольном рынке оставалось проблемой, в особенности остро обозначившейся после весьма удачных для города 1816-1817 годов, когда резко возрос хлебный экспорт и соответственно доходы горожан. В сентябре 1818 г. на Вольном рынке, за Щепным рядом, отвели ровно столько же места под Рыбный. Получившие землю под застройку обязаны были построить двухэтажные лавки по утвержденному плану в один год, начиная с 1 марта 1819 г. А 14 октября 1818 г. Одесский комитет получил новое прошение «от промышленников рыбною торговлею». Они сообщали, что городской архитектор Дигби объявил им сделанный по повелению Комитета план на построение рыбных лавок в два этажа. По этой причине просители объясняют Комитету, что, во-первых, между ними мало сыщется таких состоятельных людей, которые смогут выстроиться по сему плану, а во-вторых, «что промышленность рыбою неудобно производить в двухэтажных лавках, а должны лавки быть без потолков, чтобы воздух проходил повсюду, а с потолка лавки теплые, и рыбы держать в них невозможно, которая от духоты будет портиться. По сим обстоятельствам Комитета покорнейше просим повелеть г-ну архитектору сделать план на построение рыбных лавок в один этаж».

Здесь уместно привести следующую цитату из журнала заседаний ОСК: «1818 года сентября 16 дня Одесский комитет слушали рапорт городского архитектора Дигби, которым на повеление Комитета об отводе мест под рыбные лавки доносит, что по разбивке в натуре мест на Военном форштате против Щепного ряда, назначено место по Сенной площади – 92 поперек, с обоих концов 20 сажень, для 19 лавок с галерею по лицевой линии с площади, а против Щепного ряда 19 домов». То есть со стороны Сенной площади, местоположение которой теперь становится понятным, следует строить лавки, а со стороны Щепного ряда – примыкающие к ним с тыла жилые помещения. Места по жребью, сроком на один год, считая с 1 марта 1819-го, достались: сотруднику Комитета титулярному советнику Михаилу Кривчикову («случайно» – два выгодных угловых, № 1 и 2), бахчисарайскому купцу

Лавки в Старом рыбном ряду. Фото Георгия Зозулевича, 1960-е гг.

Илье Ичаджику – № 3, мещанину Николаю Павлову – № 4, мещанину Димитрию Панченко – № 5, купцу Димитрию Калафати – № 6, мещанину Ивану Керексили (?) № 7, купцу Ивану Биби – № 8, мещанину Максиму Могилевскому – № 9, мещанину Илье Базарному – № 10, мещанину Ивану Барабашеву – № 11, купцу Ивану Дичопуро (Дичопуло?) – № 12, мещанину Якову Цурину – № 13, мещанину Леонтию Тимченко – № 14, купцу Григорию Немешеву – № 15, мещанину Якову Арсентьеву – № 16, мещанину Якову Доброве – № 17, мещанину Федору Кулибину – № 18, мещанину Даниле Колошину – № 19.

Небезынтересно, что одновременно, с 1 марта 1819 года, должна была начаться застройка еще одного нового квартала, III, небольшого, соседнего, меж будущими улицами Александровской, Рыбной, Резничным переулком, Старорезничной. Здесь какой-то период находились временные рыбные лавки. Места раздавались опять-таки по жребию, поскольку экспозиция была по-разному выгодной: «от степи», «в середине», «от резниц». Участки сроком на год получили Тимофей Ващенко, Николай Павлов, Григорий Немешов (Немешев).

Одноэтажный Рыбный ряд в классическом стиле был сооружен в начале 1820-х годов, он описан и проиллюстрирован в литературе. Как видно из плана города, составленного архитектором Торичелли в 1828 году, он состоял из 24-х лавок (мест). Однако с ним произошла история, характерная и для других специализированных торговых рядов, скажем, для Старого щепного. Владельцы рыбных лавок использовали их не по назначению, что нередко было выгоднее в условиях дефицита рыночных помещений. Многие лавки переходили в другие руки, и новые владельцы сдавали их в аренду под кабаки, ренсковые погреба, кофейни, харчевни, ночлежки. В связи с этим реальные рыбопромышленники по-прежнему оставались без торговых и складских помещений, а потому вынуждены были просить ОСК об отводе им места под Новый рыбный ряд.

Сюжет этот подробно изложен в деле ОСК, начатом 3 февраля 1825 г., «О построении рыбных лавок на Старом базаре». Излагаю резюме. Сначала прямо говорится об использовании Старого рыбного ряда, устройство которого начато в сентябре 1818 г., не по назначению. Действующие рыбопромышленники просят отвести новые места. Свободная территория, как уже упоминалось, это часть Привозной площади, в 40 саженях от Городского кладбища. Однако там, «на выгоне Старого базара», по разрешению градоначальника Н. Трегубова с 1821 г. находятся временные деревянные лавки для мелочной торговли. Означенные торговцы вмещиваются в отвод мест, требуя первенства по справедливости. Их просьбы удовлетворяются, и им передают уже прежде розданные места. Назревает конфликт меж двумя группами застройщиков. ОСК разводит враждующие стороны. Прошения от рыбопромышленников и мелочных торговцев поступают в 1826-1828 гг. На построение лавок Комитет дает два года. Первые построены уже в 1828-м, а последние в 1830-м. Замечательно, что в числе построившихся есть и владельцы старых рыбных лавок, которые изначально вообще убеждали власти в нецелесообразности строительства Нового рыбного ряда.

Важный момент. Все специализированные ряды возводились по утвержденным Комитетом классическим фасадам, с колоннадами и галереями. Они окаймляли Александровскую площадь,

одноименный проспект, площади Старого и Нового базаров, улицу Новорыбную, Старорезничную и др., как бы имитируя античную агору, то есть позиционировали Одессу как наследницу античных полисов. Однако в практическом смысле такое устройство тривиальных рыбных или мясных лавок не вполне отвечало их назначению: галереи сокращали площадь и без того не очень обширных торговых помещений, затрудняли непосредственное общение с покупателем. Поэтому постепенно многие из галерей застраивались – после челобитных домовладельцев и соответствующих санкций высшего начальства и ОСК. Так были застроены галереи Гостиных рядов в домах Протасова и Авчинникова, Новые мясные и Новые рыбные ряды, часть галерей по периметру Херсонской и Старобазарной площадей. К 1840–1841 гг. относится дело «По предписанию г-на генерал-губернатора о дозволении хозяевам Нового рыбного ряда устроить в их лавках вместо колонн двери с окнами», из которого читатель имеет возможность почерпнуть подробности процесса преобразования фасадов.

* * *

Изложенное в сопровождении иллюстраций позволяет получить довольно четкое представление о том, что представляли собой специализированные торговые ряды в пушкинское время, а равно об этническом и социальном составе владельцев тех или иных лавок, некоторых обстоятельствах быта.

Новый рынок (Херсонская площадь)*

Посещения Пушкиным Нового базара вполне вероятны. Рынок располагался в двух кварталах от Соборной площади, поблизости находилось несколько домовладений, связанных с пребыванием Поэта в Одессе: Кирьяковых, Кошелева, Фундуклея, Давыдовых, Румаре и др.

Может создаться впечатление, будто второй большой одесский рынок сформировался в силу активизации застройки

* Более подробно история этого района рассмотрена в моей монографии «История градостроительства Одессы...» (2015).

Греческого форштата. Полагаю, однако, что дело обстоит не совсем так или скорее совсем не так: это как раз Греческий форштат стал энергично расти в процессе формирования Нового базара, по той же схеме, что и Вольный рынок.

Застройка Херсонской площади торговыми рядами, жилыми и хозяйственными сооружениями инициировалась Одесским строительным комитетом под председательством герцога де Ришелье и была обусловлена двоякими причинами. Во-первых, явилась настоятельная необходимость разгрузить Вольный рынок, в очередной раз заполненный временными деревянными лавками. Владельцы таких лавок подрывали торг стационарных обитателей базара, а бороться с ними репрессивными мерами означало уже подрывать благосостояние мелких и мелочных коммерсантов, а вместе с ним – Одессы в целом. С другой стороны, близ Вольного рынка постепенно начинал ощущаться дефицит свободных территорий, тогда как Греческий форштат практически пустовал: относительная концентрация построек в середине 1800-х наблюдается лишь в кварталах, примыкающих к будущей Соборной площади. «Херсонская же улица, – по мнению А. Белецкого, – в то время была лишь кое-где намечена небольшими землянками». Поэтому ОСК и принял обоснованное решение о передислокации на Херсонскую площадь тех коммерсантов, кои опоздали к раздаче мест на Вольном рынке и владели там лишь временными лавками. Ришелье и Комитет в целом справедливо полагали, что в числе таковых переселенцев найдутся предприимчивые, достаточные люди, которые обустроят новую рыночную площадь, и она сделается центром кристаллизации нового городского района.

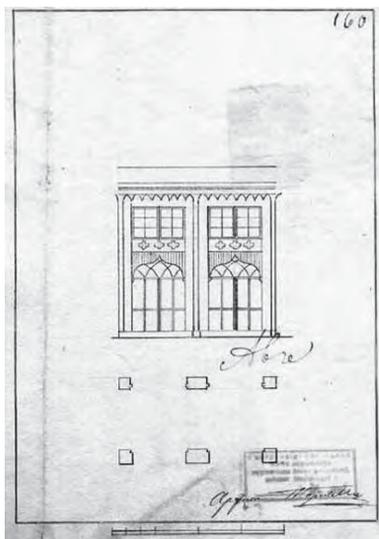
Из архивных дел видно, что в канун раздачи мест на Херсонской площади прилегающие кварталы были по большей части пусты. Так, например, 28 июня 1809 г. в XVII квартале (меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской, Нежинской и Средтенским переулком) сразу несколько мест, № 201-202, 209-212, больше половины всего квартала, передали в другие руки, поскольку прежние владельцы их не застроили.

19 сентября 1810 г. ОСК определил: назначенные на новой площади для лавок места отвести тем, кто должен перенести

туда временные свои лавочки с Вольного рынка, и не иначе как по жребью, таким образом, чтобы, приготовив номера, созвать всех их в Комитет и предложить им взять один номер наугад. Далее же, когда владеющие лавочками на Вольном рынке промышленники будут удовлетворены, и затем останутся еще свободные места, то последние отвести по обыкновенному в Комитете постановленному правилу – по очередности подачи прошений. При раздаче мест вышесказанным промышленникам, имеющим лавочки, наблюдать строго: 1) точно ли имеет тот лавочку, который просит ныне на новой площади места; 2) в состоянии ли он выстроить лавку по назначенному плану и представил ли свидетельство за подписью градского главы и полицмейстера о состоятельности. Определение подписали действительный статский советник граф Сен-При (председатель Одесского коммерческого суда), карантинный инспектор Россети, таможенный директор Скадовский, коммерции советник Рено и градской глава Андросов.

Жеребьевка в ОСК проходила в два этапа, 20 и 24 октября, а выдача квитков – 24-го и 26 октября 1810 г. При этом получившие места подписали обязательства: отстроить лавки по утвержденному плану в течение семи месяцев, начиная с 1 апреля 1811 г. К заготовлению материалов следовало приступить тотчас же, а строительство начать весной, не позже первой половины июня. Ежели к этому времени по освидетельствованию на месте не окажется заготовленного материала, участок отберут. Если за семь месяцев лавка не будет полностью построена, хотя бы даже постройка поднята выше цоколя, землю все равно отберут и передадут более надежному исполнителю, а тот возместит расходы предыдущему владельцу за материал и работу. Кроме того, лицо, получившее квиток, не имеет права передавать место в другие руки до завершения строительства и получения владельческих документов. В двух жеребьевках участвовало 39 владельцев временных лавок на Вольном рынке, в том числе: 16 купцов, двое, причисляющихся в купечество, и 21 мещанин. Этническая раскладка: 22 славянских фамилии, шесть греческих, 10 еврейских и одна немецкая.

С конца октября начинается практический отвод мест, доставшихся по жребью, во всех пяти кварталах (отделениях) Херсонской

Лавка купца 3-й гильдии Егора Молчанова
на Новом рынке.
Архитектор Джорджо Торичелли, 1826 г.

площади, вдоль будущих улиц Торговой, Нежинской, Конной, Княжеской. С января 1812 г. отвод мест продолжается, в том числе – тех свободных мест, которые остались после жеребьевки между владельцами временных деревянных лавок на Вольном рынке. Первые лавки на формирующейся рыночной площади отстраиваются уже весной 1812 г. в V квартале, расположенном между улицами Торговой, Коблевской, Нежинской и Сретенским переулком. Занимательно и замечательно, что часть этого квартала, спроектированного Франческо Фраполли, сохранилась до сих пор!

Как и предполагали инициаторы внедрения этой меры в лице Ришелье и ОСК, в то же время по случаю открывающейся перспективы одесские жители начинают активно разбирать места в окрестностях Херсонской площади. Однако тут же вновь возникла прежняя навязчивая проблема временных деревянных лавок: едва застройщики успели завершить свою многотрудную затратную работу, как тут же получили конкурентов в лице дежурных «лавочников». Уже 1 апреля 1812 г. в ОСК поступает жалоба одесских купцов: пока они добросовестно возводят каменные строения, некоторые лица, вместо того чтобы заниматься тем же, ваяют деревянные лавочки и шалаши, порой прямо перед отведенными им местами. Петицию подписали девять купцов и один мещанин. Из этого следует, что солидные фигуранты серьезно взялись за дело, а менее состоятельные лица стремились получить в создавшихся обстоятельствах хотя бы мелочную выгоду. Многие из несостоятельных горожан впоследствии потеряли здесь свои места, а данную проб-

лему ОСК разрешил 8 апреля указанием городской полиции немедленно уничтожить все деревянные лавочки.

По ходу сооружения торговых отделений (кварталов), примыкающих к переулкам, возникла уже знакомая нам ситуация, а именно нехватка места для устройства дворов, примыкающих к лавкам с тыльной стороны. 6 июня в Комитет поступает прошение от девяти домовладельцев пионерной застройки – V квартала: «По отводу нам в 5-м квартале мест, выстроены нами чрез весь тот квартал во всем сходно плану лавки для торговли, и при оных к своему жительству домики». Однако нужны ведь и дворики. Между тем позади квартала есть место в переулке, и если отрезать от него немного земли, то ширина проезда и тогда составит 9 сажен. 20 июня 1812 г. ОСК гуманно прибавляет по 3 сажени земли за счет территории переулков домовладельцам всех трех примыкающих к ним кварталов Нового базара – II, III и V – «по тесноте дворов».

В это же время продолжается переход мест, доставшихся по жребию, но не застроенных в срок, в другие руки. Мы видим, например, как некоторые из этих номеров уже в 1812 г. достаются крупнейшим застройщикам Херсонской площади – купцу Великанову и князю Жевахову (см. ниже). Занимательно, что 23 ноября 1811 г. два места, № 66–67, в IV квартале отвели самому архитектору Ф. Фраполли, однако он отказался от постройки, и 6 июня 1812 г. их передали другому лицу. Тогда же, летом, целая серия мест в разных отделениях площади тоже переходит в другие руки. Параллельно наблюдается отвод еще не розданных мест и завершение постройки лавок. Процесс этот продолжается в 1813 г., после ликвидации чумной эпидемии.

Чума основательно подорвала позиции промышленников Херсонской площади, ибо они вложили в застройку значительные капиталы, а доходы в этот период упали практически до нуля. 16 марта 1814 г. 50 застройщиков подают прошение на имя герцога де Ришелье. Они пишут, что выстроили лавки по утвержденному плану, надеялись вознаградить затраты, но тут навалилась «заразительная болезнь». Вследствие несчастливых обстоятельств они доведены до крайности. Для того чтобы придать новый импульс торговым оборотам, просят «перевести на Херсонскую площадь рыбный ряд и скотскую продажу».

Очень важный момент: обращаются «новобазарцы» к Ришелье, а ответ получают от Комитета, где он председательствовал. Следовательно, как уже отмечалось, ОСК и был главным управленческим инструментом херсонского военного губернатора и одесского градоначальника. 23 марта Комитет находит справедливым тот факт, что надо уравнивать права Вольного рынка и Херсонской площади. По этой причине перенос Рыбного ряда был разрешен. Что касается торговли скотом, то она остается на прежнем месте, то есть на выгоне Вольного рынка, «не запрещающая, впрочем, промышленникам скотом продавать оный, где пожелают из обеих рынков». Это означает, что с весны 1814 г. оба рынка сделались почти равноправными.

23 июня того же года претензии предъявляются уже к самим промышленникам Херсонской площади. Владельцы лавок в Дегтярном ряду жалуются в Комитет, что на «новом базаре» тоже продают деготь и тем самым подрывают их торговлю. 13 июля 1814 г. Комитет пишет в полицию, чтоб деготь по городу более нигде, как только в Дегтярном ряду, не продавали, ибо «каждый здесь рынок имеет свое назначение: что на нем продавать дозволено». Городская полиция пресекла несанкционированную дегтярную торговлю, о чем рапортовала Комитету 7 сентября. Рапорт был получен в ОСК 10 сентября.

26 марта 1815 г. Одесский комитет сообщает в городскую полицию относительно полного уравнивания прав Вольного и Херсонского рынков. Суть в том, что к этому времени Греческий форштат уже довольно интенсивно застраивался, но его обитатели вынуждены были покупать некоторые припасы на отдаленном Вольном рынке. Учитывая отсутствие добротного мощения, в осенне-зимний период сообщение двух районов до крайности затруднялось. Посему ОСК разрешил продавать на Херсонском рынке все, что только ввозят через Херсонскую рогатку: мясо, рыбу, зелень, печеный хлеб и другие продукты.

Между тем в 1815–1819 гг. застройка Херсонской площади продолжается во всех кварталах. В книгах о выдаче утвержденных Комитетом планов в первой половине 1820-х годов фиксируются уже и отдельные достаточно солидные здания, примы-

Площадь Нового рынка в 1860-х

кающие к торговым корпусам со стороны переулков. В архивных делах иного рода находим оценочную стоимость таких строений – по тем временам весьма значительную.

Из городского плана, составленного архитектором Торичелли в 1828 году, видно, что в I квартале было 17 лавок (мест), во II – 18, в III – 15, в IV – 17, в V – 15.

Как раз во время пребывания Пушкина в Одессе, весной 1824-го, на Новом рынке случился довольно большой пожар. В итоге сгорело пять домов на Херсонской площади.¹

* * *

Подытоживая информацию о рыночных площадях и специализированных торговых рядах, отметим следующее. В пушкинское время все они представляли собой довольно гармоничные архитектурные ансамбли в классическом стиле. Это не могло не производить впечатления на приезжих из «внутренних губерний». Их взору открывался архаичный, чуть ли не античный европейский город, наполненный людской энергией, и при этом этнически пестрый, разношерстный, противоречивый, непривычный, очевидно, озадачивающий, настораживающий, а кого-то даже раздражающий – диссонансом формы (как бы агора) и содержания (как бы караван-сарай).

На протяжении многих десятилетий городское гражданство вовсе не было монолитным, целостным, однородным, таким уж тесно сообщающимся. Даже почти 20 лет спустя в местной газете указывают на «разные разности из одесской жизни», «разные слои, круги и кружки»: евреи – в одном, русские купцы – в другом, негоцианты-иностранцы – по разным нациям, чиновники отдельно, артисты отдельно. «Даже по частям города у нас разница если не в характере населения, то в каком-то особом, тонком, впрочем, и не легко узнаваемом, но, тем не менее, существующем типе. Этот тип определяется всего точнее местностью, но еще более возникает он от того, что каждый избирает себе то место и тот уголок, где ему привольнее, где он чувствует себя, как у себя, у своего очага, а не вчуже. Таким образом, новобазарное население не то, что население около Старого базара или у Михайловского монастыря, и еще менее то, что на Греческом, или за балкою и за Новиковым мостом, или на бульваре и в Воронцовском переулке. Все это вращается в своих перифериях, и только подчас какая-нибудь чрезвычайная новость электрической искрой проносится по этим разрозненным сферам...».²

Продолжение следует

Примечания

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 9, л. 169 и др.

² Одесский вестник. — 1853, № 129.

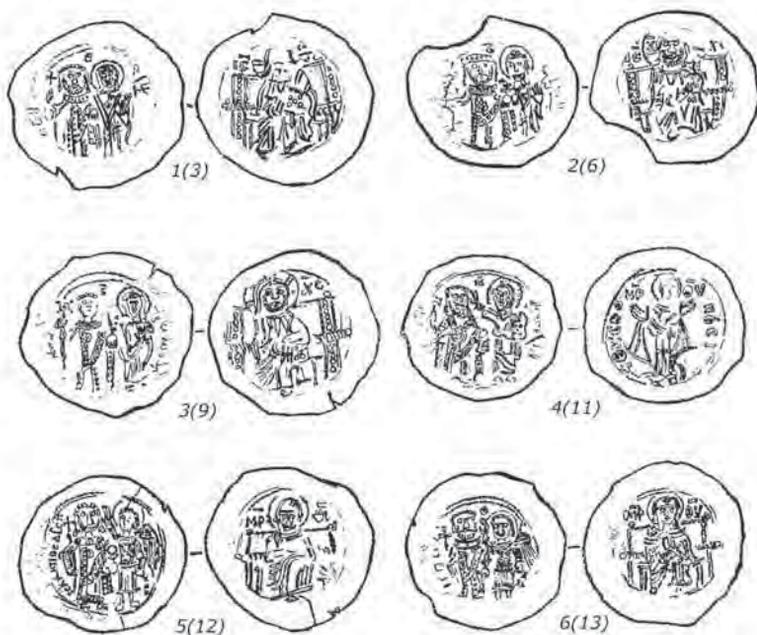
Андрей Добролюбский

Ошибка императора Исаака

«Им досталось... множество денег...»
Георгий Акрополит

Полвека тому назад, в 1970 году, в одном из курганов у озера Катлабух близ пос. Суворово (Шикирли-Китай) Измаильского района Одесской области было обнаружено впускное погребение. Оно находилось у вершины кургана, на глубине чуть более полуметра от его тогдашней поверхности, и было сильно разрушено. Судя по остаткам скелета, умерший был уложен вытянутым на спине, головой на запад. При нем находился короткий (до 1 м) простой меч (сабля?) очень плохой сохранности, две костяные пластины без орнамента и слева в анатомическом порядке кости ног лошади (тризна?). У тазовых костей лежало скопление скифатных византийских монет (13 экз.), находившихся, вероятно, в кошельке или сумке у пояса [1].

Такое захоронение по составу монетной находки может уверенно датироваться концом XII в. Монеты принадлежат эмиссиям трех византийских императоров, а именно: десять билоновых (фактически медных) монет Мануила I Комнина (1143-1180 гг.) IV типа по «Catalogue of the Imperial Bizantine Coinesin...» В. Росса (император, венчаемый Богоматерью; Христос на троне) [2]; одна такая же монета Андроника Комнина (1183-1185 гг.) II типа по В. Россу (император, венчаемый Христом; Богоматерь-Оранта) [3]; две такие же монеты Исаака Ангела (1185-1195 гг.) II типа по В. Россу (император, венчаемый архангелом Михаилом; Богоматерь на троне) [4] (см. рисунки).

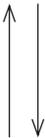

Монеты из погребения

Итак, в данном кладе мы видим количественное преобладание монет Мануила Комнина, наличие монеты Андроника Комнина и только двух монет Исаака Ангела. Это позволяет отнести время захоронения клада к первым годам правления последнего, то есть не ранее 1190-х гг.* Византийские монеты XII в. на территории Буджака встречаются довольно редко. В научный оборот введено лишь несколько монет поздних Комниных [5]. Но ни в одном из зарегистрированных случаев количество монет в одном комплексе XII в. не превышает двух экземпляров. Наш случай, можно сказать, беспрецедентный. Совершенно очевидно, что «нашему» умершему было оказана особая честь. Хотя его

* Определение монет и времени тезаврации клада было сделано профессором П.О. Карышковским. См.: [9, с. 71-75].

Описание монет из погребения вблизи села Суворово

Номер	Вес, г	Диаметр, мм	Легенда	Соотношение осей	Инвентарный номер в фондах ОАМ	Примечания
1	2,23	26-27	МАНУИЛ КОМНИН (стерта)		53377	Двойной удар по реверсу. В отличие от определения В. Росса, во всех случаях этого типа над головами в центре θ , в поле справа – М–Р.
2	2,13	26-27	МАНJ	То же самое	53378	
3	2,13	26-29	МАНV	То же самое	53379	
4	2,08	25-28	Стерта	То же самое	53380	Складывается из двух фрагментов, выщербленных в середине
5	2,05	24-26	МАНΟΥ ИЛ	То же самое	53381	

Номер	Вес, г	Диаметр, мм	Легенда	Соотношение осей	Инвентарный номер в фондах ОАМ	Примечания
6	2,04	25-26	АНJ	То же самое	53382	
7	2,04	25-27	Неразборчиво	То же самое	53383	Двойной удар по аверсу
8	1,93	22-24	ДЕСПОТН	То же самое	53384	
9	1,82	25-26	МОЛ ЄСПОТН	То же самое	53385	Слегка отломанный край
10	1,76	22-27	ЧАНОЛ АНДРОНІК КОМНІН	↑ ↘	53386	Отломанный край
11	4,61	28-30	[ДЕСПОТН]		53387	Надпись на аверсе нечеткая, на реверсе отвечает В. Россу
12	4,05	28-30	ІСА К АНГЕЛ ІСААКІУСДЕСП	↑ ↓	53388	По написанию отвечает № 15 у В. Росса
13	3,61	28-29	ІСАА ○	То же самое	53389	Ближе всего к № 12 у В. Росса

социальный статус был не столь уж высок (остатки конечностей коня, простая сабля, лук – обычный легковооруженный конник), уложение в могилу таких денег придавало ему особые престижность и уважение. Чем же он мог это заслужить? По типу погребального обряда наше захоронение со всей определенностью относится к печенежско-торческому населению степей X-XI вв. [6, с. 142-145]. Однако известно, что после половецкого (кыпчакского) нашествия в конце XI – начале XII в. печенеги и торки были вытеснены из Дунай-Днестровского междуречья. И никаких сведений о пребывании здесь печенегов в конце XII в. не имеется [7, с. 54-65]. Значит, остается предположить, что наше погребение может служить указанием на уход части печенежско-торческих кочевников к границе с Византией и даже на их тесные отношения с империей [8, с. 43-53]. Впрочем, при отсутствии иных источников такое предположение кажется довольно умозрительным. Поэтому уместен поиск и других «претендентов» на этот обряд. Таковыми могут оказаться аланы-асы (ясы, бродники).

Попробуем кратко пояснить сказанное. Аланы-ясы, или асы, являются подлинными «старожилами» Северо-Западного Причерноморья с античных времен. Впервые они упоминаются в источниках I в. н. э. как «асиаки» [10, с. 125-132]. В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия сказано, что «...народ аланы есть скифское племя». Они входили в состав обширнейшего сармато-аланского объединения племен роксоланов. В общем потоке Великого переселения народов, начавшегося с конца IV в., они, по всей видимости, не покинули запад причерноморских степей. На карте некоего испанца Беата, составленной в конце VIII в., Алания изображена непосредственно к северу от устьев Дуная [11, с. 79-93].

В IX в. какая-то часть аланов вместе с венграми под давлением печенегов переселилась в низовья Днестра и Дуная. В X в. в письме от 922 г. константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает болгарскому царю Симеону нашествием «турок (венгров. — А. Д.), печенегов, русов, аланов и других скифских племен». Известно также, что в «Повести временных лет» именно Днестровско-Прутское междуречье названо «Великая Скуфь» [11, с. 83].

При этом аланы и печенеги постоянно упоминаются в источниках как племенные объединения, входившие в состав одних и тех же военных коалиций. Многими авторами X-XIII вв. подчеркивается исключительная близость печенегов и аланов. Так,

Аль-Бируни в нач. XI в. писал об общем или родственном происхождении аланов-асов и печенегов, язык аланов-асов охарактеризовал как «смешанный из хорезмийского и печенежского». Ему вторит автор уже упомянутого древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, выполненного на рубеже XII-XIII вв., и, видимо, отражающего реалии своего времени: «Языкъ же яеский ведомо есть, яко от печенеженька рода родился...». На этом основании некоторые современные авторы даже утверждают, что асы (ясы), как и печенеги, изначально являлись тюркоязычным народом. Как бы там ни было, ясно, что аланы-асы, стабильно живущие в Подунавье с X в. [11, с. 79-83], за многие десятилетия совместного и соседского существования переняли обычаи, повадки, образ жизни и, видимо, саму ментальность печенегов. Чрезвычайная близость печенегов и аланов-асов позволяет думать, что они оставили после себя во многих случаях типологически весьма сходные, если не идентичные погребальные памятники. И если это так, то наше захоронение вполне могло принадлежать аланскому воину. Наверное, именно поэтому они оказываются археологически неотличимыми от печенегов и торков.

В самом деле, после изгнания печенегов и торков кыпчаками аланы-ясы не ушли со своих территорий, а, как свидетельствуют исторические хроники, остались на прежних местах. В кыпчакское время, с XII-XIII вв., эти аланы-ясы именуется в источниках «бродниками», то есть это перевозчики, обслуживающие броды, переправы, и, видимо, они использовались новыми хозяевами степей по своему профессиональному назначению, которое было остро востребовано любыми кочевниками в любые времена [11, с. 125-138]. Естественно, придунайские бродники заселяли территории, близкие к стратегическим переправам через Дунай – вокруг придунайских озер. Близ одного из них – Катабуха – и было найдено наше захоронение. Получается, что оно как бы «маркирует» зону расселения аланов-бродников. К интересующему нас времени, а именно 1190 г. (младшая дата нашего клада и самый ранний возможный срок его тезаврации), земли к северу от Дуная занимали племенные объединения половцев-кыпчаков *кунун и дурт* [12, мал. 6]. Именно они, по всей видимости,

были союзниками болгар в их войне против Византии. А придунайские аланы-бродники в них входили как конфедераты и отдельные самостоятельные воинские подразделения. В сущности, их можно назвать «инженерными войсками», которые должны были «профессионально» обеспечивать переправу кыпчакских отрядов через Дунай.

Летом 1190 г. такое обеспечение для кыпчаков оказалось как нельзя кстати – они приняли весьма заинтересованное и деятельное участие в болгарско-византийской войне, начавшейся в 1185 г.

Здесь будет нелишним напомнить события этой войны, имеющие прямое отношение к нашему сюжету, и предоставить слово компетентному специалисту – византийскому историку, Великому логофету* Империи ромеев Георгию Акрополиту:

«...Восстал некто, по имени Асан (Иван Асень. – **А. Д., И. С.**), и объявил себя царем страны, подчинив себе всю местность внутри Гема (Балканские горы. – **А. Д.**) и даже до самого Истра. Это сопровождалось немаловажными следствиями для римлян, ибо болгары, имея союзниками скифов, нанесли много вреда владениям римским...». Поэтому «император Исаак принужден был собрать все силы римлян в одно войско и двинуть оное против них...».

Весной 1190 года византийская армия под командованием императора Исаака II Ангела осадила болгарскую столицу Тырново. По одной версии, император якобы направил в устье Дуная огромный флот, чтобы помешать болгарским союзникам – придунайским «скифам» (кыпчакам. – **А. Д., И. С.**) – переправиться через Дунай и прийти на помощь Ивану Асеню. Поскольку Дунай в этот сезон наиболее полноводен, то переправа кыпчакских войск, особенно при противодействии византийского флота, становилась проблематичной. Между тем логофет Георгий полагает, что «...Исаак раскинул тут же лагерь и осадил болгар, но был обманут ими. Один болгарин под видом перебежчика пришел к императору и сообщил ему, что готовится нападение со стороны скифов. Смущенный этой вестью, в следующий же день император отходит от крепости... и при этом избирает не тот путь, которым пришел, а другой, который присоветовал ему избрать

* Глава имперской канцелярии, хранитель и распорядитель казны.

тот же болгарин как кратчайший путь из Болгарии.

«Но, – продолжает Георгий, – при проходе через одно тесное место (Тревенский перевал. – А. Д.) на него напали болгары, рассеяли все войско и захватили весь запас не только войска, но и самого императора... Много римлян пало тогда, спаслись вместе с императором весьма немногие, да и те – нагие. А болгары до чрезвычайности возгордились тем, что отбили у римлян такую богатую добычу и, между прочим, драгоценные императорские принадлежности. И действительно, *им достались царские пирамиды, сосуды вельмож, множество денег* (курсив наш. – А. Д., И. С.) и самый крест царский. Они вынули этот последний из реки, куда бросил его один из священников. Крест этот был сделан из золота, заключал внутри себя святое древо, на котором висел Христос Господь, обделанное в форму креста, и имел множество маленьких влагалищ, в которых хранились останки прославленных мучеников, млеко Богоматери, часть ее пояса и многое другое, относящееся к святыне.

Таким образом, император Исаак, как беглец, возвратился в Константинополь» [13, §11]. А кипчаки с аланами-бродниками вернулись в Придунавье. Как победители. Георгий Акрополит нигде не указывает, что византийский флот блокировал Дунай. Напротив, все ожидали прибытия «скифского» войска. Это может означать, что этот флот, даже если он и был в Дунае, не сумел препятствовать переправе «скифских» союзников болгар, и они подоспели вовремя на помощь осажденной болгарской столице.

Успешность переправы была «профессионально» обеспечена аланами-бродниками. Значит, после победы над византийцами они участвовали в дележе добычи. Несомненно, «им досталось... «множество денег», какая-то часть которых оказалась, как можно видеть, в «нашем» захоронении. Сам факт находки в нем клада византийских монет является тому доказательством. Судя по всему, погребение было совершено несколько позднее 1190 г., и умерший был одним из боевых предводителей, который в этой военной кампании, несомненно, отличился. Поэтому соплеменники сочли подобающим похоронить его достойно, со всеми полагающимися почестями. Видимо, он был уважаемым и чтимым человеком в своем кругу – его погребли с должным почетом на самой вершине кургана. И в знак такого уважения положили в могилу часть его денежной добычи, полученной после битвы с византийцами на Тревенском перевале.

Эта добыча сейчас хранится в золотой кладовой Одесского археологического музея.

Источники и литература

- 1 Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 6, ч. 1. – Одесса, 1970; Шмаглий Н.М. Отчет о раскопках Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР и ОАМ АН УССР в 1970 г. – Фонды ОАМ НАНУ.
- 2 Wroth W. Catalogue of the Imperial Bizantine Coins in the British Museum. London, 1908, vol. 2, p. 570, n. 21-24, pl. 69, 6.
- 3 Ibid., p. 584, n. 3, 4, pl. 71, 5.
- 4 Ibid., p. 590, n. 12-15, pl. 72, 2.
- 5 Карышковский П.О. Находки поздне римских и византийских монет в Одесской области // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. – Одесса, 1970, с. 80-81; Он же. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. – Киев – Одесса, 1976, с. 172-177.
- 6 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966, с. 142-145.
- 7 Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху Средневековья. – Киев: Наукова думка, 1986, с. 54-65.
- 8 Добролюбский А.О., Смирнов Ю.О. Кочовики південно-західної України в X-XVIII століттях. – К.; Миколаїв: Ліон, 2011, с. 53-63.

⁹ Добролюбський А.О., Столярік О.С. Візантійські монети у кочівницькому похованні XII ст. у Дністро-Дунайському межиріччі // Археологія, 1983. Вип. 43, с. 71-75; Руссев Н.Д., Редина Е.Ф. Погребение кочевника с византийскими монетами у озера Катлабух и развитие этнополитической ситуации на Нижнем Дунае в XII веке // Stratum plus, 2015, вып. 6, с. 99-107.

¹⁰ Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 125-132.

¹¹ Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). – Киев: Логос, 1997. – 224 с.

¹² Пилипчук Я.В. Соціальна історія кипчаків у IX-XIII ст. – Київ – Вінниця: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2018. – 340 с.

¹³ Летопись великого логофета Георгия Акрополита. – §11 // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Санкт-Петербург: В типографии департамента уделов, 1863. Перевод И. Троицкого. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Akropolit_2/frametext1.htm

Валерий Шерстобитов, Инна Арутюнова

Продолжение семейной хроники династии Сибиряковых

«Здравствуйте! Обращается к вам Александр Сикачев. В моей семье есть воспоминания моей матери, фотографии, а также информация из других источников о том, что я правнук Татьяны Сикачевой (Сибиряковой). На странице сайта Всемирного клуба одесситов указана информация о книге «Династия Сибиряковых (семейная хроника)». В статье есть следующие слова: «Авторы надеются на помощь Всемирного клуба одесситов в розыске заграничных родственников Сибиряковых». Самостоятельно мне не удалось найти информацию и контакты этих авторов (В. Шерстобитов, И. Арутюнова). Если вы располагаете контактами авторов и других родственников, – прошу вас поделиться со мной ими. Заранее благодарю вас.

Александр Сикачев».

Это письмо пришло во Всемирный клуб одесситов (ВКО), а так как мы – авторы этой книги, являемся друзьями клуба, нам передали это письмо, ну а мы сообщили эту приятную новость Валентине Алексеевне Сибиряковой. И казалось, что тема уже исчерпана, ан нет: история родословной имеет продолжение и уточнение.

Напомним, что после второго пожара в театре, случившегося в 1912 году (и тогда были пожары в Одессе), у Александра Сибирякова сил и средств на восстановление театра уже попросту не было, он принимает тяжелое решение продать здание Стамерову и посвятить себя нарождающемуся искусству кино, и создает киноателье и кинофабрику «Медуза», где собирается ставить фильм с участием Веры Холодной (их связывает большая дружба) по произведениям И. Тургенева (фильм не сохранился). Напомним, что у Александра Илиодоровича к тому времени были

Татьяна Сикачева (урожд. Сибирякова) и Константин Сикачев

взрослые дети: Ксения, Татьяна, Вера, Володя и Алексей – отец ныне проживающей в Одессе Валентины Алексеевны Сибиряковой, судьба которых сложилась драматически, да и не могло быть иначе в то страшное время войн и революций. Татьяна Александровна Сибирякова 15.07.1916 г. вступает в брак с Константином Сикачевым – поручиком-артиллеристом на адъютантской должности 1-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона.

Сикачев Константин Александрович 09.02.1894 г. р., уроженец Херсонской губернии, из мещан г. Одессы, православного вероисповедания.

Воспитывался в Одесском реальном училище. По окончании курса наук в Одесском реальном училище по поверочному экзамену 31.08.1910 г. поступил в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания. Окончил Михайловское артиллерийское училище по 1 разряду в 1913 г. Произведен в унтер-офицерское звание 03.10.1911 г. По окончании полного курса 3-х классов училища по 1 разряду 06.08.1913 г. высочайшим приказом произведен в подпоручики с назначением на службу в Первую

стрелковую сибирскую артиллерийскую бригаду и 11.10.1913 г. назначен в 7-ю батарею младшим офицером. С началом 1-й мировой войны 25.09.1914 г. прибыл на театр военных действий в составе дивизиона из Николаевска-на-Амуре. 14.11.1914 г. ранен в бою у д. Янинов и эвакуирован.

В бою 16 сентября 1915 г. у деревни Карпиловка, непрерывно находясь на передовом наблюдательном пункте, который в течение боя под натиском противника дважды был обнажаем нашей пехотой, невзирая на сильный ружейный и артиллерийский огонь, искусно корректировал огонь своей батареи, которым и были отбиты две атаки противника (в сентябре 1915 года шли бои на р. Горынь возле деревень Цумань и Карпиловка, в тридцати пяти километрах к востоку от Луцка, где сражался и будущий легендарный комдив В.И. Чапаев. – **Авт.**). За это подвиг высочайшим приказом от 03.01.1917 г. ему было пожаловано золотое георгиевское оружие – «За храбрость» (ГРВИА, ф. 400, оп. 9, д. 35732, л. 46, КЗ 1915; ф. 400, оп. 1, д. 96991, ПС от 18.01.1917 г.). Затем участие в Гражданской войне на стороне белых, Крым. И в первых числах ноября 1920 года с 750-ю военнослужащими и артскладом на п/х «Херсонес» эвакуировался из Севастополя. А в 1923 году от Константина пришло письмо с таким содержанием:

«4 (3).XII.23 г. Дорогая Танюша! Спешу тебя порадовать, что сейчас почти все твои просьбы исполнены; а именно: 1) карточку тебе посылаю, 2) рецепт уже у меня, и вышлю его дополнительно, 3) книга для Киси есть, тоже пришлю потом; кроме этой карточки еще пришлю тебе портрет(ы). Материал для твоего платья пришлю с одним актером, который на днях поедет в Сплит. Пиши подробнее о своей жизни, ибо от твоих писем никак не (веет) (интимностью) и (теплом), что все-таки ты (пока) моя жена. Будь здорова. (Целую(й) тебя, Кисю, и (в нрзб) Если можешь то пришли (мне) Кисину (открытку). (Поцелуй) папу, Лиду и Варю. Твой (Котя(э))».

Последние сведения о нем появились в 1940 году, когда в одном из номеров журнала «Артиллерийский вестник» упоминается Константин Сикачев, уже в чине капитана, ставший членом Общества офицеров-артиллеристов в КСХС.

Награды К. Сикачева: орден Св. Станислава III ст. с мечами и бантом и орден Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость»

(27.08.1914 г. Приказ по II-й армии № 181 и 26.05.1915 г.); орден Св. Анны III ст. с мечами и бантом (01.04.1915 г.); георгиевское оружие – золотое оружие «За храбрость» (14.01.1916 г. Приказом по VIII-й армии за № 1142 на осн. 2 ст. и 03.01.1917 г.); орден Св. Анны II ст. с мечами (19.11.1916 г. Приказ по IX-й армии за № 546 за боевые отличия); орден Св. Станислава II ст. с мечами (19.11.1916 г.).

А как же поступил Александр Илиодорович Сибиряков? Когда и Одессу охватила Гражданская война, и наступили, по меткому выражению И. Бунина, «окаянные дни», он с певицей Л. Манцевой и тремя дочерьми, Ксенией, Татьяной (у которой в браке с К. Сикачевым родилась дочь Наталья Константиновна) и Варей, бежит из Одессы от себя самого, от семьи и от своего театрального дела на транспорте его величества «Rio Pardo», и оказываются они в КСХС (Королевство сербов, хорватов и словенцев), позже переименованного в Королевство Югославия. В какой-то период Татьяна была в составе оркестра, играла на барабане, видимо, стараясь заработать денег на чужбине. А дальше самая страшная мировая война: Татьяна умирает в конце войны, а ее дочь Наталья умирает в 1946 году, оставив сиротой свою единственную дочь Любу, которая ныне

Л.И. Плетнев, Татьяна и Наталья Сибиряковы

проживает в Таганроге. Ее сын Александр поведал нам дальнейшую судьбу своей мамы:

«К двухлетнему возрасту оказавшись сиротой, моя мать находилась на попечении «друга семьи» – некоего Плетнева Леонида Ивановича. Позже Леонид Иванович встретил семью эмигрантов, которые знали Татьяну и Наталью Сикачевых. И они стали проживать вместе (так легче выжить в эмиграции). В какой-то момент, когда отношения СССР и Югославии ухудшились, а желание вернуться на Родину все сильней и сильней, и они все (как русские) перебираются в Венгрию, в Будапешт.

Наталья Сибирякова

Люба Сибирякова-Сикачева

В январе 1956 года мою мать (видимо, по ходатайству Плетнева) отправили в СССР и определили в подмосковный детский дом. Позже (летом 1956), в СССР, в Таганрог, перебрался и сам Плетнев Л.И. Видимо, по этой причине летом в Таганрогский детский дом была направлена и моя мать.

В 1960 году, по достижении 16 лет, она была исключена из числа воспитанников детского дома и снова стала проживать под одной крышей в 9-метровой комнатке в коммуналке в центре Таганрога с Плетневым Л.И. В ноябре 1968 года Плетнев скончался.

Наталья Сибирякова, г. Лесковац, 1920 г.

Наталья Сибирякова, г. Зеница, 1936 г.

Татьяна Сибирякова, г. Сплит, 1924 г.

Сестры Варя и Таня Сибиряковы

Мать прожила нелегкую жизнь. Рано осиротевшая, частично воспитанная в дореволюционном стиле. Ей было непросто обустроить свою жизнь в советской стране. Стране, где попрание прав, унижение достоинства и даже убийство человека представителями власти стали частью «внутренней политики», «особого пути», а позже и «духовности». В стране, где умышленно воспитывали манкуртов для отправки на добровольное заклятие... Разговоров о родственниках, обстоятельствах их нахождения за границей, а также возвращения матери в СССР в нашей семье вести было не принято. Хотя я помню портрет Натальи Сикачевой, который всегда был на виду в нашем доме. Остальные фотографии на моей памяти мать извлекались лишь пару раз. Мать всегда к ним давались крайне сухие и малоинформативные комментарии».

Мария Сибирякова с сыном Владиком на пляже в Мар-дель-Плата, Аргентина, 1954 г.

Но вернемся в 1944 год. В этом памятном для Одессы году жена А.И. Сибирякова, которую он оставил с двумя сыновьями, Володей и Алексеем, и сбежал в Сербию, вернулась из Раздельной в Одессу. Ей сообщают, что в гостинице «Пассаж» остановилась семья французского коммерсанта, которая по поручению Ксении Сибиряковой разыскивает своих родственников. Она же вышла замуж за инженера из Франции. После рождения дочери Марии семья переезжает в Аргентину, где Мария выходит замуж (имя мужа – Хозе), а затем в США. Ее попытки встретиться с таганрогскими родственниками не увенчались успехом: в 2000-м году она скончалась. Сохранилось ее последнее письмо, предоставленное авторам Александром Сикачевым.

Два города, Одесса и Таганрог, соединили удивительную память потомков о нескольких десятках имен, дат, фактов. Валентина Алексеевна Сибирякова – наша землячка, успела передать из уст в уста память сердца и память вещественную. Ее глазами довелось и нам взглядываться в былое, сближаясь с теми, кто был

4 мая 1964

Вторая дед - это моя потерянная попытка восстано-
вить контакт с тобой. Я написала несколько писем и
до сих пор не получила ответа. Теперь получила от тебя
такое длинное письмо - в нем ты писалась обо мне и
ребенке. После этого я писала 2 раза и не получила
ответа. В чем дело?

Все меняется так быстро на все изобретено
просто пере-улет мой друг тебе. Я в страшной депрессии
и физическом истощении. Не исключена возможность
что в мое отсутствие я с малой вероятностью в Европу и, сам
получил от тебя письмо и узнал в советском консульстве
что возможно - можешь быть твой бабушка Мария
и решила бы на тебя более серьезно позвонить тебе и
узнать тебя. Мы же и возвращая мне бы не о чем
хотелось отключить ее связь так далеко -
не знаю сейчас на у тебя возможности связаться на
первую очередь в будущем (я бы тебе писала бы
тебе и обратно без тебя и ребенка) чтобы встретиться
с ней там - ей это удобнее и ближе чем ехать в
Минск или Ростов т.е. она будет в Москве, но
легче тебе. Ответь или напиши, напиши о своей
тебе и поможешь, но непременно пошлешь заказку.

Твой излучитель от тебя, мама, Вера и Я
Ты же крайню чаща

Твой мой друг.

Ответа, письма, письма - если ты не сможешь - можно отправить
посылку в Москву. Прими пожалуйста фотокартон
тебе и ребенка.

Семейство Сикачевых-Сибиряковых: Александр, его мама Люба, сестра Таня с дочерью Наташей

за сто, а то и более лет до нас, и переживать, и проживать прошлое, как свою собственную жизнь. И этот тайный канал связи между нами и усопшими и есть продолжение жизни праведной и честной.

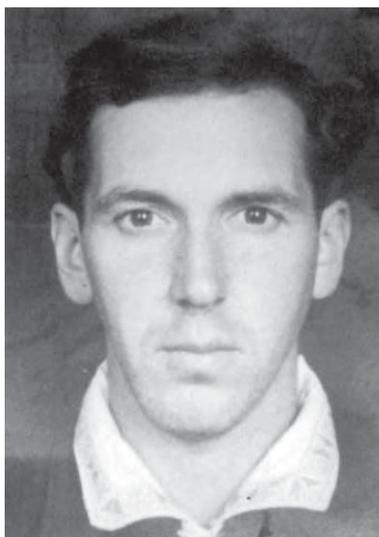
P. S. Разбирая архив Валентины Алексеевны, мы нашли открытку 1900 г., которая подсказала еще один адрес, по которому проживала семья Сибиряковых: Воронцовский переулок, д. 8, кв. 14.

А общение по современным средствам связи с родственниками, проживающими в Таганроге, Сикачевыми Любовью и Александром, расширили информацию о семействе Сибиряковых фотодокументами.

Лариса Ржепишевская

Глава большой семьи

Павел Михайлович Ржепишевский

Есть люди, про которых не узнаешь в энциклопедиях, но для жизни нашего города они значат так много, что заслуживают нашей памяти, нашего внимания. О них надо знать и рассказывать своим детям, внукам. А я вам расскажу о своем свекре Павле Михайловиче Ржепишевском, родившемся 10 мая 1921 года в семье профессора, преподавателя физики Михаила Ивановича Ржепишевского, брата известного архитектора, по проекту которого в Харькове было построено 28 домов, – сейчас эти дома являются памятниками архитектуры. Его дочери тоже известные личности. Наталья

Глан (урожденная Ржепишевская) – известный советский хореограф, танцовщица, актриса немого кино. Сестра Галина Шаховская (Ржепишевская) – известный советский балетмейстер. Мать Павла Михайловича – Мария Антоновна Осмоловская 1888 года рождения. Ее семья ведет свое начало от братьев Стифелей, поселившихся в Одессе в 1796 году и добившихся немалых успехов на коммерческом поприще. А дом на Дерибасовской угол Рише-

Молодые родители со вторым сыном Ваней

льевской, там, где раньше были театральные кассы, принадлежал им. Одна из дочерей братьев, Генриетта, вышла замуж за Павла Лессара. Он тоже был довольно известным человеком. Военный инженер, дипломат, посол в Китае, происходил из интеллигентной французской семьи. О нем можно прочитать в энциклопедии. А старшая дочь братьев Стифелей Анна вышла замуж за присяжного поверенного Антона Ивановича Осмоловского. Младшая дочь Осмоловских Мария вышла замуж в девятнадцатилетнем возрасте за преподавателя физики Михаила Ивановича Ржепишевского. Вот он и есть отец Павла Михайловича.

Невероятно, но сохранилось документальное подтверждение начала стремительного романа между ученицей и преподавателем физики. Сохранилась записка 1906 года к Михаилу Ивановичу Ржепишевскому с просьбой о подготовке Осмоловской Марии

к экзамену по физике. А у матери, Осмоловской Анны Михайловны, была дача в Холодной Балке, красивейшее место на берегу Хаджибейского лимана. Из письма Марии Антоновны: «...завтра все едут в Холодную Балку. Мама остается на 2-3 дня, чтобы все привести в порядок... жара стоит страшная, а прошлой ночью был страшный ливень. Такой, что размыло рельсы трамвая на Хаджибейский лиман». Это 1908 год, когда на территории грязелечебницы была дача Анны Осмоловской, дочери Генриетты Семеновны Стифель. Сейчас в районе села трехсоткилометровый подземный лабиринт – знаменитые катакомбы, в которых действовали партизаны во время оккупации. Среди них был и Павел Михайлович. По заданию разведывательной группы НКГБ УССР Павел выполнял отдельные поручения, в частности, вел наблюдение за сотрудником немецкой разведки. Павел Ржепишевский еще преподавал физику в катакомбах. Там было жилье и учебные классы.

В 1883 году в селе Холодная Балка была открыта грязелечебница, а в 1898 году вокруг грязелечебницы был разбит красивейший парк. К сожалению, старинные корпуса грязелечебницы не сохранились (были разрушены в годы второй мировой войны). На месте старинной грязелечебницы в старинном парке сейчас функционирует детский санаторий. Село Холодная Балка основано в 1792 году. Название селу дано из-за холодного воздуха, который задерживается на побережье лимана и в местных балках, поэтому здесь зимой заметно холоднее, чем в Одессе. А летом здесь теплее. Село относится к Беляевскому району и находится в тридцати километрах от Одессы.

Павлу Михайловичу с оказией предоставилась возможность купить участок в Холодной Балке, над санаторием, с хилым домиком почти на берегу лимана. Ранней весной он с любимой женой Ольгой Михайловной Болтенко переезжал туда жить. Просто сказать, что Павел Михайлович там жил, – это ничего не сказать. Он стал выращивать кур, гусей, посадил огород, купил козу, которая давала молоко. А какая в лимане была рыба, которую он покупал у рыбаков! Повезло местным школьникам, Ольга Михайловна, преподаватель одесского университета, преподавала им русский язык и литературу. Некоторые старожилы села

еще помнили мать Павла Михайловича Марию Антоновну Осмоловскую. А мы, городские жители, тоже приезжали летом погостить, отдохнуть от городской суеты, подышать чистым воздухом, помочь по хозяйству, позагорать и искупаться в лимане.

Рассказал мне про дедушку внук Павла Михайловича Павел, который, кстати, тоже Михайлович. Когда он родился, вопроса о том, как его назвать, не возникало. Рассказал, как он путешествовал с дедом. «В Измаил шли пешком, по дороге останавливались в селах, где жили дедушкины ученики. Везде нас принимали с распростертыми объятиями. А как же, любимый учитель приехал! Вспоминали студенческие годы. «Помните, Павел Михайлович, – говорили они, – как вы приходили к нам в общежитие, как приглашали к себе в гости на обед? А на экзаменах вы разрешали нам пользоваться чем угодно: учебниками, конспектами и даже шпаргалками. Вы хорошо знали каждого студента. Вам нетрудно было понять, кто что собой представляет. Мы уважали вас и любили».

В Харьков дед и внук ездили на велосипедах. Картина была та же: принимали, как королей. «Мне было очень приятно, – продолжает рассказывать внук. – Павел Михайлович показал 28 домов, которые были построены по проекту известного архитектора Александра Ивановича Ржепишевского, который был родным дядей Павла Михайловича, а значит, это был и мой прадедушка. Вспоминаю, когда я был маленький, дедушка мне говорил, что до школы я должен научиться бегло читать. На что я отвечал: «Что, я должен бегать и читать?». Очень интересно было с ним общаться. Он многому меня научил. Учил, где и как находить

Счастливый отец с первым сыном Мишей

Молодожены

нужную информацию... Проще говоря – учил учиться. Однажды, помню, мы шли в детский сад и по дороге встретили студента-иностранца, который спросил меня, кто знает русский язык лучше. Я ответил: «Конечно, я, ты только учишься, а я уже русский». А одним прекрасным летом мы полетели самолетом на Кавказ смотреть солнечное затмение. К сожалению, затмения мы так и не увидели, потому как не успели. Пока поднимались в гору, все уже закончилось. Зато сделали много прекрасных снимков. Кавказские горы очень красивые, советую посетить. Еще вспоминаю, как мама волновалась, когда я поступал в политех. Она просила дедушку замолвить за меня словечко, на что он ответил: «Достаточно того, что он Ржепишевский». Не признавал он никаких побряжек. Учиться надо, работать. Только так! Ничего, сдал вступительный экзамен по физике и получил отличную оценку. Иначе и быть не могло. Мой дедушка же физик, кандидат наук. Когда дядя Федя поступал в холодильный институт, он думал, что отец

будет ему помогать. Ведь он работал в этом институте. «А нет, – сказал отец. – Сам, сам, все сам».

А как я познакомилась с Павлом Михайловичем. Мы гуляли с Мишей (моим будущим мужем, старшим сыном Павла Михайловича) по городу, когда Миша сказал, что его ждут дома на обед. Мы пошли. Когда подошли к дому, я осталась ждать Мишу во дворе. Прошло пару минут, и вдруг выходит мужчина, подходит ко мне и говорит, что он Мишин папа, и он приглашает меня на обед. И вот я захожу в большую гостиную, в которой стоит посередине огромный стол, за которым сидит большая семья: мама и папа, то есть Ольга Михайловна и Павел Михайлович, мать Павла Михайловича Мария Антоновна, пятеро сыновей Павла Михайловича и тетя Лена. А тут еще и я. Павел Михайлович меня представил. Вопросов не было. Все начали есть, после того как глава семьи распределил между всеми содержимое кастрюль, стоящих на столе. Мне достались куриные крылья. Было сказано, чтоб летала. После обеда мы с Мишей продолжили прогулку.

Свадьба наша была очень скромной и дома. Денег на ресторан не было. А мы и не хотели. Никакой показухи! Нам устроила студенческую свадьбу Мишина бабушка Евгения Филипповна, жена известного археолога, историка, лингвиста Михаила Федоровича Болтенко.

Мне еще невероятно повезло. Павел Михайлович пригласил меня поехать с ними в Братслав на свадьбу своей ученицы, дедушка и бабушка которой были дружны еще с родителями Павла Михайловича. На старенькой «Победе» мы втроем – я, Миша и П. М. – отправились в путешествие. И да, нас принимали, как королей. Это была настоящая украинская свадьба, со всеми обрядами и традициями. Как говорят, есть что вспомнить.

У Павла Михайловича была шикарная библиотека. Короче, свободное время я проводила в его кабинете, в котором располагалась эта библиотека. Книги и журналы были на полках от пола до потолка и во всю стенку кабинета. Каких книг там только не было! Книги еще времен его отца и деда. А помните, в старое советское время были очень интересные журналы для взрослых? Например, журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь». В них было немного про науку и химию и много про жизнь. И то, что про жизнь, было невероятно интересно, хоть и требовало умения

Милое семейство. Сидят, слева направо: старший Миша, Ваня, Федя. Стоят: рядом с папой Леня, рядом с мамой младший Дима

читать между строк. Так мастерски было написано, что никакая цензура не докопалась бы, если бы и захотела. Какие там были авторы, какие имена! Павел Михайлович собирал эти журналы и хранил их, а я открывала их и читала снова и снова, и не могла оторваться.

Мои родители умерли рано. И я могу с уверенностью сказать, что Павел Михайлович заменил мне отца. Я тоже с ним путешествовала. И никто не удивлялся: ни Ольга Михайловна, ни Миша, мой муж. Я могла всегда обратиться к нему за советом или помощью. Мудрый человек, любящий сын. Мать была всегда права, она была главной в семье, за обедом она всегда сидела во главе стола.

Отец, то есть Павел Михайлович, был главой милого семейства. Так называлась и стенная газета, которая выпускалась один раз в год, перед Новым годом. Я была художником и корреспондентом этой газеты. Собирала материалы, фотографии, статьи у членов семьи, у желающих написать в газету. Главным редак-

Всесоюзный съезд родственников в Холодной Балке

тором, конечно, был Павел Михайлович. Он и писал передовицу, подводил итоги года. И самым главным событием года был съезд родственников. Павел Михайлович организовывал его раз в год, обычно летом, на него съезжались двоюродные, троюродные, четвероюродные и так далее сестры и братья, тети и дяди, бабушки и дедушки со всего бывшего Советского Союза: из Москвы и Ленинграда, из Киева и Минска, из Риги и Севастополя... Все хотели встретиться именно здесь, в родной Одессе. Хотели увидеть друг друга, пройтись по родным, знакомым, любимым местам, пройтись по Дерибасовской, искупаться в море, поехать в Холодную Балку, чтобы познакомиться с хозяйством Павла Михайловича. На фотографии вы видите такой съезд родственников в Холодной Балке.

Павел Михайлович был главой семьи, а жена Ольга Михайловна была шеей, которая незаметно управляла головой – мужем. Она тихо управляла им, давала возможность принимать важные

решения. В любой ситуации Ольга Михайловна чувствовала себя с мужем, как за каменной стеной. Как Павел Михайлович решит, так и будет, говорила она. Шутка ли – пять сыновей. Всех надо накормить, одеть... Все вопросы семейного бюджета тоже решал Павел Михайлович. Он вел тетрадь, в которую записывал все доходы и расходы семьи. А вы как думали? Несмотря на то, что и отец, и мать были преподавателями вуза – Ольга Михайловна преподавала русский язык и литературу в университете, а Павел Михайлович преподавал физику в холодильном институте, – семье приходилось туго. Приходилось рассчитывать все до копейки. Деньги с потолка не падали. Трудно было. И золотые монеты кончились, которые отец получал, когда работал при царе. Они отягощали карманы, поэтому он предпочитал получать зарплату бумажками.

Рассказывала мне Ольга Михайловна, как она познакомилась с Павлушей (так она его называла), где любили гулять, даже где первый раз поцеловались. А когда привела любимого знакомить с родителями, мама подумала, что Павлик студент.

«Каким бы вы хотели видеть человека будущего?» – как-то спросила я его. «Конечно, созидателем, а не только потребителем», – сказал он.

Удивительный человек был Павел Михайлович. Он подготовил тысячи учеников, которые живут во многих республиках бывшего СССР и за рубежом. Его уважали и любили, обращались за помощью. Он никому не отказывал, помогал как мог. И мне повезло хорошо знать этого человека, учиться у него жизни. Он относился к людям с состраданием, пониманием и любовью. Он страдал страшным недугом, который мало кому мог дать шанс на выздоровление. И медицина была бессильна. В 1994 году его не стало.

Илья Каминский

Город тишины

Перевод с английского Елены Андрейчиковой

1.

1982 год. Я катаюсь по одесским переулкам на зеленом велосипеде. Ночью велосипед висит на балконе. Мама называет его моим конем.

Мне пять лет, я еще не осознаю, что я глухой. Отец пытается научить меня жестам, и это меня раздражает.

– Расскажи, папа, сказку.

Нет ответа. Делаю два шага навстречу.

– Папа, давай сказку!

Нет ответа. Я подхожу ближе.

– Ты слышишь? Будет сказка?

Его губы открываются.

– В четвертый раз – вот что произошло.

*

Посреди летней ночи 1937-го года в тихом переулке провинциального украинского города происходит нечто чудесное.

Люди в форме арестовывают человека, которого они называют «врагом народа». А потом? А потом приходят за женой. Проходят мимо нее на кухню, как голодные волки. Хотят обнюхать печку. Чтобы понять, не сожгла ли она какие-то бумаги в ней.

Печка холодная.

Они перебирают одежду в шкафу и берут лучшее для своих семей. Спешат все взять до того, как придут другие чекисты.

И только после ее арестовывают.

Они так заняты сбором одежды, что не замечают в квартире младенца.

– Чтобы спасти себя, вы должны предать своего мужа, – говорит ей следователь.

– Как я могу предать отца моего ребенка?

Она не знает, что ее мужа уже расстреляли.

Середина летней ночи 1937-го года, в честь всесоюзных выборов развеваются флаги. Женщину на десять лет отправляют в Сибирь.

Ее уводят, а в квартире остается ребенок.

*

В ту ночь 1937-го года происходят самые необычные вещи. Кто-то танцует у соседей. Кто-то делает вид, что не слышит, как солдаты тащат по лестнице женщину в свой фургон. Кто-то заклеивает наглухо окна.

Флаги развеваются по всей стране в честь всесоюзных выборов.

Середина ночи.

Затихает плач младенца, семью которого уволокли.

Впервые за короткую жизнь младенца случается удача: его крадут.

Соседи захлопывают окна.

Пальцы отца на моей ладони отстукивают ритм поезда, громящего по железнодорожному пути и въезжающего в Одессу. Он везет украденного ребенка.

*

В Одессе живут Шура и Наталья.

Больше всего на свете Шура хочет иметь ребенка. Но Наталья больше не может рожать детей.

Неделя всесоюзных выборов.

Губы моего отца замирают.

Рассказ продолжается, но я улавливаю только этот фрагмент. Фрагментом была старушка, Варвара Каминская, укравшая ребенка. То, что следует дальше, по словам отца, – начало счастливой жизни.

В дверь звонят.

Наталья открывает – на лестнице нет никого, кроме младенца. Шаги внизу эхом – старая Варвара ковыляет прочь. День всесоюзных выборов.

Иосиф Сталин выступает с речью в Большом театре в Москве перед толпой, приветствующей стоя:

– Товарищи, честно говоря, я не собирался произносить эту речь. Но меня, так сказать, силой притащили к микрофону. Меня выдвинули кандидатом в Сталинский район. Это, товарищи, является показателем полного доверия. Обещаю вам, товарищи, вы можете положиться на товарища Сталина [аплодисменты]. Рабочий класс [аплодисменты], крестьянство [аплодисменты] и интеллигенция [аплодисменты] могут рассчитывать на товарища Сталина. Эти выборы, товарищи [аплодисменты], – это не просто выборы [аплодисменты], это праздник наших трудящихся [аплодисменты]. Никогда в мировой истории не было таких свободных выборов [аплодисменты].

Тишина окутывает театр, а толпа аплодирует, аплодирует. Где-то на другом конце страны в такой же тишине чекисты тащат мертвое тело моего деда. Их коллеги бросают мою бабушку в поезд в Сибирь.

Наталья открывает дверь, вздыхает и берет подкидыша.

2.

Когда я возвращаюсь в Украину, я выключаю слуховой аппарат.

Мне кажется, что я вижу звуки. Шипение. Свист. Звук ключей в замках. Звук льющейся по трубам воды двумя этажами выше.

Глухой ребенок видит все.

Однажды мой отец был подкидышем, которого привезли в этот город на поезде. Он часто повторяет свои рассказы. Я наблюдаю за ним – именно так я учусь читать по губам. Спустя несколько десятилетий я выключаю слуховой аппарат и снова становлюсь тем ребенком.

Отец рассказывает мне, как узнал, что Варвара Каминская была его бабушкой.

Тишина, как крыса, запертая в комнате.

Да, были другие детки. Их забрали. Елена и Владимир. Варвара не пришла вовремя.

Тишина, как крыса, запертая в комнате, – она бросается на стены, но не может выбраться.

*

Я смотрю на движущиеся губы отца. 1941 год. Война всегда пробирается в его истории. 1941 год. Шура всегда идет в армию. Одессу все время бомбят. Кто-то кричит:

– Беги на кладбище! Они не будут бомбить кладбище!

Наталья бежит. Мужчина кричит:

– Девушка, снимай платье!

Наталья не понимает.

Самолет бомбит улицу. Она бежит в красном платье. Другой мужчина орет:

– Платье, сними его!

Она не понимает. Качает головой.

– Ты как зажженная лампа для них в самолетах, разве ты не видишь? Сними платье!

Губы отца размыкаются. Я слушаю глазами.

В начале войны отец очень худенький. Наталья носит его в торбочке, как маленький арбузик. Германия вторгается в СССР, город за городом падает. Сталин молчит. Больше недели, молчит. Никто не знает, где он. Затем его голос по радио:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Я обращаюсь к вам, друзья мои! Вся наша доблестная армия, весь наш доблестный флот, все наши соколы в воздухе, все народы нашей страны, все лучшие мужчины и женщины Европы, Америки и Азии, сочувствующие советскому правительству, одобряют политику советского правительства. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны сражаться до последней капли крови!

Через дорогу в снегу плачет старушка:

– Домик, не гори. Не гори, домик.

Губы отца полураскрыты. Он говорит моей тишине?

*

Слышащие думают, что молчание наступает, когда они перестают говорить.

Разве они не видят?

Все говорит.

Цветочные горшки. Машины. Собаки. Обувь. Уличные фонари. Комары. Губы двигаются. Молчание говорит.

Вот почему я наблюдаю за ним.

*

В рассказах моего отца всегда 1941 год. Во дворе Наталья склоняется над бельем. Жена соседа шепчет ей:

– Бегите.

Муж женщины угрожал сказать солдатам, что в этом доме есть еврейский мальчик.

– Он хочет твою квартиру. Бегите.

Наталья опрокидывает на себя горячую воду для стирки. Хватает спящего мальчика.

– Бежим!

На следующее утро они ищут еду на улицах.

Там же бродят и другие мамы с детьми. Некоторые, чтобы согреться, держат за пазухой кошек или собак.

*

Как выглядит оккупированный город в 1941-м году? Одесса всегда притворяется веселой, говорят губы отца.

Но вокруг домов белье висит очень близко к окнам, как будто матери пытаются защитить своих мальчиков от войны.

Они вешают на веревках все, что у них есть: носки, кухонные полотенца, пижамы.

И по городу очереди людей.

Очереди за молоком? Возможно. А может быть, это женщины, стоящие в очереди за миром, – а мир все не наступает.

Но однажды наступит.

*

Я возвращаюсь в Одессу через двадцать лет. Человек, который гуляет по городу, где все, кого он любит, мертвы. Я смотрю на мое шагающее тело.

Есть ли здесь тишина?

– Нет?

Тишина разоблачает этот город.

*

Отец садится на стул. Губы приоткрыты. Я вижу голос. Одесса освобождена, дети бегут к советским солдатам.

– Отец!

Обнимают каждого незнакомца.

– Отец!

Шура возвращается. Наталья празднует.

Одноклассники мальчика толпятся вокруг его квартиры.

Все они потеряли отцов на войне. Стоят на цыпочках. Мальчики и девочки заглядывают в окна.

Шура первый отец на улице, который вернулся живым.

Холодный апрель. В школе нет отопления. 1945-й, мой отец, маленький мальчик, скользит по льду, в классе, между партами.

*

Весной 2018-го года происходит самая необычная вещь: я возвращаюсь в этот город через двадцать лет, и здесь никого нет.

Я просто стою перед окном нашей квартиры. Молчание, как паук, мерцает в своей паутине.

*

В ночь на выборах 1946-го года Сталин произносит речь:

– Товарищи! Война была не только проклятием. Это была еще и школа [аплодисменты]. Страна произвела 15 000 000 тонн чугуна; 18 300 000 тонн стали; 166 000 000 тонн угля; 31 000 000 тонн нефти; 38 300 000 тонн товарного зерна; 2 700 000 тонн хлопка-сырца. [Продолжительные аплодисменты. Кто-то кричит:] Под руководством товарища Сталина! [Все встают. Громкие и продолжительные аплодисменты, перерастающие в овации. Крики:] Да здравствует великий Сталин, ура! Приветствую великого лидера народов! Слава великому Сталину! Да здравствует товарищ Сталин, кандидат от всего народа!

Снег падает на крышу Большого театра, а за тысячи миль – Одесса, переполненная инвалидами войны: люди без ног, выброшенные из военных госпиталей, передвигаются на квадратных деревянных платформах с прикрепленными к ним маленькими колесиками.

Эти безногие мужчины застревают на булыжниках мостовых.

Вскоре их бросают в грузовики, и все, что остается, это колесики от их платформ, с которыми играют детки на мостовых, а потом ничего.

Безногих солдат бросают в трех километрах от города.
Газеты хвалят чистые городские улицы. Одесса радуется.

*

Самое необычное дело: я ребенок, пытающийся читать по губам. Отец учит меня, рассказывая истории. Я вижу фрагменты. Искры.

А тишина? Дрожит по всему городу, как стирка на веревках.

Самое необычное дело: в советской России женщина возвращается из тюрьмы.

1948 год.

Родная мама моего отца Юлия сейчас гуляет по улицам Одессы. Она вернулась из Сибири в черноморский город, где у нее нет прописки. Избегает смотреть в глаза прохожим. Юля покупает яблоки на рынке там же, где их покупают жены чекистов. Она читает те же самые утренние газеты.

Самое необычное дело: вернувшись из лагеря, Юлия разговаривает с тополями, собаками, скамейками в парке, тележками:

– Как дела сегодня утром? – обращается она к тележке, садясь. Двери она шепчет: – Сегодня ты широко откроешься.

Она говорит мясу на плите:

– Будьте добры, не варитесь слишком быстро.

Она не сумасшедшая. Она научилась разговаривать с предметами в лагерях. Чтобы сделать их своими друзьями. Предметы могут слышать все.

*

Самое необычное дело: пятидесятилетний мужчина пытается научить своего сына языку жестов.

Я наблюдаю за движениями отцовских рук в воздухе: он хочет создать рассказ жестами, которых я не понимаю.

Как будто его пальцы говорят на языке нищих, рука, похожая на швею, стачивает воздух в огромную рубашку.

*

– Твоя мама Юлия нуждается в тебе, милый, – говорит Шура, его приемный отец.

– У меня есть наш папа, а у твоей мамы Юлии нет никого. Ты ей нужен, милый... – шепчет Наталья, его приемная мать.

Той ночью он просыпается. Ему девять лет.

Наталья рыдает в руках Шуры: «Мы потеряли его, нашего мальчика».

Руки моего отца летают в воздухе.

Фрагмент. Одесса. Дождь. Фрагмент. Больше ничего.

И все же я вижу это, этот рассказ. Как будто я прорываюсь сквозь кожу слов. Где-то в этом городе я все еще ребенок, мой отец все еще рассказывает. Губы приоткрыты.

Самая необычная вещь: мальчик показывает своей осужденной матери улицы Одессы. Солнечный свет, буйство акации.

Юля покупает ему клубничное мороженое.

«Зови меня мамой», – просит она.

«Зови меня мамой».

*

Губы отца открыты. 1949 год. Советский Союз взрывает свою первую атомную бомбу. В Одессе начинают перестраивать железнодорожный вокзал. Юля снимает комнату на чердаке, и мальчик живет там с ней. «Я пахну, как осужденные», – смеется Юля.

Он приносит домой кошку. Юля поет ему колыбельные, которые она выучила в сибирских лагерях.

Самое необычное дело: они навещают Наталью и Шуру раз в неделю. Он заглядывает в дверь.

– Иди играть, милый. Иди поиграй с другими детьми, малыш.

Юля и Наташа обнимаются и плачут. За кухонным столом сидят две пожилые женщины.

Он бежит к Наталье, целует ее.

– Не плачь, мама.

*

Необычное дело случается в 1994-м году: все эти люди, которых я не знаю, собираются на похоронах моего отца. Они – товарищи по эмиграции. Смотрят с любопытством – их первые похороны в Америке.

Я не могу не вспоминать это.

Их лица все еще в моей голове по прошествии двадцати пяти лет. Я не могу этого вынести: это растрепанное белье их высохших фамилий. Как мы стоим на краю кладбища, кучка чужаков. Гробовщик говорит что-то по-английски, никто из нас не понимает. Потом раввин поет на иврите, я не понимаю. Я семнадцатилетний мальчик, стоящий в кучке жучков, в кучке потерянных людей. Я смотрю, как утро своим сухим язычком лижет нас.

*

Я – мальчик, никогда не изучивший язык жестов, которому отец пытается и пытается меня научить.

Когда Юлия умирает, соседи зовут его. Он моет ее тело. Одевает ее. Она в открытом гробу. Руки моют тело матери. Руки пытаются научить сына языку. Все происходит в настоящем времени.

Самая обычная вещь: мужчина возвращается домой. Зачем я здесь? Как я могу разрезать кожу времени с помощью этих нескольких разбросанных фрагментов?

Я не во времени. Я в Одессе.

3.

Утро 1982 года, я – глухой мальчик, чей зеленый велосипед едет на полной скорости на кричащих старушек не потому, что я озорник, а потому, что у меня нет чувства равновесия. Глухой ребенок не знает, что он глухой.

– Идиот! – восклицает женщина.

– Вы видели, как этот маленький идиот во всех врзается? Чей он сын?

Другая женщина поворачивается:

– Этот? Мой!

*

Я глухой. Все спрашивают о тишине. Что такое тишина?

Вот как человек начинает слышать: ухо формируется на двадцать восьмой день беременности в утробе матери.

На седьмом месяце человеческое ухо полностью распознает и слышит звуки.

Самое обычное утро 1984-го года: мне семь лет. Я вижу, как два мальчика крутятся возле пьяного, спящего на снегу. Они наклоняются, чтобы украсть его ботинки.

Из ниоткуда появляется моя мать и бежит за ними, мальчики делают вид, что позволяют ей поймать их. Но снова убегают.

Я еду за ними на велосипеде. Мой велосипед наклоняется в сторону и падает. Я поднимаю его, а он снова падает. Я поднимаю, а он падает. Мальчики исчезают, вместе с ботинками.

Мама едет на велосипеде, а я сижу за ней.

Или, может быть, это 1985 год: тоже утро, самое обычное. Или 2018 год: в моей голове все происходит в настоящем, одесском времени. А движение стрелок часов – то не время.

*

Мама всегда отказывается возвращаться в Одессу после нашего отъезда.

Какой смысл? Она машет здоровой рукой перед моим лицом.

Я молчу.

Мама болеет, лежит в постели в Калифорнии. Тишина, как пятно, проталкивается сквозь обои.

Интересно, что скажет мама, если узнает, что я вернулся в Одессу.

Она просит воды.

– Не хочу воды, – говорит она. Отворачивается. Поворачивается вновь. – Может быть, дай мне чуть-чуть.

– Твой отец, – она смотрит на меня. – Он так сильно меня любил...

Она лежит, парализованная, на своей кровати, улыбается. Ее единственная здоровая рука касается моей щеки. Затем двумя пальцами она касается своих губ, посылает воздушный поцелуй.

– До свидания, морячок-красавчик.

Она продолжает рассказывать мне, как мой отец ухаживал за ней.

Он целовал ее руку в течение многих недель. Ему было сорок, но он стеснялся делать что-то большее.

– Дорогой мальчик, не беспокойся обо мне. Не беспокойся обо мне. Я посплю, хорошо? Ты во мне больше не нуждаешься, ты теперь взрослый мужчина. Мой маленький глухой мальчик.

Она знает, как тяжело мне улыбаться, когда я вижу ее такой. Она улыбается в ответ.

– Там нет тишины, – говорю я ей.

– Правда? – она улыбается. Я смотрю на увеличившиеся губы матери. Она закрывает их ладонью.

Тишина. Я понимаю.

Я живу в другом городе. Несколько дней до моего приезда она тщательно готовится.

Она делает прическу. Маникюр. Я беру ее на прогулку в инвалидной коляске.

Она крепко прижимает мою руку единственной рукой, которая у нее есть, шепчет:

– Маленький дурачок. Я так сильно люблю тебя, мой маленький дурачок.

Вдруг мама внезапно замирает и голосом девочки спрашивает:

– Мой мальчик, почему это происходит со мной: почему я так больна?

Неожиданный вопрос: мама хочет знать, почему я никогда не изучал язык жестов, которому меня учил отец. Вспоминая эти уроки, она смеется.

Такие вот партнеры по танго – отец и я.

Она счастлива, когда я говорю ей, что иногда во сне (или так шепчет ей моя жена) я поднимаю руки и показываю жесты.

Прежде чем умереть, она требует узнать, какие книги я хочу прочесть с нетерпением в следующем году. Она просит меня прочитать что-то вслух. А потом она лежит в гробу. Она одета в желтый пиджак, который слишком велик для нее. Гроб не помещается в яме. Гробовщики пытаются и так, и сяк. Поднимают его, опускают обратно. Толпа наблюдает.

Это последнее оскорбление для нее, что я вижу это? Или это последний урок она дает мне – отказ уйти в землю?

*

Самое обычное утро 2018-го года: Одесса. Солнечные лучи. Мама и папа: вы мертвы. Все, кто знает вас в этом городе, тоже мертвы.

Этот город, моя машина времени.
Самое обычное дело: мужчина возвращается домой.

*

Мимолетное воспоминание: на протяжении всего моего детства отец называет ее (как и я) Мать. Я немного удивлен, когда он называет ее по имени: Элла.

Оставляю машину на пустой стоянке и кричу. Меня никто не слышит, это начало 2018-го года, я не слышу себя. Я кричу, а машина дрожит.

Еще одно мимолетное воспоминание: я молодой мальчик, делающий домашнее задание, и она ходит на цыпочках, принося маленькую тарелку с нарезанной клубникой в сахаре.

После того как она умирает, я убираю ее квартиру, нахожу кучу недавно купленных книг, книг, которые я ей сказал, что хочу прочитать в 2018-м году.

Последний взмах ее руки. «До свидания, морячок-красавчик».

*

Как я изучаю английский?

Во-первых, это смерть. Отец умер в 1994 году, менее чем через год после нашего приезда в Соединенные Штаты. Я сразу понимаю, что не могу написать о его смерти на русском языке.

Как сказал один автор о своем умершем отце: «Эх, не стань просто строчкой прекрасной поэзии!». Я выбираю английский в 1994 году, потому что никто в моей семье не знает его в 1994 году – никто, с кем я разговариваю дома. Никто не может прочитать, что я пишу. Я сам не знаю его толком, этот английский.

Это параллельная реальность, странная чарующая свобода.

*

Тротуар, на твоих плечах я стою.

В Одессе идет дождь, холодный дождь, улица пуста. Я иду без зонта, и моя душа свободна.

Мама никогда больше не возвращается в этот город. Я приезжаю сюда без нее и перехожу тротуар вот этими, своими ногами.

*

Их романтика – центр моего детства. Отец звонит маме, чтобы позвать на свидание в середине рабочего дня.

Телефон звонит пять раз. Затем на другом конце тишина.

Звонит четыре. Опять тишина.

Это их код. Через пятнадцать минут он у двери в ее офис с небольшим пакетом с земляникой и розой.

С моего велосипеда я вижу, как она откидывается назад, а он кладет клубнику ей в рот.

Я смотрю, как они выходят из ее бухгалтерии на улицу. Их плечи соприкасаются.

Им за пятьдесят, мои родители.

Страна находится всего в нескольких месяцах от коллапса, вокруг них, но папа и мама ходят за клубничным мороженым.

*

Где-то в этом городе я иду по 2018-му году. Я счастлив в этом городе, потому что я могу умереть здесь в любой момент, зная, что моя смерть заберет только меня. Город будет таким же, каким он был без меня последние двадцать пять лет. Я потеряю все, и ничего.

*

Мы видим, что в 1994-м году остались одни в чужой стране мама и я. Она вдова, ей около пятидесяти, с глухим мальчиком. Похороны я не хочу вспоминать. Похороны беженцев. Мы в Америке. Ее злой сухой смех. Ее обвинения, адресованные никому, как ставни, стучащие по цементным стенам.

*

Где-то в Одессе я пишу это по-английски, потому что когда мы впервые приехали в Америку, у меня ничего не было. Все, что я мог дать своей матери, были слова.

На протяжении всего моего детства отец называет ее – как и я – Мать. Я мог бы сказать вам слово для матери по-английски. Но я предпочитаю не делать этого.

Я в Одессе, но мама никогда не возвращалась в Одессу. Я принимаю ее отказ, написав это на английском. Я застегиваю рубашку на все пуговицы и живу.

Но подождем минуточку.

Сначала надо вспомнить то самое обычное утро в январе 1993-го года: мама удивляет нас требованием, чтобы папа снова сделал ей предложение. Слишком много политики. Она не может этого вынести. Она хочет свадьбу. Прежде чем они покинут Одессу навсегда. Их лучшие друзья спорят о стульях и цыплятах на небольшой импровизированной церемонии.

Это грандиозное событие.

Родители меня берут в ателье, где мама примеряет свадебное платье. Невеста выходит немного испуганной, но смеется, когда мы с отцом вскакиваем на ноги и хлопаем в ладоши.

Как они целуются!

Им по пятьдесят, но поцелуи такие, как будто они только что научились целоваться. Десять минут. Одиннадцать минут. Они не останавливаются. Я теряю терпение.

Эти два старика целуются на земле в последний раз.

На подоконнике воробьи слетаются на сухари, которые я им кидаю. Но портной терпелив. Воробьи, эти пролетарские птицы, клюют свои лапки на подоконнике. Теперь влетает голубь, похожий на толстого маленького профессора, и летит прямо под платье матери.

Именно тогда портной хлопает в ладоши: «Да, дети, пора работать!».

*

Где-то в этом городе я в 2018-м году: обычное утро. Гигантская голова Толстого все еще смотрит на меня со своего поста-мента. Вокруг него двадцать лет спустя троллейбус № 2 все еще делает круг и приходит на станцию.

Почему я здесь?

Я застегиваю рубашку перед этим вопросом.

Я за пределами здания на улице Дегтярной, дом № 33, где когда-то жила моя семья, где они были счастливы.

Мы наконец одни, ты и я, тишина. Я вижу тебя.

Павел Козленко

Моя Балта

Я не родился в Балте, здесь прошло мое детство. В этом городе родилась моя мама. Сразу после освобождения, 29 марта 1944 г., из гетто на фронт пошел мой дед. Здесь в период оккупации в ноябре 1941 г. в Балтском гетто, забитый до смерти румынскими полицаями, погиб мой прапрадед Иось Хаим Беркович Галис. До сих пор на Красном Яру люди пьют воду из колодца, который вырыл мой прадед Герш по прозвищу Малайчик, а на улице Сенянской уже не осталось домика, в котором подбивал каблук мой прадед сапожник Янкель.

Мне захотелось вновь вернуться в этот город, для того чтобы сохранить память о тех известных и неизвестных представителях еврейской общины города, которые здесь родились или работали в разные исторические периоды, вспомнить тех, кто пострадал от погромов или был уничтожен в эпоху Холокоста. Для этого мы восстанавливаем здание Савранской синагоги в Балте, основанной в XIX веке последователями савранского ребе – раввина Моше Цви Гитермана, создаем музей истории евреев Балтского уезда и готовим к изданию книгу «Балта – город моего детства».

В этом городе родились философ, российский литературный критик Юлий Айхенвальд и депутат Кнессета от партии Херут Арье Альтман, медик-гигиенист, статистик и демограф, доктор медицинских наук, профессор Григорий Баткис и композитор, профессор, педагог Александр Веприк, режиссер игрового, документального и научно-популярного кино, сценарист Анатолий Граник и архитектор, градостроитель, художник и педагог Иосиф Каракис, певец, артист оперетты Михаил Ксендзовский и ученый, библиотекарь, один из авторитетнейших историков караимства

Леон Немой, еврейский поэт, публицист, анархист Самуил Шварцбард и живописец, график, педагог, театральный художник Иосиф Школьник, а также многие другие.

Мать и сын: как Блюма Мошковна своего Аврума двадцать лет искала

«Иди женись, иди... Делай маму сиротой!» – эту фразу из сериала «Ликвидация» слышали, наверное, все. Еврейская мама (аидише момэ) – ей посвящены и песни, и строки из прекрасных стихотворений, рассказы и даже анекдоты... Об одной такой еврейской маме и пойдет речь.

В начале прошлого века, пережив погромы, революции и еще много того, что история пытается забыть, проживала в городке Балта в доме 25 по 1-й Сенянской улице еврейская семья Шейман.

Хозяйка с красивым еврейским именем Блюма в перерывах между родами, воспитанием детей и домашним хозяйством еще помогала своему мужу Лейбу, который работал извозчиком, имел пару лошадей, подводу. Лейб разъезжал по ближайшим базарам, покупал мануфактуру и другие товары и перепродавал их.

Семья была большой. Семеро душ детей: мальчики Аврум, Моисей, Фима, Михаил и Хаскель, девочки Эстер и Лея. Родители старались дать своим детям хорошее образование. Аврум окончил коммерческое училище и стал учителем математики, Моисей выбрал

Дело А.Л. Шеймана
ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, д. 2738

б _____ 193 р.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1938 года марта 26 дня Прокурора Молдавской АССР КОЛОДИН рассмотрел материал представленный УГВ НКВД МАССР на **ШЕИМАНА** Абрама Львовича, 1898 года рождения уроженец и житель г. Вальты МАССР, гр-ва СССР, беспартийный, работает директором еврейской школы быв. бундовец, впоследствии перешел в сионистскую организацию обвиняемого в том, что он является активным сионистом, проводил среди еврейской интеллигенции к.р. исп. работу т.е. в преступлении предусмотренном ст.ст. 54-10 ч.1-я и 54-11 УК УССР.

Учитывая, что обвиняемый **ШЕИМАНА** А.Л. будучи на свободе может скрыться от следствия и суда, руководствуясь ст.ст. 145 и 150 УПК УССР.

ПОСТАНОВИЛИ:

Санкционировать арест **ШЕИМАНА** Абрама Львовича, содержание под стражей в Тираспольской тюрьме с зачислением его за УГВ НКВД МАССР.

ПРОКУРОР МОЛДАВСЬКОЇ АССР

Колодин
КОЛОДИН

25

ВЫПИСКА из ПРОТОКОЛА
Заседания Особой Тройки НКВД Молдавской А.С.С.Р.

От "25" июля 1938 г.

№ 52

слушали:	постановили:
<p>дело Ю Отд. УМ НКВД МССР 77296 "инженер-электрик" в-р. с.о. Массе, шпионской организации в "содвин, прогонише" витали у -р. кредителе кие деятельности и "инженер" от шпионском в пользу иностранных разведок.</p> <p style="text-align: center;">По делу объявляется:</p> <p>7. ШЕЙМА Абура Львович, 1898 г.р., урож. и жит. г. Бельги, "враг", служащий - учитель, - в им, что являлся учителем в в-р. организации, по званию которой занимался враждебным препода- ванием.</p> <div style="text-align: center;"> <p>СТ. ИНСПЕКТОР УМ ОТД. УМ НКВД МССР М. Л. ШЕЙМА Г.О.С.Д.А.Р.С.Т. П.Е.С.О.Л.А.С.И.С.К.И. П.М.Е.Л.Е.Н.И.Ч.У.К.</p> </div>	<p>ШЕЙМА Абура Львович - РАССТРЕЛЯТЬ.</p>

Выписка из протокола № 52 заседания Особой тройки НКВД Молдавской АССР от 25.04.1938 г.
 ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, д. 2738, л. 25

профессию инженера, а Фима окончил военно-медицинскую академию.

Беда пришла в дом внезапно. 26 марта 1938 года арестовали Аврума, директора еврейской школы. Все по отработанной схеме. Забрали прямо из дома, с улицы Виноградской. Обыск проводил отец ученицы. Потом Тираспольская тюрьма, допрос, «приговор» тройки: «Бывший бундовец, впоследствии перешел в сионистскую организацию. Будучи членом организации, проводил контрреволюционную подрывную работу в школе, занимаясь вредительским преподаванием математики и умышленно снижая учебные программы». Постановление – расстрелять!

27 апреля младший лейтенант госбезопасности Мельничук доложил об «исполнении»...

Но семье об этом не сказали. 8 ноября 1940 года жена и сын Аврума Шеймана написали в прокуратуру Молдавской ССР. 15 ноября из Кишинева пришел ответ за подписью прокурора отдела по спецделам Битого, который сообщил, что Аврум получил десять лет лагерей: «Наблюдательное дело по делу прекратить... Жалобу оставить без удовлетворения».

Война. Эвакуация, годы тяжелых испытаний. В оккупации были убиты дочь и сын Блюмы – Эстер и Фима. Ее сыновья Михаил и Хаскель погибли на фронте. После освобождения Балты Блюма возвращается в родной город. Моисей осел в Краматорске, дочь Лея – в Киеве.

Судьба Аврума не оставляла Блюму Мошковну в покое. Надеясь, что сын действительно живой и отбывает где-то свой десятилетний срок, 4 ноября 1954 года она пишет жалобу в Президиум Верховного совета СССР – лично товарищу Ворошилову. Просит сказать, «жив ли мой сын, и где он находится». Через некоторое время Ворошилов отвечает, обещая разобраться. А уже через пару дней Блюма Мошковна была на допросе в здании одесского УКГБ на улице Бебеля (Еврейской).

25 апреля 1955 года старший следователь майор Болдов, «рассмотрев материалы архивно-следственного дела на осужденного Шеймана А.Л., пришел к выводу, что так как причастность Шеймана А.Л. к контрреволюционной сионистской организации и к проведению антисоветской националистической

6к.4.07.54
В Президиум Верховного
Суда СССР

г.р. ки г. Талтте
Одесской области
Шейман Бомон
Мошкович

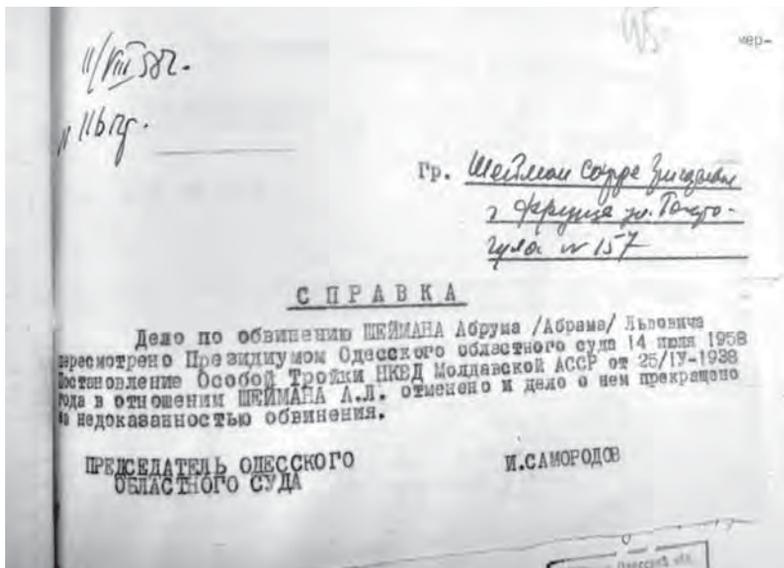
заявление.

В 1938 году органами
УНКВД в г.р. Талтте Одес-
ской области (Бывшей Мдскр)
был арестован мой
сын учитель Шейман
Абрам Лейбович рождения
1899 года. Прокурор сообщил
мне, что сын осужден
на десять лет, что он
государственный преступ-
ник. Судебного приговора не
было, я не знаю в ка-
ком преступлении обви-
нили моего сына.

На допросе 19 апреля 1938 года

Заявление Б.М. Шейман в Президиум ВС СССР.

ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, д. 2738, л. 29

Справка о прекращении дела в отношении Шеймана А.Л.
ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, д. 2738, л. 95

деятельности дела доказана, просьбу Шейман Блюмы Мошковны о пересмотре дела ее сына оставить без удовлетворения». Дело шло к Суэцкому кризису, в Союзе махровым цветом цветет анти-семитизм. Какие просьбы?

27 ноября 1955 года мать пишет письмо прокурору Одесской области. 20 января 1956 года ее вызывают в Балтское отделение милиции, где «ей устно было объявлено, что ее сын умер от склероза мозговых сосудов 10 мая 1946 года».

27 января 1956 года, не веря в сказанное ей устно, она пишет вновь письмо прокурору. Буквально умоляет: «Прошу Вас, господин Прокурор, дать мне исчерпывающий ответ. Я старая женщина – мне 80 лет, и я хочу перед смертью увидеть еще моего сына».

7 февраля 1956 года мать вновь обращается в УКГБ по Одесской области все с тем же вопросом.

В эти дни в Москве проходит знаменитый XX съезд КПСС, Хрущев развенчивает культ личности Сталина, а УКГБ при Совете

министров УССР по Одесской области направляет начальнику Балтской милиции письмо под грифом «секретно», в котором поручает повторно вызвать несчастную женщину и сообщить, что ей отказано в реабилитации сына.

В одном из своих последних писем, перед самой смертью, устав бороться с советской системой, она напишет: «...Жить уже осталось недолго, и я, мать, еще хочу увидеть моего сына своими глазами, которые за эти годы вылили море слез, ибо он совершенно невиновен».

Будет еще много отписок, полных лжи и фальши. Ей лгали заместитель прокурора Одесской области Дремов, начальник следственного отдела облуправления КГБ Гришанов, начальник учетно-архивного отдела того же управления Лавринов, прокурор Балтского района Гудзенко.

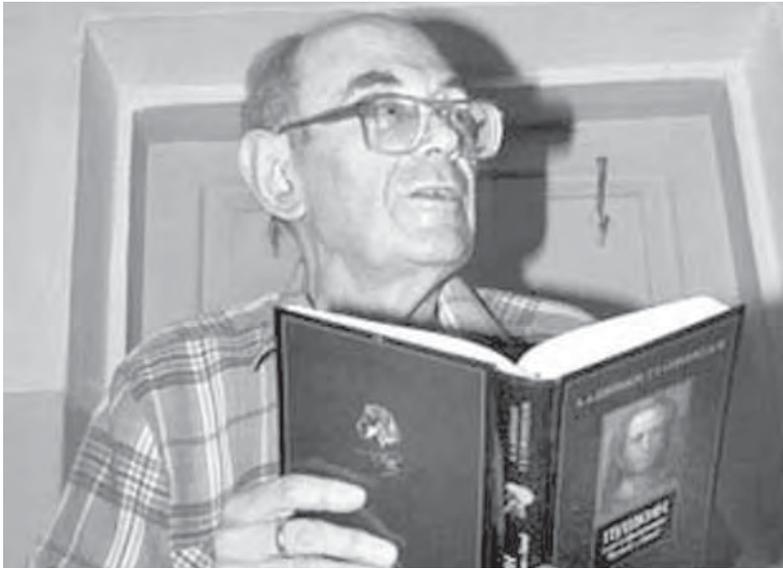
После смерти Блюмы Мошковны выяснением судьбы своего отца займется его сын Лев Шейман.

Лишь летом 1958 года прокурор УССР Панасюк направит в Одесский областной суд протест по данному делу, а 14 июля 1958 года президиум суда вынесет постановление: «Протест прокурора удовлетворить, постановление тройки НКВД МАССР от 25 апреля 1938 года отменить и дело в уголовном производстве прекратить за недоказанность предъявленного обвинения».

В 1992 году удастся получить из архивов выписки судов. В них будет указана фальшивая дата: «Умер в 1943 году».

Судьба сына Аврума Лейбовича, Льва Аврумовича Шеймана, заслуживает отдельной статьи. Он крупный литературовед, пушкинист, доктор педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Киргизской Республики, член Союза журналистов СССР. Наследие Льва Аврумовича составляет около пятисот научных трудов.

В своих воспоминаниях его друг детства из Балты Семен Цванг пишет: «Лев Шейман мой ровесник. В Балте мы привыкли называть его Леней и знали, что он один из самых успешных учащихся, хотя школу Шейман не посещал из-за болезни позвоночника. Прикованный к постели, он не терял связи со своим классом. Его часто посещали учителя и ученики, рассказывали о жизни школы, знакомили с домашними заданиями. Мы были восхищены

Лев Шейман. Фото Википедии

его оптимизмом, горячим желанием не отставать от жизни. Этому способствовало то, что его отец был учителем математики, а мать – библиотекарем. С детства он пристрастился к серьезному чтению, полюбил художественную литературу, а прекрасная память способствовала запоминанию стихов и прозы. Он знал наизусть огромное количество произведений и мог их часами цитировать по любому поводу».

Сегодня, наверное, уже мало кто знает и слышал колыбельную, которую еврейская мама Блюма в одном уездном городе пела своему внуку, желая ему счастья и благополучия:

Шлоф, майн кинд,
Золст мир зайн азой ланг гезунт
Биз, а федер вет верн а фунт
Золст мир зайн азой ланг райх
Биз а фейгеле вет ойстринкен а тайх.

Золст мир хобн Шлойме-хамелехс хохме,
Йосеф-хацадикс цуре.
Ун Шимшн-хагиберс гвуре.

Окончание следует

Источники и литература

1. Государственный архив Одесской области, фонд Р-8065, опись 2, дело 2738.
2. Шейман Лев Аврумович [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>.
3. Цванг Семен Рувинович. «Город, в котором тепло». Книга мемуаров. – Издательство «Ашкелон» (Израиль), 2013 г.

Евгений Деменок

Нью-Йорк. Ground Zero

Еще совсем недавно панораму Манхэттена невозможно было себе представить без знаменитых башен-близнецов – построенных американским архитектором Минору Ямасаки в 1968–71 годах и бывших одно время высочайшими небоскребами в мире. Сейчас на месте комплекса зданий Всемирного торгового центра высятся совсем другие здания, одно из которых – здание Национального музея и Мемориал 11 сентября.

О том, что случилось в тот день, знают, кажется, все. А вот о том, что среди нескольких тысяч погибших были и одесситы, даже в самой Одессе знают очень не многие.

*

Вечером одиннадцатого сентября 2001 года, вырвавшись наконец с работы, я примчался в гости к другу. Он праздновал день рождения, и я предвкушал веселые разговоры за обильным столом. Когда друг открыл мне дверь, я сразу понял, что случилось что-то экстраординарное. Всегда спокойный и жизнерадостный, он был сильно встревожен.

Голос телевизионного диктора был слышен даже в коридоре. Он говорил о теракте в Нью-Йорке. Об атаке на знаменитые башни-близнецы.

Новости на всех каналах были только об этом. Сидя на диване в гостиной, мы с другом заворуженно смотрели на кадры, на которых управляемые террористами самолеты врезались сначала в первую, а затем во вторую башню Всемирного торгового центра. Все происходящее казалось совершенно сюрреалистическим, оторванным от реальности. Облик Манхэттена без этих башен

давно не воспринимался, они казались чем-то естественным, присущим ему изначально. Помню, как мой нью-йоркский родственник в первый мой приезд в Большое яблоко привез меня в даунтаун Бруклина, на набережную, чтобы показать оттуда башни, освещенные закатным солнцем. Это было эталонной картинкой с открытки – Манхэттен, Бруклинский мост, башни-близнецы...

Лишь через несколько минут меня пронзила мысль о том, что нужно позвонить папе. Он работал не в «близнецах», но каждое утро и каждый вечер по пути на работу пересаживался на станции метро *Cortlandt Street*, которая находилась прямо под ними и была, как я узнал позже, полностью разрушена. А первый самолет врезался в Северную башню в 8:46 утра...

Я звонил папе в течение четырех часов. В ответ – тишина.

Уже утром, проснувшись, я увидел СМС от него. Связь в Нью-Йорке включили лишь поздно вечером.

Как только там наступило раннее утро, я позвонил ему. Он рассказал, что проехал ту самую станцию за сорок минут до первого самолетного тарана. И из окон своего офиса – он работал тогда в Ньюарке – видел, как второй самолет врезался в Южную башню. Как горели и затем рухнули обе башни.

В Северной башне в это время находился племянник папиной второй жены, двадцатиднолетний Володя Савинкин. Офис его компании *Cantor Fitzgerald* был на верхних этажах башни, со 101 по 105 этаж. Самолет врезался в здание на уровне 94-98 этажей.

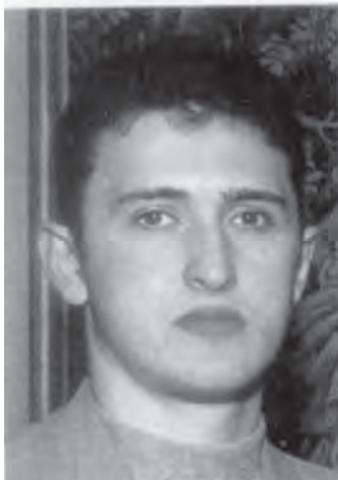
Никаких шансов выжить у него не было.

В тот день у папы в офисе никто не работал. Компания сняла гостиницу рядом с офисом для тех, кто решил не ехать на ночь домой, – общественный транспорт начал вновь функционировать лишь вечером.

А в жизни родственников тех, кто работал в башнях, начался ад. Связь не работала, общественный транспорт тоже. Выяснить судьбу своих родных было невозможно. Все официально считались пропавшими без вести.

На следующий день в Сети появился сайт, на котором были указаны имена всех сотрудников всех компаний, находившихся в башнях. Против имен многих было указано название того или иного госпиталя, в котором находится пострадавший.

MISSING PERSON SINCE TUESDAY SEPTEMBER 11

Name: **VLADIMIR SAVINKIN**

World Trade Center#1

FLOOR # 101

Company: CANTOR FITZGERALD

Age: 21 Years old

Height: 6'2"

Weight: 180 Lb.

Hair: Light Brown

Eyes: Grey

Cloth: Beige pants, ivory shirt (long sleeves), brown shoes, golden bracelet on the right hand and "Longenes" watches on the left hand, wears gold chain with the Taurus

Please, CALL:

(718)

Владимир Савинкин. Фото 9/11 Living Memorial

Это было ужасным, бесчеловечным фейком.

Отчаявшиеся родные метались по госпиталям. Их было много – по распоряжению тогдашнего мэра города Рудольфа Джулиани для принятия пострадавших было подключено около двухсот госпиталей – в Манхэттене, Квинсе и даже Нью-Джерси. В это же время добровольцы отстаивали долгие часы в очередях, чтобы сдать свою кровь.

Кровь не понадобилась. Ни в одном госпитале не было раненых. Были или выжившие, или погибшие.

Надежда постепенно уходила.

Город моментально организовал несколько семейных центров, в которых с родственниками работали психотерапевты. Подойти к этим центрам без слез было невозможно – все заборы и стены вокруг были обклеены флаерами с портретами пропавших.

Вскоре у членов семей пропавших без вести стали брать образцы ДНК... А затем к ним домой стали приезжать агенты, приносившие скорбную весть.

Валерий Савинкин

В результате теракта 9/11 в зданиях Всемирного торгового центра погибло 2606 человек. На сегодняшний день идентифицированы останки лишь 1642 человек. Еще 1111 жертв не опознаны.

Триста пятьдесят восемь погибших были сотрудниками компании *Marsh&McLennan*. Сто семьдесят пять – сотрудниками *Aon Corporation*. Погибли триста сорок три пожарных, восемьдесят четыре служащих Портового управления, двадцать три полицейских.

Больше всех сотрудников потерял инвестиционный банк *Cantor Fitzgerald*. В Северной башне погибли шестьсот пятьдесят восемь его сотрудников – все до единого, находившиеся в этом офисе. Почти семьдесят процентов всего персонала банка...

Среди них был и одессит Володя Савинкин. Он работал на 101 этаже.

Его отец Валерий Савинкин работал в то время программистом в Джерси-Сити, и окна его офиса выходили как раз на Манхэттен. Он видел дым, идущий из башни, но сразу оценить масштаб трагедии не мог – самолет врезался в башню с другой стороны. Он побежал на станцию, чтобы скорее добраться до Всемирного торгового центра, но проход к поездам перекрыли, и ему пришлось вернуться в офис. Когда там началась эвакуация и все сотрудники вышли на улицу, Валерий увидел, как обрушилось Северное здание, в котором работал его сын.

Савинкины переехали из Одессы в Бруклин в середине 1990-х. Володе было шестнадцать лет. Он поступил в *Pace University* и был

Марина Герцберг. Фотография 9/11 Living Memorial

очень рад тому, что устроился на работу в такую известную компанию, как *Cantor Fitzgerald*.

Рядом с Володей на том же 101 этаже работала Марина Герцберг. Семья Герцбергов переехала в Нью-Йорк из Одессы в 1980 году. Родители гордились дочерью, которая отлично училась в школе *Mark Twain*, потом поступила в специализированную школу *Stuyvesant*, а степень бакалавра получила в Бингемтонском университете. В 2001 году двадцатипятилетняя Марина решила стать магистром и поступила на вечернее отделение в *Baruch*

College. Первый ее рабочий день в *Cantor Fitzgerald* был четвертого сентября, за неделю до трагедии...

Людмила Ксидо переехала в США из Одессы в 1979 году. Вместе с ней должны были уехать муж и брат, но они погибли во время ужасной авиакатастрофы 17 марта 1979 года – тогда вскоре после взлета из московского «Внуково» разбился летевший в Одессу самолет ТУ-104. Людмила уехала в Америку с сыном, там вновь вышла замуж и родила еще двух сыновей. Она работала консультантом в компании *Accenture*, и в тот ужасный день вместе с другими пятью сотрудниками работала в комплексе *Windows on the World*, располагавшемся на верхних, 106 и 170-м этажах Всемирного торгового центра.

Александр Брагинский родился в Одессе в 1963 году. В 1979 переехал с семьей в Штаты. Окончил Квинс-колледж, работал в швейцарском банке, в компании *Mitsubishi*, а потом стал финансовым консультантом в агентстве *Reuters*. Утром 11 сентября он не должен был быть в ВТО, но пришлось заменить коллегу на важном совещании... Оно проходило на несколько этажей выше офиса *Cantor Fitzgerald*. Его бумажник нашли 12 сентября

MISSING - WTC

Alex Braginsky, 38

Missing since September
11TH PLEASE CONTACT

718-271-8083 or
917-335-9717

Алекс Брагинский. Фотография 9/11 Living
Memorial

и передали его матери – Нелли Брагинской. Позже она отдала найденные вещи в Мемориал 11 сентября.

Через четыре года после трагедии Валерий Савинкин открыл в бруклинском *Asser Levy Park* мемориал, посвященный русскоязычным жертвам теракта 11 сентября. Ему помогал Роман Герцберг, папа Марины. Герцберги и Савинкины создали некоммерческую организацию *September 11 Family Group* для семей выходцев из стран бывшего СССР, погибших во время теракта. Вместе

Мемориал в южной части Ассер-Левы-Парка

они собрали деньги на монумент и получили разрешение на установку от местных властей.

На бронзовой доске мемориала выбиты имена восемнадцати погибших, а рядом растет груша – дочка той самой груши, того единственного дерева, которое чудом выжило во время катастрофы.

А в Одессе перед входом в школу № 83, в которой учился Володя Савинкин, в 2007 году была установлена в его честь мемориальная доска.

Валерий Савинкин, который много лет руководил Одесской общиной Нью-Йорка, был председателем мемориального комитета Холокоста и представителем русскоязычной общины у конгрессмена Хакима Джеффриса, умер в 2017 году. В мае 2018-го на Брайтон-Бич в его честь назвали улицу.

По инициативе Нелли Брагинской именем Алекса Брагинского теперь названа улица в Квинсе, неподалеку от дома, в котором он жил. А приморском районе Хайфы, Кирият-Шпринцак, раскинулся «Парк Алекс». Квинс-колледж переименовал Президент-

Открытие улицы имени Алекса Брагинского. Фотография 9/11 Living Memorial

Валентина Савинкина и конгрессмен Хахим Джеффрис. Фото Белы Гершгорин

ский конференц-зал в библиотеке имени Розенталя в «Alexander Braginsky Conference Room».

Каждый год у мемориала в Бруклине собираются родственники погибших. По сложившейся традиции они зачитывают имена тех, кто ушел из жизни за прошедший год, и тех, кто в этот год родился. К счастью, в последние годы родившихся всегда больше.

*

В первое время после трагедии ее годовщину отмечали прямо в котловане. Там устанавливали бассейны, и родственники погибших спускались по пандусу вниз. А наверху были горы цветов – выше человеческого роста. Торжественно зачитывали фамилии всех жертв. И каждые пятнадцать минут менялся состав караула.

Постепенно семейные центры закрылись. Остался один, напротив *Ground Zero*, на 22 этаже соседнего здания. Там были две больших комнаты, и родные обклеили их теми самыми флаерами... Туда приходили, чтобы зажечь свечу. Приносили цветы.

Когда начали строительство нового центра и мемориала, церемонию стали проводить рядом.

Та самая груша

Сейчас церемония проходит во дворе мемориала, у бассейнов. Там посадили специально выращенные белые дубы, а центральное место занимает та самая выжившая после катастрофы груша. На парапетах вокруг северного и южного мемориальных бассейнов Национального мемориала и Музея 11 сентября выбиты имена 2983 погибших. 2977 человек были убиты в результате нападений 11 сентября и шесть человек – в результате взрыва во Всемирном торговом центре в 1993 году. Имена погибших расположены в специальном порядке – рядом с именами тех, с кем они рядом работали, тех, с кем они жили, и, очень возможно, тех, с кем они умерли.

Родственники погибших и посетители мемориала оставляют у бассейнов цветы. Обычно розы. Стебли их ломают, чтобы сделать короче, и стараются вставить прямо в узкие щели вырезанных букв.

Если вы будете там, помните, что среди имен погибших есть и имена одесситов.

Владимир Савинкин, Марина Герцберг, Алекс Брагинский, Людмила Ксидо.

Белла Кердман

Насчет холеры в Одессе

Один наш родственник, полагавший себя юмористом, говорил: «Ну, расскажи уже что-нибудь веселенького – как насчет холеры в Одессе?». И однажды летом 1970-го она таки у нас случилась.

На днях я посмотрела в Интернете новый фильм Валерия Тодоровского «Одесса». Ожидала, согласно рекламе и анонсам, что он про холеру. Но нет, хотя зачин сюжета и время действия там то самое, холерное. А фильм – про большую еврейскую семью, где кто-то затеял ехать в Израиль, а кто-то ощущает себя советским и даже русским человеком и считает, что уехать – значит предать Родину. Там и про любовь несбыточную между несовершеннолетней племянницей и ее взрослым дядей, и скелеты в шкафу. Прекрасна игра актеров, в частности Ярмольника, неузнаваемой Розановой, Цыганова, да и всего состава. Только сейчас я поведу речь не о фильме, а собственно о холере в Одессе.

Но сначала – несколько слов о режиссере и продюсере этого фильма. Он мой земляк, родился в Одессе 8 мая 1962 года. А 2 мая того же года, когда по обычаям страны нашего исхода продолжали отмечать праздник трудящихся, ко мне в гости привели его родителей Петра и Мирру Тодоровских. Петя был с гитарой, много пел, в основном Шпаликова и Окуджаву, а Миррочка, целиком погруженная в близкое материнство, сидела молча, забравшись с ногами на диван. Так мы познакомились. И время от времени общались, а когда Валерику исполнился год, я оказалась единственной гостьей из не родственников на его дне рождения. И, естественно, внимательно следила за операторскими, а затем и режиссерскими работами Петра и за творчеством выросшего

уже в Москве Валерия и матери семейства Мирры, нашедшей себя в продюсерстве. Кое-что о Тодоровских публиковала (в том числе в АПН).

Итак, насчет холеры в Одессе. Я работала тогда в сельхозотделе областной партийной газеты «Знамя коммунизма», и больше моего по колхозам и совхозам области никто не ездил. Мне это нравилось. Казалось, что нас, газетчиков, только в селе еще воспринимают всерьез. Да, надо сказать, что перевели меня во «взрослую» газету из молодежи, когда мой комсомольский возраст подошел к концу. Причем дали в руки письменное распоряжение для редактора, который антисемитом не был, но уже имел в штате предостаточное число евреев и без меня. Так что перевод «по распоряжению обкома КПУ» зафиксировали в моей трудовой книжке, копию которой я храню.

Важная для меня история того времени, к теме холеры имеющая косвенное отношение. Надо знать, что в городе Одессе находился крупнейший научно-исследовательский центр: Всесоюзный селекционно-генетический институт (ВСГИ). Носил он одно время имя бывшего своего директора – Трофима Денисовича Лысенко, и следы сбитого с входной арки одиозного имени потом долго еще проступали не только в камне, а и в духе, царившем в головном селекционном центре растениеводства Советского Союза.

Одесса, что для вольного нашего города было удивительно, оставалась оплотом лысенковщины и после разоблачения личности Трофима Денисовича. Причем это касалось не одного лишь ВСГИ, а и вузов – агрофака сельхозинститута и биофака университета. В Ленинграде генетике уже вернули легитимность, а наши студенты только облизывались на тайком пронесенный в аудиторию тоненький новый учебник ленинградского издания. Мне дали его поддержать и полистать, и я гордилась таким доверием будущих агрономов.

В ту смутноватую пору молодой специалист Григорий Максимчук был сотрудником ВСГИ, обретался при одном из столпов отечественной селекции – Ф.Г. Кириченко, академике и герое соцтруда. Сказать о Федоре Григорьевиче «лысенковец» – мало сказать: он был не просто сторонником «корифея», он был его

копией, ухудшенной и дополненной. Коварный, завидуемый интриган, опасный для всякого, в ком учует угрозу для своего, как теперь бы сказали, имиджа. Кириченко долгие годы заведовал в ВСГИ отделом пшениц, но на личном счету его имелся лишь один значительный для своего времени сорт. Да и тот был выведен в соавторстве с женой, и основной вклад в авторский тандем молва числила за ней.

Не знаю, чем не угодил шефу Максимчук, которого тот со словами «селекционером тебе не быть, ступай в агрономы!» от себя отлучил. К счастью, говорили потом доброжелатели Григория Павловича. Максимчук стал работать в сельскохозяйственном вузе, защитил кандидатскую. Руководил агрономической практикой студентов в учебном хозяйстве. И там, без фитотрона – станции искусственного климата, каковая к тому времени (первая в Союзе!) уже появилась в ВСГИ, без лабораторий, разве что весы имелись под рукой, без аспирантов, ассистентов и прочих помощников человек создал потрясающий, уникальный сорт пшеницы!

Это была тихая сенсация. Мне рассказал о ней один из молодых сотрудников сельхозинститута, даже горсть зерна принес в редакцию. «Смотри, – говорит, – какое выровненное, нарядное. Причем это сильный сорт!» Я понимала, что в данном случае мой информатор не метафоры употребил, а вполне профессиональные определения: крупное, с красноватым отливом зерно в официальной характеристике вполне можно назвать «нарядным»; а пшеницы бывают не только мягкие и твердые, а и сильные – относительно недавно стали выделять в Союзе этот важный качественный параметр. Пшеница Максимчука, к тому же, вынослива в условиях нашего засушливого степного климата и высокоурожайна – мне была передана соответствующая документация. Однако на колхозные-совхозные гектары «эритроспермум-127» (с таким неприличным на чей-то слух словом меня не хотели сначала пускать на страницы родной газеты, а это просто название одного из четырех существующих типов пшеницы плюс порядковый номер варианта, из которого селекционер рассчитывал получить новый сорт, а затем и на поля) не допускали. В поездках по области я стала рассказывать колхозным-совхозным агрономам о сорте Максимчука, и они, добывая в учхозе или

у коллег из других хозяйств, уже раздобывших его, торбочку семян, потащили нерайонированный «эритроспермум» в посевы, скрывая его под другим именем. А когда сорт узаконили, он уже занимал площади, больше отводимых обычно для «новичка». Увы, автор до этого не дожил. Но я успела с ним встретиться и рассказать, что его пшеница триумфально шагает по области. И пожаловаться, что его бывший шеф Кириченко прислал на меня в редакцию «телегу», в которой сказано, что я настраиваю агрономов против ученых, пропагандирую остистую пшеницу, которая восприимчива к вирусным эпидемиям и радиации. Редактор на всякий случай вынес мне выговор без занесения. Но мои публикации о сорте Максимчука с «неприличным» названием стали выпускать в свет. Жалоба академика развеселила тяжелобольного Григория Павловича. По его совету я обратилась в какой-то Первый отдел, где тоже повеселились над такой чушью. Спустя время меня пригласили к ректору сельхозинститута, велели расписаться и выдали премию Министерства СХ СССР «за пропаганду нового, перспективного сорта пшеницы» – 200 рублей, немалые тогда деньги. Вот такая была история. К сожалению, коротко рассказать не получилось...

Итак, в Одессе холера. Город закрыт, никого не впускают и не выпускают. На судах, стоящих на рейде, реют желтые флаги карантина. Цыганский театр «Ромэн», гастролировавший в те дни в нашем городе, в полном составе явился в областной комитет партии и расселся на полу второго этажа, где был кабинет первого секретаря товарища Козыря. Цыгане, хранящие в поколениях многовековой холерный ужас, требовали немедленной отправки в Москву, иначе не сойдут с места. И партийный комитет в порядке исключения цыганский театр выпустил, дабы не усугублять панику, начинавшуюся в городе.

У меня появилась нежданная гостья – Лидия Васькина, с которой мы пару лет прожили в одной комнате общежития томского университета. Нас было восемь девок, студенток историко-филологического факультета, в том числе Лидка, про которую говорили: «Васькину хоть наголо обрей, все равно красивая будет!». У нашей красивой Васькиной был в Москве жених – видный деятель комсомола, которого привечала ее мама, а сама Лидка

не любила. Ко мне она явилась с мужем, но явно не с избранником мамы. Они отдыхали в одном из санаториев нашего города и попали в карантин. Просят помощи: я же газетчик, неужели не могу устроить для них пропуск на выезд? Не могу! Хотя сама в тот момент собирала дорожную сумку на выезд за пределы города, в область.

Мне рассказали первый одесский анекдот «за холеру». Значит так. На знаменитой нашей толкучке стоит Рабинович и держит баночку с, извините, фекалиями. Звучит диалог: «Это у вас что, говно?» – спрашивает удивленный посетитель. «Нет, это кал». – «Но кто же у вас его купит?» – «Кому нужен хороший анализ, тот купит!» – уверенно отвечает Рабинович.

Одесщина, несмотря на Черноморское пароходство и серьезную отрасль точного машиностроения, была, прежде всего, огромной сельскохозяйственной областью, от которой планировался весьма существенный вклад зерна в закрома родины. И урожай в тот год созрел отменный, уборочная страда была в стадии завершения, а тут – холера, пришлось закрывать областной центр на карантин! Но как же можно оставить важнейший этап «битвы за урожай» – хлебосдачу – без главного партийно-советского руководства?! А если из какого-то колхоза можно вывезти на эlevator сколько-то тонн хлеба сверх плана и взятых ранее обязательств, а председатель зажмет? А если кто-то повезет в закрома сорное или влажное зерно? Да, есть партийное и советское руководство в каждом из 26 районов, люди работают. Но есть же и областное руководство, оно что, может в такое время оставить важный процесс без своего участия?!

И «верха» пошли на создание двух выездных «одесских правительств» – северного, с центром в г. Котовске, и южного, с центром в г. Болграде. Замечу, южная территория области – это бывшая Бессарабия, которую Советы «освободили» от боярского ига Румынии в результате Второй мировой войны. Там, в основном, не деревни, а небольшие города – Измаил, Рени, Татарбунары, Тарутино... И проживают в них не только украинцы и русские, а и молдаване, болгары, гагаузы. Народ, не пуганный колхозами, вел себя относительно независимо, так что управлять хозяйствами Юга было непросто.

В каждое из выездных «правительств» включили журналиста; в Котовск отправился коллега из украинской областной газеты, а в Болград вместе с главным инженером облсельхозуправления Коевым, в его машине, – я. На выезде из города кавалькаду машин остановил патруль. К нам бросился майор, спросил взволнованно: «Товарищи, скажите, ради бога, что в Одессе?!». Оказывается, по слухам, город был полон трупов! Как умели, успокоили бойцов из роты внутренних войск, окруживших город с 3-го на 4-е августа. К тому времени мы знали об одном летальном исходе: это был рабочий с полей орошения, где проходила фильтрация сточных вод. В итогах одесского холерного периода говорили о двадцати жертвах.

Коева, толкового инженера, с кем меня отправили в командировку, уважали в хозяйствах. К тому же, он был болгарин, из местных, то есть свой. В одном из колхозов нас привели в особую лабораторию, расположенную глубоко под землей. Да, надо отметить, что Одесщина была не только зерновой областью, а и крупной зоной виноградарства и виноделия, особенно наш юг, а натуральное вино считалось противохолерным средством, так что пили все, кто красное, кто белое. Лаборатория, куда нас пригласили, была республиканского или союзного ведомства: мы застали там двух не местных ученых-виноделов. Из ниши была извлечена покрытая пылью и паутиной бутылка вина почтенного возраста, не помню, какого, и разлита по чуть-чуть в рюмочки. Все, благоговейно смакуя, приняли по паре глотков. На меня вопросительно посмотрели. Пришлось признаться, что на меня зря потратили дегустационный шедевр – для меня это просто вино.

Да, пили все, по многу, это запомнилось. А вот что я в той командировке писала, удавалось ли что-то отправить в Одессу (каким образом?), не помню. Скорее всего, написала статью для родной газеты, используя заметки из блокнота, по возвращении, тем более что вернули нас в город не через месяц, как собирались, а дней через десять-двенадцать.

Наконец признали, что холерный вибрион содержится в морской воде. Возможно, он давно там копился, так что купаться в море строго запретили. Но однажды моя сотрудница увидела рано утром бегущего с дачи к берегу главного санитарного врача

города в трусах и с полотенцем на плече и побежала следом. И этот запрет с себя и своего семейства, а также с друзей и знакомых сняла.

А весной следующего года мы, трое одесских журналистов, попали в наш профессиональный Дом отдыха в Болгарии, на Золотых Песках. Коллеги-поляки из того же заезда старались держаться от нас, «холерных», подальше, И вдруг один из них бежит по пляжу с криком: «Холера ясна, она юж в Гданьську!». Так что сторониться друг друга уже не было смысла.

От редактора. Белла Феликсовна Кердман в 50-60-е годы была наставницей молодых журналистов «Комсомольского племени». Сначала она поставила на крыло Юрия Михайлика, а он затем привел в эту газету меня. Тогда наши остряки придумали фразу, ставшую крылатой: «Белую работу делает Белла, черную – Рыжий», – я в то время обладал огненной шевелюрой...

Прошли годы, и мы с Беллой встретились в газете «Знамя коммунизма», которая оказалась, пожалуй, самой активной и удачливой в дни карантина 1970 года. В те горячие дни, когда спецкор сельхозотдела готовила материал в районах области, репортеры Алексей Иванов и Феликс Кохрихт первыми из одесских коллег проникли в инфекционную больницу и опубликовали оттуда интервью с врачами, где впервые упоминалось слово «холера». Знаменательно, что в этом номере альманаха, который готовился в дни карантина-2020, мы снова вместе: Юрий Михайлик, вспоминающий те далекие дни в Австралии, Белла Кердман – из Израиля, и я, который никуда из Одессы не уезжал.

Одесский календарь

Старопортофранковская улица

108 Екатерина Ергеева

Старопортофранковская – в памяти детства
и истории города

Екатерина Ергеева

Старопортофранковская – в памяти детства и истории города

Жизнь непредсказуема и интересна, а улицы, которыми она нас ведет, еще интереснее.

Отчасти Старопортофранковская – моя родная улица, ведь там расположена школа № 122, в первый класс которой меня отвели родители в 1994 году. В этой школе я проучилась год, после чего мы с родителями покинули старый центр и переехали в район новее и квартиру просторнее. Школу, естественно, я тоже сменила. На долгие годы родной уголок Старопортофранковской и ежеутренняя дорога в школу, проходившая по улицам Градоначальницкой, 10 Апреля и Торговой, были заброшены в дальние уголки детской памяти. Туда же были заброшены и сладкие шоколадно-лимонные воспоминания от мороженого «Полярная звезда», которое отец покупал по выходным (ведь фабрика мороженого в 1990-е располагалась на углу улиц Торговой и Старопортофранковской).

По окончании школы я поступила на философский факультет ОНУ им. И.И. Мечникова и в течение пяти студенческих лет каждый день приезжала на соседнюю со Старопортофранковской улицу – Новосельского (по ней мне довелось делать «Одесский календарь» в 2013 году). На Старопортофранковскую я иногда заглядывала, но щемящей ностальгии не было. Не было, возможно, потому, что мы лучше помним себя в позднеподростковом возрасте, чем в детстве, а возможно – потому, что ностальгия вызревает по прошествии определенного количества времени.

И вот 2020 снова принес мне «Одесский календарь», героиней которого становится улица моего детства. Перейдем от лирики воспоминаний к истории, ведь копаться в ней не менее интерес-

но, чем в собственной памяти. Что это за улица? И что за название – длинное (под стать самой улице) и сложно выговариваемое?

Если Дерибасовскую классик величал королевой улиц мира сего, то о Старопортофранковской можно сказать: «Мать Тереза улиц мира сего». Едва ли в пределах нашего и не только города найдется улица, способная соперничать с нашей героиней по количеству благотворительных обществ, богаделен, бесплатных столовых, дешевого жилья и учебных заведений: «<...> дешевая столовая Сретенского комитета, народное училище, богадельня, дезинфекционная камера, электрическая станция, городское ремесленное училище, городское 6-классное училище, 2-я женская гимназия, Павловская глазная лечебница, приют подкидышей, 2-я мужская гимназия, Массовский приют, городское девичье училище, богадельня мещанского общества и церковь, городское училище Ефруси, еще народное училище, народная аудитория, лечебница для детей и проч. Такую же физиономию сохраняет Старопортофранковская с другого конца, от Александровского парка и Михайловской площади. Здесь 3-я гимназия, Стурдзовская

община, Евангелическая больница и далее – учреждения Красного Креста, Павловские дешевые квартиры, земский дом и проч.» (Путеводитель Григория Москвича, 1909). Как видим, улица старалась приютить бездомных, накормить нуждающихся и дать образование разным слоям населения.

И если многие одесские улицы в силу их ровности можно сравнить со стрелами, то эта больше напоминает лук – огибающая почти всю центральную часть города, она тянется от Херсонского спуска вдаль на юго-запад. Откуда же в рационально спланированной Одессе, где сетка центральных улиц напоминает шахматную доску, появляется изогнутая, почти полукруглая улица? Возможно, виной тому порто-франко, что в переводе с итальянского означает «свободный порт», или «вольная гавань».

По ходатайству одесских властей (в частности, градоначальника и губернатора Александра Ланжерона), 10 мая 1817 года городу были дарованы «права и свободы торговли, присвоенные порто-франко». После введения данного режима привозимые по морю товары разрешалось хранить и продавать в городе без обложения пошлиной. Но чтоб обеспечить взыскание пошлин при вывозе товаров вглубь страны, установили линию-границу (названную Портофранковской) глубиной два метра и шириной около трех. Ров дугой обрамлял город и пригороды – от Куяльника до Сухого лимана, и охранялся кордонной стражей. Импортные товары проходили через таможни на Херсонской и Тираспольской улицах.

Однако граница была изменена 14 августа 1823 года и вплоть до 1826-го проходила примерно по нынешней улице Старопортофранковской. Оказавшись весьма неудобной и разделяя искусственно город на две части, граница снова меняется 1 июня 1827 года. Тогда было решено включить в зону свободной торговли такие районы, как Молдаванка, Ближние и Дальние Мельницы, Малый и часть Среднего Фонтана. Потому границу вынесли за пределы города, где был вырыт новый ров. Вдоль старого рва, который вскоре засыпали, сформировался обширный Внешний бульвар. Его засаживают деревьями, а между ним и городом на месте старого рва формируется нынешняя Старопортофранковская. Однако тогда она именовалась Бульварной.

Появление Бульварной улицы вдоль Приморского бульвара внесло диссонанс и вызвало необходимость в названии «Старобульварная улица». Параллельно с этим названием улица называлась Старопортофранковской. Такое название она получает потому, что первая граница порто-франко была уже прочно забыта, и по отношению к действовавшей тогда третьей черте вторая уже оказалась старой. Внучка Алексея Толстого, Елена, отмечала: «Только в Одессе есть улица Старопортофранковская – в память о том, как она была вольным городом. Вплоть до этой неудобопроизносимой улицы не платили налогов!».

Со временем, в 1859 году, режим порто-франко был отменен, поскольку отечественная промышленность не могла конкурировать с более дешевыми иностранными товарами.

Старопортофранковская является своеобразным водоразделом между центральной частью и Молдаванкой, потому в прежние времена ее называли «классовым поясом». А Святослав Рихтер писал: «Старая Портофранковская – окружала Одессу, как Садовое кольцо. За ней была Молдаванка». В XIX столетии она была значительно длиннее и простиралась от дачи Ланжерона до Херсонского спуска. В описании улицы на 1875 год встречаем: «С одного конца от дачи Ланжерон мимо парка до угла Успенской, мимо Стурдзовской общины сестер милосердия, параллельно Рыбной, мимо юнкерского училища тюремного замка, вокзала, здания полицейского участка, через Привозную площадь, мимо ворот старого Христианского кладбища и Нового Толчка до Большой Арнаутской. С другой стороны от Херсонского спуска по правой стороне до Градоначальнической улицы, а по левой стороне до Инвалидного переулка».

С конца XIX века Городская дума предпринимает попытки переименовать отдельные части параллельно идущих улиц Старопортофранковской и Внешнего бульвара. С 1897 по 1902 в Одессе было целых две улицы Старопортофранковские – № 1 (прилегающая к городу) и № 2 (прилегающая к Молдаванке). Однако уже в 1902 году Городская дума принимает решение переименовать Внешний бульвар в улицу Внешнюю, а Старопортофранковскую оставить в границах от Херсонского спуска до Преображенской. А дальше – от Земской до Юнкерского училища

былая Старопортофранковская переименовалась в Итальянский бульвар. Участок от Юнкерского училища до Александровского парка стал улицей Белинского (сегодня Леонтовича), а от Белинского до дачи Ланжерон – Лидерсовским бульваром.

4 ноября 1927 года улицу переименовывают в Комсомольскую. Однако с 19 ноября 1941 года по 14 апреля 1944 года улица вновь называется Старопортофранковской. Окончательно это название было возвращено 20 октября 1990 года.

Это беглый взгляд на историю названия улицы и специфику ее социальной жизни. Но мы знаем, что Одесса и многие ее улицы – счастливицы, ведь они активно фигурируют не только в истории, но и в литературе, которая тесно переплетена с краеведением.

Здесь не было банков, как на Ришельевской, не было ремесленных мастерских, как на Новосельского, но были богадельни, приюты, училища, гимназии. В этой связи вспоминается точное описание Веры Инбер в рассказе «Смерть Луны»: «Улица, где мы жили, была невесела и официальна. На ней были расположены городские училища, богадельня, приют для подкидышей,

две церкви и артиллерийский склад. Днем все это угнетало, но вечером, погасив свет, великолепно было сидеть на моем окне, как на водоразделе двух течений: улицы и комнаты. Улица, неприятная днем, в этот час хорошела. Без пешеходов и лавок, легко тронутая огнями, она текла свежим потоком к окраинам». Детские годы писательницы прошли на Старопортофранковской под номером 61.

Не было на Старопортофранковской и элитных магазинов, за исключением «Торгово-промышленного товарищества Пташниковых», зато был толкучий рынок, или Толчок, описание которого находим в мемуарах Леонида Утесова «Спасибо, сердце»: «Если идти по Тираспольской вверх до Старопортофранковской, то уткнешься в площадь, которая называется «Толчок», или «Толкучка», как кому больше нравится. То и другое слово необычайно метко определяет суть этого места, ибо с утра до вечера здесь страшная человеческая толчея. На площади – маленький городок из деревянных ларьков. Ларьки стоят в ряд, образуя улочки. Если бы на углах этих улочек висели таблички, то они, очевидно, гласили бы: «Обувная», «Одежная», «Мелочная», «Шляпная», «Чтоугодная». Здесь действительно есть все. Хотите новое, хотите подержанное – всякое».

Немудрено, что по Старопортофранковской как по одной из самых длинных улиц нашего города курсирует трамвай (сегодня несколько маршрутов). Впервые его запустили по улице в 1912 году на базе линий конки и вновь проложенных электропутей. В очерке Мирона Бельского «Когда во дворе еще не было сараев» встречаем: «Был трамвай под номером 1, совершавший рейс по замкнутому кругу. Если не ошибаюсь, начинал движение от Херсонского сквера по Старопортофранковской и Пантелеймоновской до вокзала, оттуда по Ришельевской возвращался через улицу Пастера в Херсонский сквер. Считалось особым шиком устроиться на «колбасе» этого трамвая (или, как тогда говорили, на буфере) и совершить «круг почета», хотя путешествие это длилось около часа». Кстати, первоначально линия трамвая начиналась на Балковской, возле Пересыпского моста и Нарышкинского спуска (спуск Маринеско). Затем поднималась вверх по Херсонскому спуску (на нем трамвайные пути сняты несколько

десятков лет назад) и шла по Старопортофранковской, Новорыбной и Белинского к Ланжерону. Нынешний маршрут трамвая № 28 повторяет эту линию, хотя остановки изменены.

Хорошо, когда твоя личная история вплетается в историю города. Тогда многоплановая и обширная городская история становится тебе ближе, а улица, проспект или бульвар делают тебя своим. В такие моменты пространство и время сжимаются, и наступает четкое осознание, что место ощущается сильнее всего, не только когда оно является объектом рефлексий и исторических изысканий, но и когда оно становится объектом переживаний. Именно таким местом и стала для меня Старопортофранковская.

Проза

- 116** **Вадим Ярмолинец**
Из Америки об Одессе
- 140** **Анна Михалевская**
Два сапога и одна картина
- 144** **Ирина Фингерова**
Рассказ про одного священника
- 150** **Григорий Барац**
Обыск
- 159** **Вадим Ланда**
Миниатюры

Вадим Ярмолинец

Из Америки об Одессе

Два сюжета

На праздничный завтрак мать подавала оладьи со сметаной и перетертой с сахаром черной смородиной. В доме пахло подгоревшим на сковороде маслом и какао. Отец доставал из шкафа черный пиджак с тремя медалями на черно-оранжевых колодках с левой стороны и знаком «Гвардия» и орденом Красной Звезды – с правой. С годами пиджак потерял форму, габардин местами лоснился, но отец все равно выглядел молодцом – роста невысокого, но осанка и сложение спортивные.

По Садовой мы выходили на Дерибасовскую. Хлопали на ветерке красные флаги, вздувались натянутые над мостовой транспаранты «Народу-победителю – слава!». В беседке Городского сада играл военный оркестр, и Левитан торжественно перечислял наши победы из развешанных на столбах рупоров. Женщины несли букеты гвоздик: красных, белых, розовых. Военная техника двигалась по Пушкинской. Брусчатка под ногами подрагивала, огромные бэтээры грозно рычали, рвали с места, стреляли черным дымом, снова останавливались.

Больше других отец ценил знак «Гвардия», а мне нравился его орден – звезда с темно-красной эмалью в серебряной окантовке приятно тяжелила руку. В середине был изображен солдат в буденовке с винтовкой в руках. Он словно замер в ожидании врага. На штифт сзади надевалась круглая гайка с тремя выпуклостями – чтобы упирать пальцы. Номер ордена был, кажется, нанесен вручную.

Как-то, перебирая оставленную отцом библиотеку, я нашел в мемуарах маршала Мерецкова сложенный вчетверо ветхий листок. Это было отпечатанное под фиолетовую копирку представление отца к награде, где подробно описывался случай его героизма. Он произвел на меня двойственное впечатление.

«Обходя расположение своего подразделения, прибывшего на линию фронта для выполнения важного боевого задания, старшина взвода гвардейских минометов (мой отец) столкнулся с двумя подозрительными личностями. Один, оказав сопротивление, был уничтожен, второй задержан и передан сотрудникам Смерша. Это позволило взводу оперативно ликвидировать укрепсооружение противника и выполнить важное стратегическое задание».

Кто был этот уничтоженный, кем оказался задержанный – в документе не говорилось. Даже непонятно, были ли это немцы.

У мамы, родившейся и выросшей в волжском Ставрополе, было трое братьев. Любимым был младший – Василий. Задира и драчун, он взял на себя роль ее защитника. Мальчишки боялись к ней подходить.

В 10-м классе Василий получил водительские права – как раз к началу войны. Он возил какую-то шишку, и мать была счастлива, что хоть младший сын не попал на фронт. От старшего – Ивана – вестей не было, Павла, работавшего до войны матросом на нефтеналивной барже, призвали во флот, и он находился в Севастополе. В январе 42-го Василия арестовали в Москве – во время затемнения он ехал с включенными фарами. В штрафной роте он встретил старлея Ремнева – тертого мужика лет сорока. «Они были не разлей вода, – рассказывала мне мать. – Куда один – туда другой. Он называл его Ремень». Уцелев в штрафниках, оба попали в разведку Второго Волховского фронта.

В конце февраля 43-го их взвод принимал участие в операции по выводу из оцепления большого партизанского отряда. Отряд должен был выйти из леса к реке Мге в районе села Ужин. Было много раненых, обмороженных людей, поэтому с разведчиками в Ужин пошла санитарная машина с врачом. Не успели расположиться в брошенных хозяевами избах, как выяснилось, что в селе немцы. Они обосновались в школе, ограда которой защищала

их от внезапной атаки. Немцы оказались бывалыми фронтовиками, таких голыми руками не возьмешь. В первую же ночь кто-то из них проскользнул в наше расположение и привязал к задним колесам санитарной машины по гранате. Утром, когда ее хотели загнать в сарай, чтобы уберечь от немецкой авиации, она взорвалась. Водитель и санитар погибли, врач получил сильные ожоги, несколько человек покалечило. Когда тушили загоревшийся сарай, еще трех бойцов сняли снайперы – ночью они укрылись на огородах или в брошенных избах и били оттуда. Василий с Ремнем, забравшись на чердак своей избы, видели, что с крыши школы снайперам сигналият зеркальцем, но ответных сигналов не заметили.

Ночью началась метель, и это, вероятно, спасло уцелевших. К утру непогода стихла и свежий снег заискрился на солнце.

Днем радист получил сообщение, что к ним направили гвардейских минометчиков, но из-за непогоды те заблудились и находятся на каком-то хуторе в пяти километрах вниз по течению Мги. Ремень с Василием вызвались найти их и привести в село.

Когда стемнело, выпили на дорогу разбавленного талой водой спирта. Ремень, уже стоя у двери, сказал радисту: «Лампу закрути, а?».

Приотворив дверь, выскользнули из темного дома и замерли, прислушиваясь к ночным звукам. От мороза перехватывало дыхание. Огромная луна горела в усыпанном звездами небе.

Когда сходили с крыльца, до них долетел звон разбитого стекла, и тут же грохнуло внутри избы – раз-два! Горячий клуб огня и дыма швырнул их в снег, но Ремень, встав на колени, быстро-быстро подполз к углу дома и дважды выстрелил в немца, бросившего в окно гранаты. Его товарищ, увязая в снегу, двигался к забору, и Ремень стрелял в него, пока и тот не упал.

В школе, услышав стрельбу, запустили ракету, при свете которой Ремню с Василием было легче снимать с убитых сапоги, различные кожаные штаны и куртки на меху, свитера, байковое белье. Белобрысым, обросшим светлой щетиной фрицам было лет по 25, кажется, и мертвые они улыбались.

Двигавшиеся по огромному снежному полю ходоки могли бы показаться живыми мишенями, но стрелять по ним больше было

некому – маузеры с ножевыми засечками на ореховых прикладах были теперь у них за спиной. До хутора добрались часа за три. В мирном безмолвии тек в небо печной дымок. Два студебекера прятались в тени большого амбара – один с зачехленными направляющими, второй – с боезапасом.

Когда подошли к крыльцу, Ремень достал пистолет и тут раздалось: «Хальт!». Он обернулся на голос, встретив выстрел грудью. Василий поднял руки и сказал срывающимся голосом: «Нихт чисен, камарад, нихт чисен!».

– Не бзди, камарад, – ответили ему. – Только не шевелись.

Из тени вышел коренастый крепыш. По ушанке Василий сразу увидел, что это свой. На черных погонах желтые ленты буквой «Т», значок «Гвардия» на гимнастерке.

– Мы же свои, старшина, – сказал Василий. – Зачем стрелял?

– Свои? – переспросил тот, подбирая со снега ремневский вальтер. – А одежонка на вас какая-то ненашенская. Руки не опускай. Побежишь – хлопну, понял?

– Понял, – ответил Василий.

– Вас двое или еще есть?

– Двое, мы к вам из Ужина пришли. Чтобы провести.

– Мать твою... Опустит руки...

Из дому вышло несколько бойцов, один, застегивая ватник, спросил, кто стрелял.

Такие вот два сюжета, для соединения которых в один никаких оснований у меня, конечно же, нет. И потом: не могли же отцу дать орден за это, верно? С другой стороны – чего только не случается, особенно на войне.

В восемнадцать лет мать пошла на фабрику, где шили обмундирование. Ночные смены были самыми тяжелыми. Засыпали за машинами, из-за чего у многих швей были покалеченные иглами пальцы. Чтобы разбудить задремавших, мастер собирала по цеху ножницы и бросала их в конвейер. От грохота работницы приходили в себя, громче становился въедливый зуд моторов. В начале 45-го мать забрали в контору фабрики на должность машинистки – в школе она была отличницей, писала без ошибок. В том же году предприятие переехало в Кенигсберг, где она

встретила моего только что демобилизовавшегося отца, который увез ее в Одессу. Она возвращалась в Ставрополь один раз, чтобы забрать к себе мать – мою бабушку Таню, дождавшуюся возвращения Василия из лагеря. Мать рассказывала, что проговорила с братом два дня без умолку. «Думала, глаза выплачу», – вспоминала она. Она звала его с собой, водителю везде работа найдется, но тот, став единоличным хозяином семейного дома, отказался.

В начале октября 56-го Василий возвращался с приятелями с рыбалки. Уже смеркалось. Он сидел на борту у мотора, задремал, потерял равновесие и выпал из лодки. Без спиртного, думаю, не обошлось, поэтому пока хватились его, пока повернули... Коротче говоря, не нашли. Весной, понадеялись, тело всплывет, но куда там, Волга – река большая.

Отцовские награды мать продала в 90-х. Отец, к счастью, до этого не дожил.

Лев в Москве

С. О.

Вишневый бархатный занавес с золотой бахромой поднимается, открывая нам просторную сцену одесского двора. Боковые стены представляют собой декорацию из шелушащегося ракушняка, с украшением в виде частично застекленных галерей. Где рам нет, на стенах видны типовые предметы коммунального быта: электрические счетчики, почтовые ящики, тазы, мотки серых от времени бельевых веревок, часть сделанной гвоздем надписи: «Клара Будиловская – су...».

Кто эта женщина? Это не женщина, это – одесский фантом конца прошлого века, о котором знал весь город, но с которым никто не сталкивался, за исключением, может быть, автора исторической надписи. Ее имя можно было видеть повсюду, словно ветер горькой обиды разбросал его по улицам и площадям Одессы.

В правой части сцены – виноградная беседка. Из нее доносится звук перемешиваемых камней, которыми игроки елозят по пластику, удары и смех курильщиков в ответ на глухие матю-

ги, вызванные к жизни заклинанием: «Рыба!». Из-за беседки выглядывает горбатый «Запорожец» с извлеченными из глазниц фарами. Ржавый корпус поддерживают четыре стопки кирпичей. Это своеобразный памятник скоропостижному счастью автомобилевладения и одновременно – надежде. Когда-нибудь он еще поедет! Да, конечно!

В конце двора – приземистый флигелек под жестяной кровлей. Кривоватые окна, неровный слой замазки наползает на пыльные стекла, вазоны с алоэ, детский самокат, кусты помидор вперемешку с кустами георгин.

На авансцене установлена беленная известью дворовая колонка с эмалированной табличкой «Белье не стирать!». А где его стирать?! Летом, когда дают напор, хозяйки стирают именно здесь, и вот оно само белье – чинно висит тяжелыми, мокрыми, пахнущими хлоркой парусами на поднятых на деревянные шесты веревках.

А вот две женщины – мелкая Муся и крупная с наливными плечами и огромной грудью Дуся – терзают простыни в узких и длинных, как крышки гробов, цинковых лоханях. Отмучив очередную, Дуся выкручивает ее и бросает в стоящую под краном выварку. Распрямившись, она утирает тыльной стороной руки лоб и поправляет бусы из деревянных прищепок.

Два силуэта – мальчика и девочки – появляются в подъезде. Вынырнув на свет, девочка с этюдником через плечо, с листом картона подмышкой прикладывает ладошку козырьком к глазам и кричит задорно:

– Ба! Поесть че-т найдется?!

– Люба моя золотая, – Дуся вытирает руки о бока, улыбается. – Идите до хаты, шас оладей наделаю со сметаной.

– Ишь, голуби, – шморгает Муся красным носиком.

Переваливаясь на затекших ногах, Дуся направляется домой, но соседка останавливает ее:

– Дусь, ты, может, выварку свою отодвинешь от крана, а?

Та возвращается и за ручку оттаскивает выварку в сторону.

Эти голуби – герои моей истории, Сонечка и Левушка. Они учатся в Грековском художественном училище. Пока Дуся, шаркая шлепанцами, идет жарить оладьи внучке и ее кудрявому ухажеру,

те, бросив на пол полутемной прихожей испачканные краской этюдники, слились в совершенно захватывающем дух объятии и целуются, целуются до боли в губах, как это могут делать только те, кому повезло испытать одновременно первую любовь и первую близость.

Когда родители увезли Левушку в Америку, Сонечка горевала страшно. Дуся даже возила ее к профессору Москетти на Слободку, и тот, сочувственно кивая, выслушал историю больной и прописал ей свое фирменное средство от всех скорбей – карбонат лития. То ли лекарство, то ли время взяли свое. Отойдя от потери, Сонечка вернулась в училище, окончив его, поступила на работу в художественный фонд, потом вышла за одного серьезного монументалиста из Москвы, благодаря таланту, трудолюбию, ну и не без мужниной помощи, доросла до званий и должностей. Потом у него, правда, случился инсульт, вот так вот, на ровном месте, как говорится, но отходила, слава Богу. Живет. Короче, много чего случилось в ее жизни, но я сразу перехожу к ее появлению в Нью-Йорке.

Она приехала сюда по приглашению какого-то фонда с персональной выставкой и смутной надеждой на встречу с первой любовью. Не то чтобы она стремилась к этому, но интерес был. Все же такие рубцы на сердце остаются на всю жизнь. Каким-то он стал, ее кудрявый американец?

А ее кудрявый американец стал между тем знаменитостью. Он стал Лио Шкловски, чьи работы находились в очень даже значительных частных собраниях и даже некоторых музеях. По этой причине вокруг него всегда кружила стая поклонников и поклонниц, своими шутками, смехом и комплиментами создающих ту атмосферу праздника, в которой он охотней платил за шампанское и кокаин.

И вот в один прекрасный день, прогуливаясь по Вест-Бродвею, Лев заходит к знакомому галерейщику и, перелистывая в разговоре с ним свежий номер «Gallery Guide», видит сообщение о выставке известной московской художницы Софьи Кириченко и тут же – ее фотографию. От неожиданности сердце его дает сбой. Постарела, конечно, его Сонечка, но что ты хочешь – трид-

цать лет прошло, как-никак! Но все те же чудесные карие глаза, та же широкая улыбка, только седина вот появилась в тугом хвосте волос и складки обозначились у смешливых губ.

В день вернисажа Лев тщательно бреется и долго умащивает швейцарским «Селлменом» пергамент щек, виски, лоб, шею – будь она неладна. Вот тоже люди научились делать деньги – полторы унции зелья сомнительных целебных свойств стоят 300 баксов. Он надевает белую рубашку с жабо, черный костюм, остроносые сапоги на каблуках и стэтсон. Звезда должна одеваться выразительно.

При его появлении по переполненному залу прокатывается легкой волной шепоток: «Это он? Да, он! Сам? Да! Дон Лио Шкловски!». И тут же к нему устремляются коллеги, знакомые, просто любопытные, незаметно как-то начинают подтягиваться девушки на каблуках, ему подают стаканчик с белым вином, а он благодарит и просит красное – белое он не пьет. Да, так вот его испортили в этом Нью-Йорке. И уже по уровню полученного им внимания и заботы не вполне даже понятно, чья это выставка – не его ли?

Нет, не его, и те, кто помнит об этом, ведут его к настоящей виновнице торжества. Та стоит в окружении сотрудников пригласившего ее фонда и группы завсегдатаев премьер и открытых, не пропускающих возможности сфотографироваться с очередной знаменитостью. Тут же пара-тройка самодеятельных репортеров. Щелкают всех подряд в надежде поднять трафик на собственном блоге, не вникая даже, кто эти люди. Внезапно народ перед московской художницей расступается, и она видит средней упитанности кабальеро в шляпе. Он пристально смотрит на нее. Ей говорят, мол, рады познакомиться вас с нашей знаменитостью, может, вы слышали – Лио Шкловски. Фамилия, глаза, рыжие кудри заставляют ее застыть на секунду. Краска бросается в лицо, и то же самое происходит с кабальеро. Он бормочет что-то типа того, что они уже знакомы, а она, выдохнув изумленно: «Левушка, ты?» – летит ему в объятия. Два стаканчика с вином – белым и красным – катятся по полу, где образуется лужа розэ.

А дальше и слезы, и смех, и сплющенное в ее ладошках Левушкино лицо с рыбьими губами, и изумление окружающих,

и не совсем, может быть, уместные жидкие аплодисменты, все это под вспышки канонов и айфонов.

После вернисажа и ужина с организаторами выставки Лев везет Сонечку к себе. Из окон его квартиры открывается дивный вид на ночной Манхэттен. Мириады окон и звезд сияют на бархатном полотне ночи, а далеко внизу текут, мерцая красными сполохами стоп-сигналов, автомобильные реки. Величие этой картины как бы оправдывает его измену и родине, и первой любви. Но у него есть и другие оправдания. Он рассказывает, как родители подмешивали ему в еду седуксен, который получали по рецепту для бабушки, и все те несколько месяцев, когда семья готовилась к отъезду, он был буквально не в себе, а когда спрашивал, где его Соня, ему отвечали, что она вышла в другую комнату или пошла за хлебом и сейчас вернется, он может пока поспать. Так в конечном итоге грань между сном и жизнью исчезла для него. А когда он наконец проснулся, вокруг была Америка, Нью-Йорк, и исправить что-то было уже не в его силах.

Рассказывая это, он поливал ее руки горькими слезами раскаяния и обиды, и его слезы смешивались с ее, когда она рассказывала, как резала кухонным ножом вены, как бабушка Дуся, она, конечно, давно уже умерла, повезла ее на Слободку, и все заднее сиденье такси было залито кровью, потому что бабушка сначала не могла затянуть узел толстым махровым полотенцем, а потом уже стала держать ее худенькую ручку своими двумя. Таксист все ругался: кто будет платить за уборку, а Дуся в ответ кричала, чтобы он взял деньги у нее в бюстгальтере, потому что она не может отпустить руки. Кошелек, ясное дело, завалился в этой кутерьме так глубоко, что шоферу пришлось повозиться, – короче, нашлось что вспомнить.

Их слезы, как самый настоящий эликсир молодости, смыли с них прожитые годы, и они уснули, обнявшись, на диване под окном с грандиозным видом, как засыпали когда-то в своей белой комнатке на улице Княжеской.

Но любовь любовью, а жизнь жизнью, и на следующее утро, сидя за бесконечным американским завтраком с апельсиновым соком, тостами, омлетом с беконом, блинами с кленовым сиропом и кофе, они говорили, что нет все-таки худа без добра,

и их встреча открывает перед ними еще одну возможность заработать копейку, потому что никакой художник не думать об этом не может. Сегодня есть, завтра нет, а старость не за горами, и всякое может случиться, верно?

Действительно, каждый из них много чего достиг по разные стороны Атлантики. Соня, со своей стороны, стала членом совета директоров всемирно известного музея. Лев, со своей, теперь открывал ногой двери самых известных галерей. И в этом разговоре о будущем Соня предложила ему организовать ретроспективную выставку в Москве, в том самом музее. Лев, конечно, ответил согласием, за которым стояли не только денежные соображения. Согласитесь, каких бы успехов ни добился иммигрант на новом месте, ему приятно вернуться на старое и отчитаться за достижения истекшего периода!

И вот Лев в Москве. В теленовостях сообщают о возвращении на родину звезды американского искусства российского происхождения. Его безумно дорогие работы можно наконец увидеть собственными глазами и даже потрогать руками, только очень осторожно. И потом начать клепать аналогичные, потому что мастера русской академической школы склепают тебе что угодно, только скажи что. Что там у них на Западе сейчас модно? Вот бы знать заранее, да?

Короче, важный американский гость пожимает протянутые к нему руки, фотографируется с местными знаменитостями, сидит с ними за одним столом, платит за шампанское и снова купается в искренней любви и симпатиях нарядных и веселых людей. А как здорово говорят они на русском! Как свеж и энергичен их язык, так непохожий на его, словно увядший в заграничной неволе! Он смеется, показывая ослепительные американские зубы. В неволе тоже есть свои плюсы, согласитесь!

Хозяева с удовольствием соглашаются и катают его по мастерским, кабинетам и дачам, где льется густая от мороза водка и хрустят соленые огурчики, и черная икра образует отличную мишень, если точно разместить ее в кружке сметаны на блине. «Давай, дорогой, пока не выдохлось!» – подбадривают его, и он дает, отмечая, что лица вокруг становятся еще светлей, когда он говорит, как ему легко представить своих новых друзей

владельцам галерей в Нью-Йорке и в Сан-Франциско, а также в Лос-Анджелесе и в Остине. Да, все бабло сейчас в Техасе, чтобы вы знали, но мы еще до них доберемся! Им не спрятать от нас свои нефтедоллары!

Лишь небольшое облачко раз проносится над ним. На очередном вернисаже Сонечка представляет его мужу. Человек с немного перекошенным лицом тянется к нему из кресла-каталки. На нем громоздкий серый костюм, ворот белой рубашки чуть великоват, невыразительный галстук. Начав носить этот гардероб, он, видимо, был крупней. Лев смотрит на Сонечку в поиске поддержки и читает в ее глазах: «Что поделаешь, мой дорогой? Это – жизнь».

Рука у инвалида необыкновенно цепкая. Лев пытается расшифровать обращенный на него взгляд по-северному прозрачных глаз, понять, не таится ли сарказм в благоприобретенном перекосе черт, не дает ли ему понять несчастный инвалид, что осведомлен об их треугольнике?

– Д-давно слежу за в-вашим творчеством, – докладывает тот.

– Да?!

– Видел в к-каталогах и ин-тернете.

Инвалид ухмыляется, не торопясь отпустить его.

– Н-но хотелось бы п-понять вашу ф-философию...

– Что?!

– В-вашу фи-фи-лософию, говорю, х-хотелось б-бы понять.

Лев озадачен.

«Философия у нас простая, – думает он. – Сделал и продал. Со всеми остальными вопросами – к критикам. Им за это деньги платят».

Откуда это в нем? Это от папы, который всю жизнь знал, как сделать копейку и принести в дом. Это от папы, который, к большому сожалению, умер в своей хорошо обставленной кооперативной квартире на Брайтоне, так и не дождавшись, когда работы сына станут покупать еще до открытия выставки и в сыне проснется его понимание успеха.

– Это не совсем удобное место, – мямлит Левушка.

– Да-да, я п-понимаю, а вы п-приходите. Соня ус-строит...

П-поговорим.

– Спасибо! С удовольствием!

Чьи-то спасительные руки оттаскивают Льва от собеседника, чтобы устроить у стола, за которым собрались другие люди – здоровые и ненавязчивые.

– Лев Борисович, у вас рюмка пустая, это надо немедленно исправить!

Ах, как не похожа эта Москва на ту, в которой он оказался тридцать лет назад! Эта – счастливый мир, схваченный своими, теплыми, желающими ему добра людьми. Людьми, которые обращаются к нему на «вы» и по имени отчеству, отчего возникает ощущение того, что говорят не с ним, а с кем-то рядом.

– Лев Борисович, вы пробовали миноги? Возьмите.

– Лев Борисович, скажите, а как бы вы отнеслись к идее вступления в Академию художеств России в качестве почетного зарубежного члена?

– Кто, я?! – смеется он. – А зачем?!

– Зачем?! Нет, ну подумайте, что это за академия без почетных зарубежных членов? И кому, если не вам, занять это место?

– О, кстати! – вспоминает он. – После училища я же чуть не поступил в эту академию. Вот Софья Николаевна в курсе.

– Вы имеете в виду – в Репинку?

– Нет, в Суриковское. Но тоже, как-никак, часть академии, верно? Это – потрясающая история, между прочим! Я должен рассказать. Это было в...

Левушка пытается точно вспомнить год, прикладывает ладонь ко лбу, морщится, но его отвлекают новым тостом. Резной хрусталь снова полон до краев, и мысль о прошлом, смазанная соленым осетровым жирком, ускользает от него. И потом, давайте будем откровенны: собравшиеся интересуются галереями Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и теперь вот еще Остина куда больше, чем тем, что случилось с их гостем буквально в прошлом веке.

Да и обстановка не для воспоминаний, особенно при наличии водки и всего остального красного и черного, полного, как они этот тут называют, Стендаля.

В Нью-Йорке, протрезвев, Левушка начинает было сомневаться, что виденное и слышанное действительно случилось с ним, но Сонечка подтверждает это по скайпу:

– Лева, – говорит она, глядя в объектив монитора как в зеркало и вычесывая тугой хвост волос. – Ты не шути. Потому что они точно не шутят. Я их знаю, Лева. Это серьезные люди. Ты уже в плане, Лева, от тебя ждут результата.

– Какого результата? – возражает он. – Результат дают «Сотби» или «Кристи».

– Ат, ты не понимаешь, – сердится она. – В жизни как в часах. Одно колесико крутит второе, то третье – и стрелки идут. Какое колесико самое главное? Все – главные.

Он заваривает кофе на газовой плите – в настоящей, купленной в Стамбуле джезве. Дождавшись, когда пена запузырится над медными краями, выключает газ, наливает густое варево в чашку, закулив, устраивается у окна. Солнечным декабрьским утром расстилающийся перед ним город красив так же, как и ночью. Но если ночью он романтичен и непредсказуем, то в продутые ледяным океанским ветром дни эта геометрическая комбинация черных провалов улиц и слепящих плоскостей высоток предельно ясна и прагматична. Она зовет тебя к действию и к вершинам жизни, сияющим на солнце, как пик Крайслер-билдинга.

«А почему, действительно, нет? – он затягивается так глубоко, что сигарета сгорает чуть не на треть. – Это при моих-то успехах, при моем мастерстве. После десятилетий каторжного труда, после позорных уступок грабителям-галеристам и скрягам-коллекционерам, после изматывающих операций по привлечению тупых и ничем не интересующихся, кроме денег, критиков. Нет, ну действительно, если не я, то кто? Эти рисователи антисоветских карикатур музейного размера? Борцы с режимом, от которого внезапно не осталось даже воспоминаний? К чему в сегодняшнем культурном дискурсе приложим пафос их вчерашних исканий?»

Он вдавливая тлеющий остаток сигареты в пепельницу, допивает кофе. Соня права, конечно, – никогда не знаешь, где найдешь.

В основе его успеха лежала техника, о которой говорили: «на грани фантастики». Сравнения с Дюрером стали дурным тоном из-за частой повторяемости. Дело было не только, конечно, в технике на грани фантастики, но и в таланте на грани колдовства. Нарисованная им вещь становилась живым организмом, шла ли

речь о замочном ключе, старом «Ундервуде», дамском корсете позапрошлого века. Он никогда не повторялся – облупившаяся эмаль, кракелюр старой кожи, щетина малярной кисти – увлекали его, как сложный ландшафт увлекает пейзажиста. Но чтобы втиснуть натуру в раму, пейзажист уменьшал ее, исключал миллион деталей, превращал жизнь в условность, красивую подделку. Шкловский клал свою натуру под микроскоп, открывая зрителю такие подробности, что вещь, казалось, дышит.

Перед поездкой в Москву Лев пошел в «Сакс на Пятой», где купил коричневый в тонкую бежевую полоску двубортный костюм от Кристиана Диора, белый шелковый шарф – знак принадлежности к художественному цеху, и великолепную федору – в тон костюму.

Рассматривая себя в тройном зеркале примерочной, заключил:

– «Американец». Габардин, шелк, фетр, кожа, кости, мясо, жир. Смешанная техника. Леон Шкловски. Коллекция автора. Нью-Йорк.

– Вам бы еще трость, – подал голос помогавший ему продавец.

– А я бы не отказался! – Лев засмеялся, представив реакцию своих новых заокеанских друзей.

И вот он снова в Москве. Его встречает уже знакомый Полный Стендаль, но теперь Лев не смеется, он чуть-чуть нервничает. Как-то все это неожиданно и так необычно...

– Лев Борисович, – говорит ему высокая блондинка в черном костюме и стильных очках в красной оправе – в тон помаде, – все будут в смокингах.

– Что? – не понимает он.

Блондинка в очках тревожно улыбается.

– Будет вся академия, сотрудники министерства, телевиденье.

– Все в смокингах? Нет, я так, спасибо. Извините, как вы сказали, вас зовут?

– Валерия.

– Спасибо, Валерия. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Через полуприкрытую дверь он видит торжественный зал, где собрались гости: именитые коллеги, какие-то начальники, нарядные дамы. Пол в черных кабелях, дальше – юпитеры,

телекамеры на треногах и операторы в наушниках. Во втором ряду с краю он видит свою Сонечку и рядом с ней ее инвалида. Сложенное кресло стоит рядом у стены. Тот же квадратный в плечах пиджак, слишком большой ворот рубашки, тот же скептический перекося черт. Как она живет с ним? Как помогает раздеваться? Наверное, как все пожилые люди, сжившиеся с сознанием того, что надеяться можно только друг на друга.

От волнения его начинает слегка знобить. Но он знает, что делать. Он знает, как достичь олимпийского, как это называется, спокойствия.

– Где здесь у вас туалет, Валерия?

– В конце коридора направо.

– Спасибо.

Закрыв за собой дверь кабинки, он присаживается на край унитаза и достает из кармана жилета привезенный из Нью-Йорка джойнт. Тот забит великолепной афганской травой, которую он покупает у живущей на Северной Шестой над пластиночным магазином дилерши по прозвищу Афганка Мувер. Муверами в Нью-Йорке зовут грузчиков, которые перевозят мебель. Афганка Мувер, продавая пакет своего снадобья, всегда приговаривает: «Две затяжки – и у тебя мебель сама из дому пойдет». Почему мебель должна сама уходить из дому? Не спрашивайте. Мысль наркомана стремительна, выяснять природу его ассоциаций бесполезно.

Лев взрывает джойнт, делает затяжку и, закрыв глаза, сколько может держит дым в себе. Афганка Мувер. Мебель, говорит, сама от тебя пойдет. Он представляет, как тащится со страшным скрипом к двери тяжелый шкаф с зеркалом, как прикроватная тумбочка семенит к выходу на коротких собачьих лапках. Похоже на картинку из «Мойдодыра». Он кашляет злопахучим дымом. Потом делает еще одну затяжку, потом еще и, погнув темную от краски подушечку указательного пальца, гасит джойнт, аккуратно заворачивает остаток в целлофан, прячет в карман жилета. Еще пригодится. Застегивается у зеркала, поправляет шарф, проводит рукой по двум рядам пуговиц. Разворачивает и кладет в рот жвачку. Идет в зал. Взволнованная Валерия вылетает навстречу:

– Лев Борисович, где вы? Сейчас выходить на сцену. Ой, а что это от вас...

– Валерия, – говорит он, прислушиваясь к своему голосу, который теперь звучит как будто со стороны, как будто это кто-то другой, стоя у него за спиной и, устроив подбородок на его плече, говорит за него. – Только не надо волноваться, Валерия. Вы же со мной. Я все беру на себя, – он ободряюще смеется. Нет, это не он, это кто-то рядом смеется его голосом, и это смешно. – Я надеюсь, вы не исчезнете сразу же после этого бенефиса? Я должен вам рассказать одну потрясающую историю. Как меня один раз отсюда выгнали. Нет, это было давно. Лет тридцать назад. Или даже больше. Честно! Да-да, я иду.

Миг – и он на сцене. Ему хлопают. Уже другая девушка в черном, но тоже длинноногая и тоже с красными губами, раскрыв красивую бархатную папку, читает заготовленный текст про технику на грани фантастики. Снова хлопают. Девушка показывает, чтобы он прошел к микрофону. У нее потрясающие синие тени на веках, темно-красные губы и белоснежная кожа. В этом есть что-то от американского флага. Примитивная лихтенштайновская выразительность. Он смеется от ясной простоты этой мысли. Она снова указывает ему на стойку микрофона. Ну, конечно, он должен поблагодарить собравшихся. И не забыть сказать, что если бы не случай, мог учиться с ними и сейчас сидеть в этом зале, а не стоять на сцене.

Кто-то рядом кашляет в кулак. Это поразительно – он подносит ко рту кулак, а кашляет тот, другой, на плече. Что за чертовщина?! Это уже не смешно. Нет, все-таки смешно.

Перед ним ряды лиц, похожие на поплавки на черных волнах пиджаков. Но далеко не на всех можно видеть то добродушное благорасположение, к которому он так привык. Он видит лица насмешливые и требовательно-серьезные, искривленные гримаской злой иронии и сонно-безразличные. Какое огромное море чувств простирается перед ним, подступая к самым носкам его двухцветных ботинок от Пола Смита! Какое слово ни брось в это море, оно поглотит его и будет долго-долго обкатывать в своих волнах, пока не положит в правильное место на дне и не станет хранить там, потому что слово – как камень, долговечно, и часто переживает обронившего его.

– Академия всегда была для меня недосягаемой мечтой, – вдруг начал, не спросив, невидимый спутник Льва. – Когда я только окончил одесское художественное училище и моя выпускная работа была отмечена всесоюзным жюри, я приехал в Москву, чтобы поступать в институт имени Сурикова, но я не смог даже сдать вступительный экзамен.

Сказанное заставило его задохнуться от ужаса. Боже мой, что значит не смог сдать?! Надо же объяснить, почему! Но с чего бы начать, чтобы вышло коротко и понятно? Наверное, лучше всего с детства. Причем с раннего.

– Когда мне было лет пять... – начал он.

Когда Левочка был пятилетним ребенком, его папа Борис Михайлович был одним из самых модных женских портных в Одессе. Его знали как Шкловского с Пишионовской. Улица носила имя француза Пишона, а скорее даже Пижона, который открыл в Одессе фабрику по производству ароматной пудры. Название этой улицы тревожило одесских модниц на генетическом уровне. Ах, Франция! Шкловский-старший обшивал жен всех городских начальников и морячек высшего ранга – жен капитанов, старших механиков и помполитов.

Левушка лежал на покрытом нитками ковре, где папины кожаные мокасины танцевали свой бесконечный танец с остроносими итальянскими туфлями его заказчиц, и, высунув от усердия язычок, перерисовывал из журналов высоких, переломленных в осиною талии женщин в плащах и шляпах. Приросший к крохотным пальчикам карандаш проявлял поразительную точность в передаче самых мелких деталей. Оставленный им на столе рисунок кружев принимали за кружева.

Один раз он изобразил предмет женского белья в таких подробностях, что мать, сглотив, спросила: «Где ты это видел?». Он пошел к дивану и достал из-под бархатной подушки комок кружев и шелковых тесемок. Был страшный скандал, на пике которого отец с надрывом выкрикнул: «Молчи! Ее муж ты знаешь кто?! Всех посадят!». «Меня не посадят! – крикнула в ответ мать. – Мне еще скажут спасибо за конец этому разврату!» «Сима, ты получишь деревянную крышку на гроб и ничего больше!» – «Предатель родины, ты не знаешь, что я получаю или нет!» – «Сима,

не будь! Здесь нет предательства, это – провокация. Подонки под меня копают! Они жаждут меня в тюрьме! Они не любят частника!» – «Я тоже жажду тебя в тюрьме!» – «О, темные, как ночь, люди, что вы будете иметь с меня в тюрьме? Ни что надеть, ни кусок хлеба!»

В школе Левушка, можно сказать, не учился, но рисование его спасало. Когда педагоги поняли, что к наукам он невосприимчив, но рисует не по-детски хорошо, ему выделили стол в учительской, за которым он делал на листах ватмана очередную стенгазету или писал по красной ткани белой эмульсией с замешанным в нее зубным порошком лозунги типа «Учиться, учиться и еще раз учиться» или «Отличной учебой встретим XXIII съезд КПСС».

После восьмого класса Левушку приняли в художественное училище. Он так отдался учебе, что первая любовь пришла к нему с большим опозданием – на четвертом курсе. Сонечка была родом из Овидиополя. В Одессе она жила у бабки на Княжеской, напротив дома художника Буковецкого:ходишь под низкую арку – флигель в самом конце двора. Она занимала светлую, наполненную запахом скипидара и красок комнату с никогда не застилавшейся постелью, в которую постоянно норовил заскочить колченогий Равлик. Ночью он тихонько заберется под одеяло, проползет, как шпион, к подушке, вывернется на спину, устроит голову между ними. Утром проснешься, Равлик выжидательно смотрит: выгонят, не выгонят?

– Равлик, опять ты? А ну, вали отсюда!

Равлик встает, смотрит обиженно, идет по ногам, уже не таясь, еще раз оглядывается, не в силах поверить такой несправедливости, спрыгивает на пол, укладывается на подстилку. Косит обиженным глазом – не позовут ли обратно?

Левушка привстает на локте – Сонечка еще спит, устроив щеку в ладошке. Он целует ее в проступившую на горячем виске голубую жилку, она не слышит. Он ложится, закрывает глаза. За окном голуби постукивают лапками по карнизу, воркуют о своем, ритмично скрипит ржавый блок – Дуся развешивает белье.

На дипломной работе – «Возвращение» – Левушка изобразил стоящего посреди их двора солдата с вещмешком, с винтовкой, в расстегнутой шинели. У его ног – белый голубь. Голубь казался

живым. Он косил на зрителя обиженным глазом Равлика, словно спрашивал: «Ну, позовете?». Рассохшихся в глубоких рубцах ботинок хотелось коснуться, проверить – нарисованы ли они, или это автор приклеил на холст куски старой кожи?

Работу выдвинули на всесоюзный конкурс, она получила первую премию, и то, что раньше неявно назревало, лопнуло и запузырилось. В Москву! В Суриковский! В кабинете директора было срочно созвано совещание.

Все, конечно, понятно, талант и все такое, но... э-э... пятая графа? Перестаньте, в какое время живем! Вот именно – в какое?! Я не буду напоминать вам, что происходит на Ближнем Востоке. Боже, он – ребенок, какое он имеет отношение к Ближнему Востоку?! Очень простое: сегодня он здесь, а завтра – там! Я не знаю, что будет завтра, а сегодня я вам скажу, что такие дети рождаются один раз в сто лет и становятся славой отечественной живописи, вспомните Бродского! Мы должны проявлять бдительность. Не в ущерб таланту! У мальчика в кармане всесоюзная премия, его заметил кто-то повыше нас с вами, так что считайте, что бдительность уже проявлена!

Вручая Льву рекомендацию, директор училища, наклонив поголубиному голову, внушал ему:

– Вы едете поступать в Московский государственный академический художественный институт имени Сурикова, молодой человек. Я думаю, вам не надо объяснять, какая ответственность лежит на вас. За вами стоит весь коллектив нашего училища. Авторитет и доброе имя ваших педагогов. Вы понимаете, что я имею в виду?

Родители тоже были счастливы – если поступит, то, считай, еще на пять лет отсрочка от армии, а дальше видно будет. Левушка сложил этюдник, сунул в рюкзак свитер, белую рубашку для экзаменов, белье и носки на смену, коробки с кистями и карандашами, хрестоматию по русской литературе.

Проснувшись утром в купе, слушая стук колес покачивающегося вагона, он обнаружил, что лежавшего в ногах рюкзака нет. Наверное, свалился ночью на пол. Он заглянул вниз. Двое лысых мужиков с бычьими шеями, устроившись по сторонам столика, пили водку. На газете между ними лежал сочный украинский на-

тюромт: белое сало, зеленый лук, черный хлеб, раскрытый нож с костяной ручкой. Бутылка весело сигналила в окно летевавшему за поездом солнцу. Рюкзак не было.

Левушка спустился и обнаружил, что нет не только рюкзака, но и новых чешских сандалий, купленных ему перед поездкой в Москву.

Мужики, хрустя лучком, с интересом рассматривали его. Узнав о пропаже, один сказал многозначительно другому:

– Так ты понял? А я еще думаю, вроде у него лапа побольше размером, но сандалеты же такое дело: пальцы вперед прошли – и носи на здоровье.

Второй, почесав голову, объяснил Леве:

– Тут один ночевал напротив тебя. На Солнечной в 4:10 вошел, в Очаково в 4:30 вышел.

Видя растерянность попутчика, один достал из сумки запасную стопку из нержавеющей стали, поставил на край стола, наполнил.

– Присоединяйся. Тебя как звать-то?

Попутчиков звали Витяня и Вован. Они были близнецами. Обменялись рукопожатиями. Руки у них были толстые и добрые. Лева позавтракал с ними, в ответ на расспросы сообщив, что едет поступать в Академию художеств.

Тогда Витяня сказал:

– Левчик, ты если художник, так ты нарисуй эти сандалеты прямо на ноге. Сейчас лето, ноге не холодно. А как до магазина какого-то доберешься, там прикупишь, что тебе надо.

– Действительно, – сказал Вован. – Покажи, на что ты способен. Мы тебе сразу скажем, какой из тебя этот, как его... Айвазовский.

Братья заржали, а Лев раскрыл этюдник, устроил ноги на краю скамейки и изобразил на них отменные сандалеты, из-под которых еще и проглядывали красивые носки в серо-оранжево-коричневую полоску.

Вован с Витяней были в таком восторге, что насобирали ему по карманам четыре рубля с мелочью – на кеды, а на вокзале взяли с собой в буфет, чтобы показать Витяниной жене Ленке. Она там работала. Лена долго присматривалась к его ногам, а потом спросила, не мог бы он нарисовать прямо на ней гипюровую ночную сорочку. Лев ответил, что нарисует такую, что

сама королева Виктория позавидует, если только Витяня возражать не станет.

– Я те нарисую, – Витяня хлопнул его легонько по затылку и добавил: – Айвазовский.

Когда все насмеялись, Лена ушла на кухню и вынесла им в промасленной бумаге чебуреков с картошкой. Они взяли к ним еще поллитровку, для чего Левушке пришлось им вернуть один рубль. Устроились за ящиками с яблоками, которыми закусывали, когда кончились чебуреки. Потом Витяня ушел к жене, а Вован отвел Левушку на метро. По дороге он очень подробно, так что тот тут же запутался, объяснил, где он должен совершить первую и потом – через шесть остановок – вторую пересадку, чтобы добраться до общежития.

В вагоне Левушка часто засыпал, всякий раз пропуская момент, когда невидимая женщина объявляла со сдержанным воодушевлением остановки. А вокруг люди читали, дремали, думали сосредоточенно о своем. Это были люди в очках и с усами, в косынках и в кепках, с золотыми зубами, зубами из нержавеющей стали или с черными щелями на месте зубов, потерянных в схватках с жизнью. В каждом из этих лиц была своя история, достойная его карандаша, но в тот момент все его мысли были о туалете, потребность посещения которого вдруг заслонила все остальное. Именно по этой причине, покидая на следующей остановке вагон, он начисто забыл об этюднике, и поезд увез его в темный туннель, лишив того важного звена, которое связывало Леву как с прошлым, так и с будущим. Миг, фраза «осторожно, двери закрываются» – и из абитуриента Московского государственного академического художественного института имени Сурикова он превратился в пьяного бродяжку.

Левушка осторожно, чтобы не упасть на сильно раскачивающемся полу, осмотрелся. Станция сверкала светлым кафелем, и не было в ней ни одного укромного угла, который мог бы принять его в своей уединенной тиши. Он встал на эскалатор и поехал вверх, прочитав над сводчатым выходом первые понятные в этом подземелье слова – «Третьяковская галерея».

Людская волна вынесла его к небу, и он, ловя краем глаза указатели, побежал легкой трусцой к единственному месту, которое

могло теперь спасти его. Очередь казалась неподвижной. Едва добравшись до окошечка кассы, купил билет. Плотная толпа, придерживая со всех сторон, внесла его в залы, где он на какое-то время отвлекся от своей заботы видом знакомых пейзажей и лиц, пока одно не заставило его замереть и остановиться – это было светлое и улыбочивое лицо его Сонечки.

Она смотрела на него из зеркала-картины, держа в одной руке хвост густых каштановых волос, а в другой – гребень. Их сияющая белым светом комната выглядела из-за ее легкой фигурки. И такая жуткая тоска свела страшным спазмом отравленный водкой и чебуреками Левушкин организм, что, обессиленный, он припал к стене с портретом любимой и дал волю всей переполнявшей его влаге. Ему не нужен был этот чужой город, эта академия, учеба непонятно чему, он только хотел вернуться в теплые Сонечкины объятия, где мир был понятен и прочен. Держась за стену, он рыдал, нимало уже не заботясь о том, как горячий спиртовой коктейль течет по ногам, смывая краску, быстро расползающуюся по историческому паркету.

Не успел он насладиться долгожданным облегчением, как чьи-то сильные руки подхватили его, он взлетел и понесся вперед, разрезая мокрыми пятками и отбрасывая назад пространство, полное лиц, пейзажей и распахивающихся дверей. В очень неприветливом казенном учреждении, где он скоро оказался, его раздели и поставили под ледяной душ, а потом положили, трясущегося от озноба и отравления, на жесткую, как доска, кровать, прикрыв отчаянно колючим одеяльцем.

Через неделю отец вызволил его из захламленной кладовки вытрезвителя, начальство которого решило использовать узника по прямому назначению – рисованию настенной агитации и лозунгов типа «Норма жизни – трезвость!».

В поезде Борис Михайлович рассказал о страшном скандале в институте. Милиция обратилась сначала туда. Имя и адрес нашли в документах абитуриентов. Родителям написали открытку.

– Шикер, – выговаривал ему Борис Михайлович. – Ты уже можешь забыть за свою академию! Ты будешь красить заборы в зеленый цвет. Ты не знаешь, что мне надо было выслушать! Ваш сын обделал главную Третьяковскую галерею Советского Союза,

как дворовой сортир на своей Молдаванке! Какой-то шедевр какой-то Зинаиды! Я им сказал, извините меня, но такое может случиться с каждым человеком, включая присутствующих, это – раз. Два – мой сын рисует не хуже вашей Зинаиды, а может, еще и лучше. Или вы думаете, ему напрасно дали всесоюзную премию первой категории?!

– Ой, вэй! – папа уже беседовал сам с собой. – Надо было видеть, как они подпрыгнули. Это не какая-то Зинаида – это – гений русской живописи XX века! А я что, спорю за ее гениальность? Я просто хочу сказать, что если бы какие-то хазеры не напоили моего сына водкой, так у вас было бы два гения русской живописи XX века. Мама моя родная, они так кричали, небо стало черным. Нет, в такой стране аиду хорошо не будет!

В ноябре того же года Левушку увезли в Америку, но это уже была другая история. Вот, собственно, и все, что он хотел рассказать собравшимся, но не успел. Мощная афганская волна, поднимавшая его все это время на свою радостную высоту, стала оседать, и он понесся по ее скату в неумолимо разверзавшуюся под ним черную пучину тоски. Но еще перед тем как исчезнуть в ней, он снова увидел свою Сонечку. Со страшной печалью смотрела она на него. Рука ее лежала на руке ее перекошенного несчастья на колесах. И тогда, спасая остающиеся у него мгновенья, он схватил микрофон обеими руками.

– Дамы и господа! – заторопился он. – Уважаемые академики! Когда-то я смотрел на вас и думал, что лучше, чем рисуете вы, рисовать невозможно. Да, я так думал! Я мечтал быть вашим учеником. Я мечтал быть таким, как вы. А сейчас, – он задохнулся, уступив место своему двойнику, чей смех, злой и короткий, стал похожим на отрывистый собачий лай. – А теперь, мне это все на фиг не надо! Не надо, потому что я рисую лучше всех вас вместе взятых, и мне платят за это миллионы! Вы поняли, меня? Миллионы! Вы меня поняли! Мне не нужен ваш почетный диплом! Мне ничего здесь не нужно! Ничего!

Сгибаясь от одолевшего его лая, он видел, как взлетели удивленные брови, как кто-то, оскалившись, смеялся, а кто-то говорил зло и возбужденно, кто-то даже аплодировал. Он ощутил, что его тащат со сцены. С головокружительной ритмичностью перед

ним появлялись то растерянное лицо Валерии, то ее прекрасные ноги, как будто она безостановочно крутила колесо. Он пытался остановить ее, и в какой-то момент ее остроногая красная туфля даже оказалась у него в руке, но ненадолго. Его ударили о стену, его обдало уличной прохладой, хлопнула дверца, и кто-то невидимый дал указания водителю, куда его доставить. Витрины, окна, светофоры, лица поехали прочь от него, он закрыл глаза.

Ступив на тротуар у гостиницы, осмотрелся. Впервые с момента его появления в этом городе никто не сопровождал его. Он застегнул пиджак, бабочки не было, шарф тоже куда-то подевался, но это уже не беспокоило его. Он хотел побыть один, разобраться, что с ним случилось, как его так понесло, и откуда взялись эти миллионы.

«Главное – выяснить, не подмешала ли эта афганская аферистка чего-то в свою траву, – думал он, поднимаясь в номер. – Кому нужны такие неожиданности?»

Утром он поменял билет на ближайший рейс и, рассчитавшись за номер, уехал в аэропорт.

Отправляясь на посадку, он оглянулся, увидев обычную картину: кто-то ждал своих родных, говорил в телефон, обмахивался сложенной газетой, бродил без дела по залу, спал. Жизнь продолжалась, но она уже не имела отношения к нему. Город сияющих небоскребов и пронумерованных улиц ждал его. Простой и ясный в свете зимнего солнца.

Нью-Йорк

Анна Михалевская

Два сапога и одна картина

– Ну, понеслась! – сказал дедушка.

– За любовь! – сказала бабушка.

– Не для того я тебя растила! – сказала мама.

– Угу, – сказала я.

Чокнулись. Выпили. Заговорили – все одновременно. Голоса слились в один гул, кот Бонифаций прижал уши и прошмыгнул к столику, где стояла клетка с попугаем.

– Любовь дитя, дитя свободы... – запел дедушка оперным голосом.

– То-то и оно, – покусывая сигару, бабушка улыбнулась одним уголком губ. – Светка! Не уходи!

Я покачала головой. Решила и все тут.

– Два сапога пара, – сказала мама и махнула рукой на картину.

Отяжелевшее антрацитовое море и далекий парусник – его почти не видать. Золотистая рама – как дверь. Мама с бабушкой считали, что папа через нее и ушел.

Я обвела родню взглядом.

– Как она может так себя вести?! – громко шептала Маруся на ухо тете Зине.

Маруся, моя двоюродная сестра, очень много думала и постоянно придумывала, чем бы еще быть недовольной.

Тетя Зина, поправив надетое на толстый свитер сари, забралась на стул с ногами и села в лотос. Она дала обет молчания, и уже год никто толком не знал, что у нее на уме. Хотя, говорят, буддистам ум не нужен. И вообще людям от него мало толка. Жаль, она не успела это объяснить Марусе.

– Куда мы катимся?! – бубнил интеллигент на пенсии дядя Аркадий, пряча под столом потрепанную книженцию, на обложке – девица в кружевах. Он обожал женские романы, но почему-то стыдился этого.

Ромка, мой брат, subtilный юноша подросткового возраста, не отрывался от смартфона и проносил вилку мимо рта.

И что я делаю с этими людьми вот уже двадцать лет? Папа был другим – он бы понял меня.

– Боня, я ж тебе!.. – закричала бабушка и, не выпуская сигару изо рта, погналась за котом. У Бонифация в зубах трепыхался несчастный попугай.

Кот удирал мастерски – нырнул под стол и, разогнавшись по ногам, сиганул на тумбочку и сразу – на карниз.

– Вот вам и тореадор, – сказал дедушка.

– Докатились, – сухо констатировал дядя Аркадий.

– Боже, как все несправедливо! Я чувствую себя этим попугаем... – Маруся икнула и прижала руки к груди.

Веки тети Зины дрогнули – и только. А в остальном она олицетворяла принцип невмешательства.

Ромка поднял голову, осоловевшим взглядом уставился куда-то вдаль.

– Телефон разрядился, – он встал и принялся искать розетку.

– Эх вы, – сплюнула бабушка и запустила в кота тапком.

Оскорбленный кот разжал пасть.

– Ай! – возмутился Ромка, потирая ушибленную тапком спину.

Попугай промолчал и вылетел в форточку. Комната стремительно заполнилась тишиной.

– Мама! – укоризненно сказала мама.

– Ну забыла я закрыть форточку, и что? – бабушка сделала вид, что все путем, и вообще, чего уставились.

– А завтра забудешь закрыть дверь?!

Бабушка хмыкнула и затынулась сигарой.

Да, с папой все было бы легче. Хотя иди знай – смогла бы я бесконечно плыть на паруснике, пытаясь догнать уходящее солнце? Но папа же плыл. Я снова посмотрела на картину – показалось, что парус дрогнул и свежий ветер пронесся по комнате.

Решительно поднялась – мол, все, мне пора.

– Теплые вещи взяла? – спросила как бы между прочим мама. На всякий случай я кивнула. Не объяснять же нашим, что там – это не здесь. Хотя насколько не здесь, я еще сама не поняла.

Ромка снова отвлекся на телефон и выронил тарелку. Та раскололась в мелкую мозаику, колбаса с маринованными грибами в красивом беспорядке легли на ковер.

– Ща лайков соберем, – оживился братик, отправляя фотки в Инстаграм.

– Деточка, ты же абстракциониста от импрессиониста не отличишь! Ни одного стихотворения Блока не выучила! «Войну и мир» на десятой странице три года читаешь! – дядя Аркадий нервничал. – Куда ж ты пойдешь?

– Оставьте ее в покое, – рявкнула бабушка, похлопывая тапком по ладони.

– Так я ж, мы ж это... – сказал дедушка, подливая себе домашнего самогона и закусывая почеревком, что ему строго запрещалось из-за диеты.

– Светка, ты слышала меня – уходишь, уходи! – бабушка отвернулась и выпустила в форточку кольцо дыма.

Почему-то уходить расхотелось. И я бросила взгляд на маму. Та отвернулась, плечи сгорбились.

– Иди, раз решила, – услышала я глухой голос. – И нос капай на ночь, а то с твоим гайморитом...

Родня притихла и уставилась на меня. Они ждали. И я, чувствуя себя голой и нищей, тоже ждала. Может, стоит все-таки дочитать «Войну и мир»? Или хотя бы собрать теплые вещи.

Подошел Бонифаций и потерялся о ноги. Все, хватит! Я бросилась к двери, потянула на себя ручку. Зажмурилась и сделала шаг.

Дверь громко хлопнула за спиной.

Я стояла на крыльце, последняя его ступенька тонула в молочном мареве. Такое же марево окутывало все вокруг. Оглянувшись, я увидела знакомую увитую виноградом стену дома, балкон на втором этаже, белье. Рукава Ромкиной футболки колыхались на ветру, будто прощаясь.

А в тумане начали проступать силуэты. Первым делом показался парусник и лишь потом – одинокая фигура.

– Папа! – позвала я.

Он помахал мне, и я побежала за парусником. Хотела сказать – пусть знает! – я мечтала жить, как он. Чтобы впереди – дорога и смысл. А не этот скучный дом.

Продираясь сквозь вату тумана, я не сразу заметила, как на плечо сел попугай. Подражая дедушке, он стрекотал:

– Любовь дитя, дитя свободы...

Парусник мелькал то ближе, то дальше, но нагнать я его не могла. Попугай перебрал весь дедушкин репертуар и до смерти надоел...

Я шла, и время шло за мной. Хотелось есть, пить, просто где-нибудь сесть, но я упрямо держалась парусника. Даже когда поняла, что никакого разговора не будет, и смысла тоже не будет, а свобода мне уже не нужна. Даже когда туман ожил.

И я снова увидела заставленный тарелками стол, понуро опустившего голову дедушку. Бабушка ходила из угла и в угол и не выпускала изо рта сигару. Мама разглядывала картину и шмыгала носом.

Маруська подскочила со стула:

– Я должна была пойти вместо нее!

– Мы все должны были... – дядя Аркадий захлопнул книгу и выложил ее на стол. Кружевками наружу.

Бонифаций сидел на коленях у тети Зины и поддевал лапой бахрому на сари.

Ромка сопел, уставившись в телефон. Я заглянула через плечо: «Как найти сестру», – печатал он запрос в Гугле.

Папа – наконец я увидела его лицо! – улыбнулся и шагнул за край рамы.

Там ничего нет, дошло до меня. И он никуда не уходил. И я не уходила. Просто посидела на пороге, а теперь вернулась. К семье, к родным, к таким же, как я.

С попугаем на плече я подошла к столу, стала у родни за спиной.

– Мама! – сказала мама и дернула бабулю за локоть.

– Йошкин кот! – бабушка расплылась в улыбке и выронила сигару.

– Ом-мани-падме хум!

Тетю Зину никто не понял, но все были согласны.

Ирина Фингерова

Рассказ про одного священника

9 марта, в субботу, мы проснулись позже, чем того требовала наша совесть. Я заварила кофе по-польски, для ленивых, насыпала две ложки в полосатую чашку и залила кипятком. Мы молча жевали размякшие хлопья и пялились в квадрат окна, по очереди выхватывая и называя по имени птиц. Я – зоолог, он священник, который мечтал стать зоологом. В лабораторию не берут. Пробовала работать в школе, но дети – идиоты. Андрей дожидается места в женском монастыре. Религиозные самки, говорят, самые опасные представители вида. Представительницы. Интересно, зоологи должны уважать феминитивы?

В итоге записались в коралловый клуб. Сетевой маркетинг. Работа из дома, не для души и не для денег, но зато при деле. Мама довольна. Моя. У него родителей нет. Слава богу, сирота. Так прорезюмировал мой отчим. Он человек верующий. Батюшка ему сказал, что мне хорошо бы замуж, с Андреем познакомил. Идеальный кандидат. Из родных – только Отец. Он в кумовья проситься не станет и во время застолья лишнего не хлебнет. На том и порешили. Раз уж я зоолог, делать нечего, только замуж выходить.

Из ноута доносились гнусавые голоса Симпсонов, мы довели просмотр сериалов за едой до уровня условного рефлекса. Без гомерического хохота Гомера и саксофонного соло Лизы не выделяется желудочный сок. Потому что... а вдруг нам не о чем будет поговорить за тарелкой супа? Молчать? Мы вместе всего три года. Я почувствовала насыщение задолго до того, как тарелка опустела, и надеялась, что Андрей за мной доест. Мы никак не можем научиться выбрасывать еду. Как вообще можно вырасти нормальным человеком, если бабушка, сметая крошки

со стола, кладет их в рот? Хлеб нельзя выбрасывать. Ничего нельзя выбрасывать. Голод – не шутка. Шутки для лентяев и богачей.

– Я должен тебе кое-что сказать, – Андрей поставил на паузу, вздохнул и отложил тарелку в сторону, – даже лучше, показать, – он встал, повернулся ко мне спиной и потянул вниз пижамные штаны.

– У тебя опять болючий прыщ, – предположила я, но так и зависла на полуслове, когда Андрей обернулся.

– Он исчез, – Андрей в отчаянии схватился за голову! – пронулся, а *его* нет! – Андрей нервно хихикнул. – Нет – и всё!

– Исчез, – я кивнула и уставилась на бледный волосатый треугольник между ног, за которым ничегошеньки не болталось, – куда же *он* мог деться? Надо маме позвонить, она все-таки врач...

– Только не маме!

– Может, *он* вернется? Ты везде искал? – я утрированно заглянула под стол.

Андрей юмор не оценил.

– Заткнись! – Андрей кинул в меня яблоком. – Прости. Мне всего тридцать. Штукатурка сыпется, кран сломался, еще это...

– Мама давно говорила сделать ремонт...

– Это здесь ни при чем! При чем тут это? Мы молодые. Все хорошо. Почему *он* взял и исчез? Так же не бывает! Хочешь, я помою яблоко?

Я жевала чистое яблоко.

Андрей плакал.

Мне было стыдно. Столько людей в мире живут, ну почему это случилось именно с ним? С нами? Не от меня же *он* сбежал в конце-то концов?

Со временем мы приспособились. Оформили подписку на нет-фликс, научились закидывать фисташки в рот, лежа на спине, хвалить мамин пирог со шпинатом в два голоса по средам, играть в классики во дворе вместе с 11-летней Катей, мечтать о том, что когда-нибудь у нас будет Катя. Знать, что Кати не будет, пока *он* не вернется. Знать, что *он* не вернется, но думать, что нам все равно. Мы выше этого. Сильнее. Читать Ричарда Докинса (научный атеист. – **Прим. авт.**) перед сном и верить, что все в этом мире можно объяснить, а то, что объяснить нельзя, – лучше отложить

в «черный ящик». Научились кусаться, царапаться, щипаться, засыпать, обнявшись щиколотками, коленями и подбородками. Я устроилась в зоопарк. Арт-директором. Организовываю экскурсии для школьников, соблезную приматам. Если вижу кого-то из прихода, прячу глаза. Не знаю почему. Да, Андрея все-таки взяли в женский монастырь. Не любят они меня там. Надеюсь, хоть месячные свои в термос с чаем ему не подольют. Шутки шутками, а всякое бывает. Мама уже все уши прожужжала. У подружки ее так мужа увели...

Я делала все, чтоб *он* вернулся.

Искала по мусоркам, барам и бабам. Регулярно брила лобок (слышала, хорошая примета), заказала на амазоне пояс с болтающимся черным фаллосом (ну а что, люди же носят протезы, если им оторвало ногу на войне), делала Андрею массаж ершиком для унитаза (неиспользованным, я все-таки зоолог, имею представление о санитарии), кусалась, кричала, плакала, подолгу смотрелась в зеркало, приседала каждый день по сорок пять раз...

Иногда *он* возвращался. Я никогда этого не видела. Только слышала.

Андрей рассказывал, что почувствовал *его* присутствие, когда ехал в трамвае. После проведения детального опроса я вычислила, что в забитом и тесном общественном транспорте дышитя Андрею отменно. В двери он столкнулся с девушкой в спортивном костюме, на плече у нее висел чехол для теннисных ракеток и несколько мячей. Лица он не запомнил. Неприятных черт не заметил. Вышел на следующей же остановке и побегал в общественный туалет проверить, всё ли на месте. Любовался, но недолго. Слил воду, а *его* как не бывало!

Я купила теннисные ракетки. Это так глупо. Надела спортивный костюм. В моем лице тоже нет неприятных черт! Не помогло. На ужин мы ели ризотто с грибами. Я много болтала, я начала учить испанский. Андрей собирает какое-то продвинутое лего. Я говорила о том, о сем и все вспоминала лицо жирной кассирши в супермаркете. С двумя бородавками на щеке. Беременной кассирши. Нельзя быть такой злобной... Но кто-то же ее трахает? Ну почему *он* сбежал? И не расскажешь же никому... Даже маме. Скажет, это я виновата. Не уследила. От хорошей жены член ни-

когда не сбежит! Точно, ему кто-то месячных в термос подлил. Последнее время я ем по ночам сладкое. Мне не нравится мой живот. Вчера выдернула уродливый волос из соска. Сколько там уже этот волос? Может, в нем все дело?

Частные детективы от дела отказались, полиция заявление приняла, но так никто и не перезвонил. Пришлось идти к врачу.

Заплеванная лестница, стены в трупных пятнах, кислый больничный запах. Так *он* точно не вернется. Никто не любит белые халаты. Хотя если помог спортивный костюм... Кто знает.

– Мы ищем андролога, – обратилась я к коренастому мужчине в медицинской пижаме.

Андрей угрюмо молчал и не смотрел на меня.

– Второй этаж, – санитар хлопнул Андрея по плечу. – Ты чего как неродной?

От него несло луковым потом и табаком.

– Идем-идем, – я поспешила зайти вовнутрь.

Андрей мог годами копить раздражение и подавлять гнев, но как только плотина прорывалась – попадало всем. Я чувствовала, что он сейчас взорвется от напряжения.

Мы зашли в кабинет номер 13. В окружении многочисленных фаллосов из керамики, папье-маше и глины на черном кожаном кресле восседал круглый, как мяч, врач. В белом халате и шапочке с логотипом «Левитра». Он поглаживал роскошные усы, напоминающие усы великого мистификатора по имени Сальвадор и записывал что-то в свой блокнот, еще до того, как мы успели представиться.

– Здрасти. У меня член исчез, – без обиняков сказал Андрей.

Доктор попросил его раздеться, лечь на кушетку и повернуться на бок. Надел одноразовые перчатки и жестом показал мне отойти за ширму.

Они беззвучно копошились около десяти минут.

– Анализы будут готовы через неделю, – доктор снял перчатку, придвинул мусорку ногой, нажал на педаль и выкинул использованный латекс, – мне думается, что физиологических причин нет. Когда возникла проблема?

– 9 марта в 13:00, – воскликнули мы одновременно.

Доктор внимательно на нас посмотрел.

– Выкиньте все часы и календари, что есть в доме, – он снял шапку и обнажил лысоватую голову, как будто собирался сказать что-то еще, но передумал, – а теперь шуруйте.

В тот вечер я впервые позволила себе рассмотреть бледный волосатый треугольник поближе. Тонкие нити просвечивающихся вен. Кожу, покрывающуюся мурашками от моих прикосновений. Почувствовала мучительную пустоту. Куда же *он* мог деться? Мы же всюду искали. И тогда я прислонилась к нему губами, набрала побольше воздуха и подула! Получился оглушительно смешной звук.

Андрей смотрел на меня несколько секунд, застыв в немой обиде, а потом расхохотался.

Это был первый раз, когда нам удалось вместе посмеяться над тем, что *он* исчез.

И тогда я сказала ему, заговорщически подмигнув в лучших традициях малобюджетных фильмов:

– У тебя есть и другие части тела.

И рассказала о том, что иногда представляю, что он умер, чтоб у меня было право изменять ему с бывшим парнем. Мы оба знатные толкинисты и иногда встречаемся, чтоб выпить кофе и бросить друг другу пару-тройку томных взглядов.

А он рассказал, что чувствует себя так, как будто его заживо похоронили и засыпали влажной мокрой землей, от одной мысли, что я – его единственный партнер на всю жизнь. Что я зоолог, блин. Что я должна понимать, что в природе не существует моногамии. А он священник. И он не должен так считать. Блин. Что эта квартира так давит, так давит то, что ее купила моя мама, купила, выбрала мебель и вручила нам ключи, как будто почку. И Ричард Докинз достал, и Платон достал, и Библия... И ничего не понятно, ни как жить, ни как *его* вернуть, ни даже как пользоваться микроволновкой, если нет инструкции. К жизни нет никаких инструкций, а люди приходят исповедоваться, а что делать? Молчать? Помогает, но самому так хреново...

А я рассказала, что в детстве меня возбуждало, как мои родители занимались сексом и влажно хлюпали через гипсокартонную стену. Это было так отвратительно, что меня тошнило, но я жадно прислушивалась... А он рассказал, каких усилий стои-

ло ему хранить девственность до брака и сколько тонн салфеток похоронено вместе со слипшимися журналами под его кроватью.

А я рассказала...

А он рассказал...

Однажды утром *он вернулся*. Или вечером? Я не помню, какого это было числа. Мы выбросили все календари и часы из дома. За анализами не пошли, забыли. И стену тоже перекрасили.

Но самое главное, никаких больше Симпсонов за обедом.

Григорий Барац

ОБЫСК

Сказать, что обыск был внезапным, было бы преувеличением. Обычно Тепецких загодя предупреждал о предстоящем визите ментов сотрудник ОБХСС Миша Черный, которого вся Одесса, от Привоза до Староконного рынка, знала за Моню Шварца. У них был условный знак. Моня забрасывал в окно квартиры Тепецких, находящейся на втором этаже дома на Базарной угол Треугольного переулка, пластилиновый шарик с вдавленной в него медной монеткой. Достоинство монетки и предупреждало Тепецких о количестве дней до обыска. Даже зимой форточка в окне не закрывалась. В последний день каждого месяца, как только стемнеет, из окна на ниточке опускалось детское ведерко, из которого Моня, озираясь и потевя, вынимал немножко денег, ровно вдвое больше месячного оклада на службе.

Обычно, получив Монино послание, Беба, супруга старого Тепецкого, Зюни, вместе с дочкой Норой, недавно вышедшей замуж за Ньюму, недавно вышедшего на свободу, но тут же устроившегося заместителем директора по хозяйственной части техникума газовой и нефтяной промышленности, вытаскивали с антресолей два чемоданчика-близнеца с уже уложенным в них комплектом белья. Оставалось вложить только продукты. Подготовка к обыску была отработана до мелочей.

Мебельный гарнитур, по утверждению хозяина комиссионки, где он был куплен, из африканского ореха, переносился к соседям по лестничной площадке – керосинщикам Плейзерам, на взаимовыгодных условиях. Когда предупреждение о предстоящем обыске получал все от того же Мони одноглазый Леня Плейзер, его мебель перетаскивали в квартиру Тепецких.

Глава семьи одноглазый Леня, пролежав после ранения почти полгода в минском госпитале, был комиссован и в аккурат под Новый 1945-й год вернулся домой, в Одессу. Квартиру свою, занятую каким то жэковским начальником, он брал так же, как шел в атаку в последнем бою в Белоруссии. Из эвакуации в Стерлитамак вернулась большая семья, жена с родителями и двумя детьми. Их нужно было кормить.

Леня прибил к продавцам керосина. Для начала ему доверили ручной колокол, которым он будил жильцов, выкрикивая одновременно со звенящими ударами «керосин, керосин!». Подельник, наливающий керосин, был жадноватым. Чувствительно не доливал. На него вскоре кто-то капнул, и его повязали. Леню перевели на кран. И хотя Леня недоливал почти незаметно, он тоже договорился с Моней. Раз в месяц Моня подходил к бочке керосина, которой командовал Леня, с двумя трехлитровыми бидонами.

И все-таки большинство обысков были у Тепецких. «У них есть что взять», – оправдывая ментов, говорила безвозрастная одинокая тетя Этя. Так ее звали все: от малышни до сверстников. Жила она на третьем этаже внутридворового флигеля. Но практически весь световой день сновала у ворот или сидела на малюсенькой табуреточке, переговариваясь с соседкой из дома напротив. Пройти мимо, не ответив на тети Этины вопросы, было невозможно. Выходящих она лукаво выспрашивала, куда идет и когда вернется. Входящим докладывала о присутствии в их квартирах домочадцев.

Хрустальные вазы, фаянсовые и фарфоровые столовые, чайные и кофейные сервизы переносились на этаж выше, в квартиру Толеевых, потомственных строителей из итальянцев, которых допоздна не было дома, но ключи всегда лежали под ковриком у порога их квартиры. Перенос сервизов был самым простым и быстрым делом. Хранились они упакованными в ящики. Тепецкие пользовались ими только по праздникам: на Рош Хашана (Новый год по иудейскому летоисчислению) и Песах – потому что не отмечать их было неприлично, так как угощения ждал весь двор, Первомай – потому что считали его тоже еврейским праздником, воспринимая лозунг «миртрудмай» изречением из Талмуда

на идише, и возвращение главы семейства из тюрьмы, потому что это таки да был праздник.

Последними выносились ковры, которыми были увешены стены и покрыты полы квартиры. Ковры служили не столько для украшения, сколько для утепления и звукоизоляции. Стены дома, выложенные из ракушняка в конце девятнадцатого столетия, как термос, хранили тепло летом и холод зимой. Простенки, которыми были созданы коммунальные квартиры, изготовленные из фанеры и камышовых матов, покрытых вечно осыпающейся штукатуркой, как гитарная дека, не поглощали, а увеличивали звуки.

Метод сокрытия ковров был простым, наивно-наглядным, но эффективным. На стенах лестничной клетки, межэтажных площадок, Зюня Тепецкий раз и навсегда вбил по два костыля – кованых железных крюка, на расстоянии друг от друга, равном размеру ковров. Оставалось только снять ковры в квартире с таких же крюков и повесить их в парадной. Менты все понимали, но найти хозяина ковров не могли. Кого из соседей ни спрашивали, в ответ слышали: «Наши, дворовые».

Так было всегда. Но на сей раз предупреждение от Мони не поступило...

На случай непредвиденного появления ментов также была годами сложившаяся домашняя заготовка – спектакль импровизаций, в котором каждый знал свою роль и получал удовольствие от ее исполнения. Посему непредвиденным появление сыскарей можно было считать только условно.

Понятых в доме они не нашли. Мотались по соседним дворам, останавливали прохожих.

Дворничиха баба Зина долго не могла найти ключ от двери парадной, которая в конце концов оказалась открытой. В проеме распахнутых дверей появился «подполковник милиции» в полном облачении. Это была сольная партия Сенечки-мишигинер.

«О дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить», – выводил он неожиданно красивым бархатным баритоном. Где он достал мундир с красными лампасами на штанах? Почему его не отбирали? Непонятно. Еще несколько минут отнял он, распекая ментов, причем настолько убедительно, что даже те из них,

кто не в первый раз видел и слышал его, на несколько минут застыли, как загипнотизированные.

Был ли Сенечка подвешанным или прикидывался, можно было только гадать. На Бульваре и Таможенной площади фарцевал по мелочам. Выменивал папиросы с фильтром «Сальве» на американские сигареты «Мальборо» и «Честерфилд», которые продавал швейцарам гостиниц «Красная» и «Одесса». Мог подолгу занимать дворовую пацанву на ходу выдуманными героическими эпизодами своих приключений. Коронным номером его выпендривания был подъезд к дому на «кастрюльщике», которого он останавливал за квартал. Выходя из машины и хлопая дверью, громко приказывал: «Подайшь завтра, к девяти».

«Гиволд!» – вопила стоящая у ворот близорукая тетя Этя, когда менты подошли к ней почти вплотную. В сценарии подготовки к обыску ей отводилась немаловажная роль – она стояла на шухере. Кроме сизарей, вспорхнувших с отливов окон, это не испугало никого, но послужило сигналом к началу представления, где театр – весь дом, сцена – двор, зрители, действующие лица и исполнители – все жильцы, главные герои пьесы – обыскиваемые. Второстепенные роли и роли статистов достались ментам. Они вышли на сцену, то есть во двор, степенно, с достоинством неприкасаемых, обличенных властью, поскрипывая хромовыми гармошечными голенищами. Впереди, заложив руку за португею и нестройно насвистывая, важно шагал огромный усатый Панкрат Загоруйко по прозвищу Пан с изуродованным осколком мины страшным лицом, но с беззлобной душой.

По мере заполнения партера жильцами коммуналок первого этажа – сырых клетушек, нависающих над подвалами, кишашими крысами, мильтоны скукожились, скисли и, тревожно озираясь, уселись на ступени лестниц. Один лишь Загоруйко стоял посреди двора рядом с голубятней в ожидании понятых.

Окно, едва возвышающееся над площадкой цокольного этажа, распахнулось первым. Из него, как из суфлерской будки, высунулись две говорящие головы. Трясла седыми патлами над когда-то породистым лицом польская еврейка Хайка, вдова легендарного бугра одесских портачей, на спор поднявшего рояль вместе с половицами, к которым его втихаря прикрутили спорщики.

Ее украинско-польско-еврейская брань была обращена вовсе не к ментам. Она кляла свою нищету, голоштанников, выселивших ее из роскошной квартиры в «чахоточную пердольку», кляла свою жизнь, заканчивающуюся у окна с видом на канализационный люк. Если бы не хроническая астма, ее филиппика продолжалась бы бесконечно.

Задыхающуюся и закашлявшуюся старуху заменила огненно-рыжая конопатая дочь Лейка, недавно вернувшаяся из Казахстана с медалью «За освоение целинных земель» и пачкой журналов «Иностранная литература» с 1955-го по 1958 год. Свою комсомольскую позицию она излагала отрывисто, тезисно, лозунгами, главным из которых был «соседи всех квартир, объединяйтесь». К ней присоединилась соседка по коммуналке, проститутка Валетка. Стоя на пороге, заполнив своим бесформенным телом весь двустворчатый дверной проем, она, не выпуская изо рта раскуренную папиросу «Беломор» и сплевывая желтую никотиновую слюну под ноги, проклинала «мильтонов поганых», суля им «хворобу и болячки на их свинские рыла».

Из подъезда послышалось контральто мадам Курочкиной – крашенной перекистью блондинки, театральной пианистки, и писклявый базарный фальцет иссиня-жгучей брюнетки, торговки мадам Мительман. Менты отловили их в доме напротив, в Треугольном переулке, и привели для исполнения знакомой им роли понятых в не раз разыгранном спектакле. Но даже за эти неполные полсотни метров они столкнулись в перебранке так, что если бы не сопровождавшие их милиционеры, немало светлых и черных волос осталось бы на пройденном ими пути.

Лет двадцать тому назад семнадцатилетней девчонкой, окончившей музыкальную школу, Настька Курочкина влюбилась в одногодку Сашку, сына заправщика сифонов Бори-рыжего. Расписалась с ним по-тихой, в районном ЗАГСе уже с животиком. Здесь и узнала, что зовут жениха не Сашка, а Шмуэль Борухович Зильберман. Фамилию мужа взять отказалась, но родила ему одного за другим троих мальчишек. В период декретных отпусков готовилась к сдаче экзаменов за очередной курс музучилища. И все бы хорошо, но на гастроли в Болгарию вместе с театральной труппой ей визу не открыли. Прямо не сказали, но намекнули,

мол, муж еврей. С тех пор и затаила она обиду не только на благоверного, но и на всех его одноплеменников.

Дочь школьного учителя географии Арона и медсестры Ревекки, Сонька Мительман была ребенком воспитанным и благообразным. Угроздило ее по уши втрескаться в Тимоху Дзюбенко, мать-одиночка которого, Глаша, торговала на Привозе раками. Сонькины родители не то чтобы отказались от дочери, но смущались, когда речь заходила о ней. А Сонька, выходя замуж за Тимоху, от родительской фамилии не отказалась, и, как оказалось, не напрасно. Когда выпивавшая Глаша внезапно померла, Сонька, проклиная свой выбор, вынуждена была стать за рыночный прилавок. Еврейская фамилия на Привозе придавала ей вес и значительность, что способствовало получению неограниченного товарного кредита.

Объединила подруг по случайному замужеству ненависть к семье Тепецких, отказывающихся одолжить денег и одной, и другой. Тепецкие нахально требовали, чтобы они сперва вернули прежний долг. Подружки от долга не отказывались, но не соглашались с условием возврата.

Как только сыскари вместе с понятиями скрылись в парадной, со двора на улицу выбежала ватага мальчишек и девчонок с авоськами в руках. С первой трелью электрического звонка, кнопку которого вдавливал без всякой надежды Панкрат Загоруйко, из окна Тепецких полетели свертки, аккуратно обернутые в газеты и перевязанные крест-накрест бечевкой. Самыми ловкими ловилами были Толяба с третьего этажа, старший сын работяг Нечаевых, которые наверняка всыпали бы ему, узнав о его участии в этом соревновании, и Витька по прозвищу Футбик, сын дворничихи Зины. Как только обыск закончился и оперы ушли, пачки денег вернулись хозяевам. За каждую словленную пачку пацаны получили, на минуточку, по целому бумажному рублю.

Спектакль продолжился выходом на авансцену главных героев – Тепецких, партия которых состояла из скупых реплик, обращенных к ментам: «Руки убрал, мусор!» – и ко двору: «Гражданин, подстава, дело шьют не по что», – в сопровождении дуэта белошвеек второго и третьего яруса Берты Литовской и Ханы Михельсон.

– Товарищ Пан, – обратилась Берта к Загоруйко, – клянусь вашими детьми, чтобы они не дай бог не остались без родителей, это такие люди, такие люди! Я люблю их, как родную дочь, чтоб она была мне на веки. Если бы они еще вовремя рассчитывались за пододеяльники и наволочки, которыми я себе напортила глаза, вышивая их по ночам, с них можно было бы колупать золото. Мадам Михельсон, – подняла она глаза наверх, к третьему ярусу, – скажите, я не правая?

– Кто за них знает лучше, чем я! – опершись о деревянный парапет открытой галереи, вторила Хана. – Беба – четвертый, Нора – пятый. Размер бюстгалтера женщины может много интересного рассказать о ее муже. По несколько метров нежного розового атласа уходит только на их лифчики. И никогда, слышите, Пан Загоруйко, никогда они не потребовали вернуть остаток, из которого хватает еще на пару заказов для нормальных женщин. Это таки да золотые люди, на них негде пробу ставить.

Дуэт прервал зычный бас из ложи второго яруса смотрящей по двору Макарихи. Служила она проводником плацкартного вагона на железке. Неделю в рейсе, неделю дома. Силой обладала недюжинной. С пьяными мужиками в вагоне справлялась легко. Била не кулаком, а ладонью наотмашь, да так, что не каждый мужик мог на ногах устоять. Во дворе разводила скандалящих баб легкими шлепками по заднице, после которых оставались синяки, но прекращался скандал.

– Людка, Людка, – пропела Макариха басом-профундо, – твоих хахалей уведят.

Людмилу, высоченную дородную разведенку, лет десять назад оставившую позади бальзаковский возраст, с трудом сохраняющую остатки былой красоты, но все же привлекающую к себе внимание в основном мужчин почтенного возраста, во дворе называли переходящим призом. Овдовевшие мужчины ближайшей округи моментально становились объектом ее охоты. И редко кто не попадался. Захомунав очередного возрастного ловеласа, охоту не прекращала, заботясь на перспективу о будущем.

– Товарищ Загоруйко, позвольте с человеком попрощаться, – обратилась Людмила к Панкрату, похлопав его по погону и заморгав длинными ресницами так, что он вспотел. Не ожидая ответа,

она обхватила старого Тепецкого Зюню так, что его голова оказалась у ее пышной груди, и сочно чмокнула его в лысину, оставив на ней лиловый отпечаток смачных губ.

– Не галдите, граждане, не галдите, – басил на все это Панкрат Загоруйко. – Мы приказ сполняем, препровожаем запидозреваных в участок до хозяина. Вин попопрошит ваших карасиков и видпустить, як завжди, как всегда.

Как только пестрая процессия из соседей, понятых, милиционеров и Тепецких скрылась в подворотне, голубятники Мишка и Изька, размахивая длиннющими бамбуковыми шестами с разноцветными лентами на верхушках, подняли стаю.

Этим двоим великовозрастным оболтусам, гонявшим голубей с самого детства, повезло выжить в мясорубке войны. Призвали их только летом сорок третьего, восемнадцатилетними, хотя все предыдущие два года они рвались на фронт. Попросились в одну часть. На передовую попали в декабре, во время наступления на Житомир и Бердичев. Тут им повезло, даже не царапнуло. Но через месяц, во время наступления на Луцк и Ровно, оба были ранены: Изьке осколок снаряда проломил череп, Мишке пуля навывлет пробилась грудь. На время они потерялись. В тыловом госпитале чудом Изьку воскресили. Мишку лечили в прифронтовом госпитале. Но по излечении все же комиссовали. К лету сорок четвертого два девятнадцатилетних инвалида-счастливчика почти одновременно вернулись домой в освобожденную Одессу.

Чем полет голубей во время обыска отличался от ежедневного полета для приманки чужаков, не знал никто, кроме тех, кому это было нужно. К милицейскому участку возле Староконного рынка сошлись инвалиды со всей Молдаванки: кто без руки, кто без ноги, кто без глаза, на костылях, на культе, в коляске, вращая колеса руками. Эти люди работали в подпольных цехах Тепецких, изготавливали самые необходимые в быту вещи: расчески, щетки, булавки, иголки, ложки, вилки, ножи, ножницы и многое другое, чего недоставало в послевоенные годы. Бывшие квалифицированные токари, слесари, фрезеровщики, плотники либо просили милостыню, либо кормились у цеховиков.

Они не бунтовали, не сквернословили, не дрались. Просто стояли и беспрерывно курили возле участка, куда менты завели Тепецких.

– Хлопцы, разойдись! – скомандовал, выходя из дверей участка, Панкрат Загоруйко. – То учебна тревога, – и оглушительно загоготал.

Когда на улицу вышли Тепецкие, солнце уже закатилось за Дюковский сад.

– Если проблему можно решить за деньги, это не проблема, это расходы, – бормотал себе под нос старый Зюня, слышавший эту мудрость еще от своего деда.

Не всем досталось место за двумя сдвинутыми впритык самопальными деревянными теннисными столами. Но никто не приронулся к еде, пока старый Зюня, раздав каждому по куску халы и возблагодарив бога за хлеб и вино, не произнес: «Стол – тыш, рыба – фыш, редька – рэйтых, прошу – ивбэйтых».

Моню Шварца, который, как оказалось, около года назад был уволен из ментовки, но продолжал брать деньги, инвалиды били в Дюковском по просьбе Тепецких не долго и не больно, но обидно – ремнем по заду, предварительно стащив с него штаны.

Вадим Ланда

Миниатюры

* * *

Спит Ксюша, и снится ей сон. Будто катается она по городу на оцинкованном тазике. И так это здорово, так легко! Тазик скользит по тротуарам и дорогам, будто они воском смазаны. А когда перескакивает через ямы и колдобины – страх с восторгом! Так и влетает в трамвайный вагон. В этот момент двери закрываются и защемляют тазик. Пассажиры раздражаются и начинают ругать девушку на чем свет стоит. А ей обидно – слезы на глазах: тазик ведь помялся. «Ну как же вы не понимаете?» – всхлипывает Ксюша и просыпается.

Да-а-а... Ворочается Ксюша с боку на бок, потом закрывает глаза... И видит, что познакомилась с мухой. Подружились они. Ближе той мухи, похоже, и нет никого. Уж она ее кормит, пальцем меж крылышек почесывает, руку подставляет, чтобы та ползала по ней. Вдруг подруга взмывает к лампочке – и уже не узнать ее среди прочих мух. Ксюша тревожно вглядывается в глаза каждой и наконец – о чудо! – различает знакомое мушиное лицо. Поймала беглянку и посадила в спичечный коробок. Муха пожужжала, да и притаилась. А стоило только приоткрыть коробок – в чем же там дело? – сразу и улетела. Горе-то какое! Здесь Ксюша проснулась. Подушка заплаканная, на душе тяжело. Но ничего не попишешь. Погоревала с пяток минут и снова уснула.

И вновь видит... На этот раз старая аджарка диктует ей рецепт лекарства от простатита. «Господи, мне-то оно зачем?» – недоумевают Ксюша. Но делать нечего – сидит, записывает. «Значит так, – говорит аджарка, – берешь луковицу...» Ну и так далее. Как

только диктовка заканчивается – сну конец. Так досадно: в рецепте, кроме луковицы, ничего не запомнила. «Что ж это за ночь такая?» – сетует Ксюша и просыпается окончательно. Смотрит на пробивающийся из-за шторы утренний свет, на убранство комнаты и понимает: никакая она не Ксюша, а по-прежнему Вера Павловна. «Да я этого Чернышевского...» – бурчит она с досадой... и еще раз просыпается.

Ощупывает свою голову: жесткие волосы, борода. Берет с прикроватной тумбочки очки. «Так я же Чернышевский!» – думает Чернышевский. Уже ни в чем не уверенный, встает с постели, умывается и, еще не позавтракав, пишет письмо Добролюбову: «Дорогой Николай Александрович! Прочитал я вашу работу о выражениях и оборотах в народной поэзии. А нынче мне такой сон приснился, что смею заметить: не упомянули вы, однако, некое важное для народа слово «хер»...».

Окончив письмо, решил Николай Гаврилович: завтраку быть. Но едва подошел к столу – обратил внимание на сидевшую на нем муху. Она глазами подавала ему знаки, указывая куда-то в сторону... Николай Гаврилович перекрестился и все ж посмотрел туда, куда муха указывала. На краю стола лежала луковица. «Вот бестия! Надо, однако, к доктору сходить, провериться на всякий случай», – подумал Николай Гаврилович и просну...

«Ну и ночка... Ну и сны... – подумала Ксюша. – А трамваев-то во времена Чернышевского еще не было». Не рискуя больше засыпать, она решительно сунула ноги в домашние тапочки и пошла в ванную. «Вот я кулёма!» – всплеснула руками, вспомнив про стирку. В ванне стоял тазик с замоченным со вчера бельем. На боку тазика неизвестно откуда появилась вмятина...

Оратория Мендельсона

Памяти Р.Д. Побережской

Осенний вечер был похож на флажолет. Чуть прохладный воздух рябил от мелкого дождика. Но если одеться по погоде, город становился уютным и добрым.

В оперном театре давали «Набукко», а в филармонии должны были исполнять ораторию Мендельсона. Я выбрал последнюю.

В углу, сбоку от филармонической кассы, как обычно, стояла в ожидании пожилых соратников Лилия Германовна. Только сегодня на ней был диковинный для современности наряд конца XIX века: платье с турнюром, подчеркивавшее все еще стройную фигуру, кремовые перчатки, меховое боа. Аристократическое лицо в обрамлении высокой прически вызывало благоговение. «Здравствуйте, Лилия Германовна!» – «А-а-а, Вадим?! Здравствуй! Хоть ты со мной поздоровался. Все остальные проходят мимо, будто не замечают...» Я тактично промолчал. Говорить женщине, что ее уже две недели нет в этом мире, как-то нехорошо. «Как тебе мой новый наряд?» – она взглянула по-дружески, но с легким кокетством. «Весьма изысканный. И очень вам идет», – искренне признался я. «Давно мечтала о таком. А вчера открываю шкаф – представляешь, платье и боа висят на вешалке! Даже не припомню, когда я их пошила у портнихи...» – «Ну, в определенном возрасте можно позволить себе не помнить о таких мелочах», – я постарался сгладить неловкость момента. «Возможно, ты прав. Зато зрение у меня резко улучшилось за последние две недели. Помнишь, раньше я едва различала контуры предметов? А теперь отчетливо вижу детали... Кстати, на позавчерашнем концерте я тебя не заметила, несмотря на хорошее зрение», – сыронизировала собеседница. «Меня действительно не было. Прошляпил программу». – «Очень жаль. Австрийский пианист играл великолепно. Да и оркестр был в ударе... Ты мне звони, спрашивай. Обычно я, ты же знаешь, сама обзваниваю своих, но в последнее время никто почему-то не берет трубку». Я снова промолчал. «Скажи, моих правнучек иногда встречаешь?» – «Нечасто, но бывает». – «У меня просьба. Я их учу, чтобы держали спину ровно, но периодически они забывают, сутулятся. Напомни им, пожалуйста, когда встретишь, чтобы следили за осанкой. Ты врач, можешь, они тебя скорее послушают». – «Конечно, напомню».

В течение всего концерта царственный женский силуэт вышался над ближним к проходу законным креслом в третьем ряду. Вот только цветов, как обычно, Лилия Германовна солистам

и дирижеру после выступления не преподнесла. Видимо, с уходом что-то все же меняется.

По окончании концерта публика покидала зал. Я тоже продвигался к выходу. Но что-то екнуло в сердце, и я, преодолевая людской поток, стал протискиваться обратно. Лилия Германовна продолжала неподвижно сидеть на прежнем месте, ничего, похоже, не замечая. Я подошел к ней: «Обязательно всегда буду здороваться с вами. Слышите?». Она посмотрела сквозь меня. Внезапно я почувствовал себя целым городом, хотя знал, что город там, снаружи. На улицах разгулялся ветер. Он подхватывал опадающие листья – и носил их, и кружил. Казалось, они никогда не достигнут земли. Но это только казалось.

(Как было не прогуляться, если до филармонии всего двадцать минут хода, а в ней планировалось исполнение оратории Мендельсона?)

* * *

Варя проснулась в перепуге: проспала школу! Однако быстро припомнила: сегодня же суббота! – и радостно заулыбалась. Следующее мгновение было еще прекраснее. Из кухни в комнату проник запах фруктового варева. Ах! Это же мама варит айвовое варенье! Варины ноздри зашевелились, словно у гончей, берущей след. Как Варя любила варенье, особенно свежее! Мама запрещала его есть. «Это на зиму», – говорила она с такой интонацией, будто зачитывала приговор. Когда уже эта зима?..

Каждый раз, когда мамы не было дома, а Варя выходила на кухню, взгляд ее падал на тумбу, где хранилось заветное лакомство. Однажды девочка не выдержала. Она быстро отворила дверцу, схватила банку и стала лихорадочно наворачивать содержимое столовой ложкой. Скорее, пока мама не вернулась! Настал момент, когда варенье уже не лезло. Следы преступления нужно было скрыть. Варя переместила банки так, чтобы не было пустот. Недоеденное варенье было выкинуто в мусоропровод, пустая тара вымыта и поставлена к остальной.

Впоследствии закононепослушница еще несколько раз проделывала то же. Однажды в зимнее воскресенье, когда мама наконец открыла тумбу, чтобы поставить варенье на стол, Варя чуть не умерла со страха: вдруг заметит недостачу?! Нет, не заметила... Пронесло...

Восьмилетний Сашка проснулся утром выходного дня и сразу почувствовал аромат... Он вышел на кухню. Бабушка Варя стояла у плиты и мешала содержимое медного таза деревянной ложкой. Сашка произнес, ласково глядя ей в глаза: «Ой, Ба!». «Вот подлиза! Ладно, в виде исключения получишь две чайные ложки на хлеб с маслом». – «Две чайные ложки? Ну Ба-а-а...» – «Никаких! Ты прекрасно знаешь – это на зиму. А пока иди умываться».

Зимой по выходным Варвара Андреевна ставила варенье на стол к вечернему чаю. А как же, выходной должен быть особенным!

Варвары Андреевны не стало. Даже если бы это произошло не скоростижно, разве близкие люди могут быть совершенно готовыми к такому? Две недели прошло. В числе прочего надо было бы заняться переоформлением квартиры. Да хотя бы вещи пересмотреть: что раздарить по обычаю, что выкинуть, что оставить на память. Но дочь, Таня, все не решалась – тяжело. А в одну из ночей снится ей чудной сон. Будто мама берет ее за руку и говорит: «Пора». Подводит к платяному шкафу, открывает его никелированным ключом и распахивает неестественно большие дверцы. Таня ахает: все полки заставлены банками с остатками варенья, многие из которых заплесневели. «Что это, мама?!» – в ужасе спрашивает Таня. Варвара Андреевна улыбается.

Утром Таня рассказала сон мужу. Они вместе открыли мамин платяной шкаф и... стали перебирать вещи.

Иногда Таня варила варенье. Долго оно не хранилось – домашние съедали его очень быстро. Еще бы! Айва с добавлением цедры и грецких орехов – фамильный рецепт. Однажды Сашка, вспомнив один из бабушкиных рассказов, из любопытства решил

съесть не розеточку варенья, как позволялось, а полбанки зараз. Но после четырех ложек отодвинул лакомство и пожал плечами.

* * *

То ли город, то ли пригород – непонятно. Как Василек попал сюда – тоже загадка. Поехал искать адрес по объявлению о продаже бэушного велосипеда, немного заблудился – и вот вышел к этому пустырю. На одну его часть вел склон, и по нему скатывались обручи – большие, маленькие, широкие, узкие – и исчезали в высокой траве. Это хорошо было видно с соседнего пригорка. Только откуда они брались в таком количестве, и кто их скидывал? Наверху никого не было видно.

Василек повернул в сторону частного сектора. Дорожки не асфальтированы, ямы да ухабы. Зато по тропинкам между домами бегали дети и палочками катили перед собой обручи. Какая старая игра...

Под забором одного из домов стояла скамейка, на ней сидел дед в куцем пиджачке и смотрел в одну точку. «Простите, – нарушил его покой Василек, – не подскажете, где здесь переулочек Зеленый, семь?» Дед посмотрел на него так, будто увидел пришельца из космоса. «Не подскажу. Поблизости такого нет». Василек не знал, что ему делать. Наверное, придется возвращаться домой несолоно хлебавши. Еще раз извинившись, он отправился в обратный путь – в сторону, откуда пришел. Примерно через полчаса снова вышел к скамейке, где сидел дед. В очередной раз извиняться было как-то нелепо, поэтому спросил сразу, как добраться до ближайшей автобусной остановки. «Никак», – ответил дед. «То есть она отсюда далеко?» – «Нет здесь никаких остановок».

Василек несколько растерялся, но все же решил поговорить. «А вы давно здесь живете?» – «Я здесь не живу. Сижу, жду». – «Чего ждете?» – «Чего... Того!» Беседа явно не вязалась.

Мимо пробежала ватага мальчишек и девчонок, кативших обручи. Дед вглядывался, будто искал среди них кого. «У вашей молодежи, смотрю, принято играть в эту игру», – заметил Василек. Дед недоуменно посмотрел на него: «Играть? Тоже мне игра...» – «А что же тогда?» Ответа не последовало.

Дети снова пробежали мимо них. Василек обратил внимание, что делали они это молча. Никакого гомона, как бывает во время детских игр. Будто сосредоточенно выполняли работу. Один из мальчиков на секунду обернулся. Васильку показалось, что в его облике есть какое-то сходство с дедом. Внучок, что ли? Ребенок остановился и перестал играть с обручем, внезапно потеряв к этому всякий интерес. Но обруч почему-то не упал, а покатился в сторону склона – и чем дальше, тем быстрее. Василек, сам не понимая зачем, почти бегом направился за ним. Обруч выкатился на вершину склона, быстро помчался вниз и исчез в траве. Василек вернулся обратно к скамейке. Деда на ней не было. На его месте сидел похожий на него мальчик и плакал.

Васильку стало не по себе и захотелось уйти как можно быстрее. Он сделал шаг назад и... наткнулся на очередного ребенка, катившего обруч. «Так это же я! – Василек обомлел, вспомнив себя на детских фотографиях. – Это я качу обруч!» Мальчик, споткнувшись, замешкался, и обруч покатился в сторону склона. У Василька все поплыло перед глазами, но ребенок догнал игрушку и палочкой завернул ее обратно. «Слава богу, еще не наигрался...» – Василек, качая головой, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

Автобусная остановка оказалась в трех минутах ходьбы. Всю дорогу назад Василек сидел неподвижно. Он мысленно катил перед собой обруч. Местность была незнакомой. То ли город, то ли пригород...

* * *

«Мы с женой решили расстаться». Эти мои слова висают в воздухе. Мама приподнимает бровь и продолжает доставать из холодильника овощи. Потом патетично произносит на длинном выдохе: «Н-да...». Она начинает чистить картошку, периодически покачивая головой – бессловесное «Боже мой!». Проходит еще полминуты, и она добавляет: «А ребенок?» – «У нас с женой хорошие отношения, ребенок будет то с ней, то со мной». Мама медленно измельчает морковь, зелень – и напряженно молчит. «Ты продолжаешь делать одни и те же ошибки, – говорит папа. –

На старости лет останешься один». Они с мамой переглядываются, и в этом взгляде полное единомыслие. Мама бросает в кипящую воду картошку и занимается приготовлением борщевой за жарки. «Никто из вас о ребенке не думает, оба вы эгоисты», – констатирует папа и выходит из комнаты.

Зажарка готова. Мама перекладывает ее в кастрюлю и начинает шинковать капусту. В тишине ритмичные звуки от ножа, проходящего через капустный кочан и щелкающего о пластиковую доску: «Так, а не иначе! Так, а не иначе!..».

В кухню возвращается папа и обращается к маме: «Тебе чем-то помочь?». «Нарежь пока хлеб». Она добавляет в кастрюлю шинкованную капусту и уменьшает газ под конфоркой. Лицо ее напряжено, эмоции сдерживаются.

Борщ томится на грани кипения – только так капуста будет немного хрустящей. Мама сыпает в кастрюлю измельченную зелень, накрывает крышкой и выключает конфорку. «Можно идти кушать», – возвещает она.

Все рассаживаются за столом на свои законные места. Мама разливает, как всегда, шедевральный борщ по тарелкам: папе, потом себе и в последнюю очередь мне – многолетняя субординация. Едим молча. Папа тоже молчит, и видно, о чем.

Через годы мы с нынешней женой вкушаем прекрасный приготовленный ею борщ. Периодически переглядываемся и радуемся друг другу. За столом с нами сидит мой сын и уплетает борщ так, что хочется перенести трапезу в детсад: пусть плохо едящие дети посмотрят, как это делается. Вскоре с работы за сыном забежит его мама. Мы ей тоже предложим отобедать, авось не откажется. Когда мы с малым будем прощаться до завтра, он, как всегда, попросит взять его на руки и поднять как можно выше.

То, что я рассказал про моих родителей, – вымысел. К моменту, о котором шла речь, их уже не было. Но если бы были – все вышеописанное было бы правдой. Кроме прогнозов. И я сейчас, прямо сейчас кричу им куда-то туда: «Не волнуйтесь, только не волнуйтесь!». Так не хочется, чтобы они волновались.

Поэзия

- 168 Людмила Шарга**
Из цикла «Набело»
- 174 Ольга Новак**
Тепло всегда
- 178 Игорь Потоцкий**
Городские мотивы
- 182 Вера Калмыкова**
Не оставляю себя
- 187 Вера Зубарева**
Реквием по снегу
- 191 Ирма Петрова**
Новые мифы
- 197 Юлия Пикалова**
Между Сциллой и Харибдой
- 200 Майя Димерли**
«И все происходило просто...»

Людмила Шарга

Из цикла «Набело»

Чуть севернее...

Чуть севернее – чуть медлительней.
Еще каких-нибудь верст двести
до станционного смотрителя
на старом маленьком разъезде,
где раньше было и наряднее,
и как-то ближе и роднее...
Чуть севернее – чуть прохладнее,
чтоб не сказать, что холоднее.
Кому-то – сон,
а мне – бессонница,
смотреть в окно и мимо ехать:
вот здесь была когда-то звонница,
теперь осталось только эхо.
Размыты ледяными ливнями
черты берестяных скрижалей...
А помнишь, на Николу Зимнего
какие тут снега лежали!
Луна всходила.
Ветер всхлипывал.
Зима сорила жемчугами...
Мы в церковь шли,
и чуть поскрипывал
снежок под нашими ногами.
И Бересна*, речушка черная,

---

* Полное название речки – Черная Бересна.

промерзшая до дна – дремала,
и санная дорога торная
тогда еще не пустовала.
Дубы серебряными гриднями
меж сосен высились поджарых,
и было видимо-невидимо
берез и молодых, и старых.
На мудреца довольно всякого
и простоты, и удивления:
теперь здесь чужестранки-сакуры
промеж черемух и сирени,
где эхо звонницы от храма...
и все теплее и теплее.
И как берестяные грамоты –
березы в сумерках белеют.

Набело

Набело – значит – не было
черновиков горящих.
Кто-то метафор требовал –
образов настоящих.
Кто-то над рифмой корчился –
чтобы не так избито...
Выпишешь – обхохочешься –
прожито-пережито.
Сеяно-пересеяно,
зерна от плевел – с боем,
наедине со всеми, но
наедине с собою.
Набело – значит – коротко
и до предела сжато,
жало тугого ворота
сжалилось – мир расшатан.
Кровушка ль ночью... капала,
сукровица-водица ль.

Дождь ледяной накрапывал.
Слово.
Строка.
Страница.
Но, соблюдая правила,
к точке zero готова:
набело – значит, набело.
Буквица – Образ – Слово.

*

Мы вряд ли когда-нибудь станем взрослеть,
извечные странники –
вечные дети.
Какое бы ни было тысячелетье,
и что там – за окнами –
прозелень, медь,
оскомину в рифме набившая просинь;
мы детские сны и надежды – отбросим,
но неопалима надежд купина...
И снова – дорога,
и мы – у окна,
подолгу, неясной тоскою влекомы,
прижавшись стоим к крестовине оконной –
и видим нетканую гладь полотна,
ведущую в храм – в златоглавую осень.
Молитву творя, на прощанье попросим
ночлега в пути у огня и вина,
и затемно выйдем – еще до рассвета –
не зная, куда и зачем в этот раз,
не зная, что было,
что будет,
что спето
и сказано кем-то задолго до нас.
Мы затемно выйдем.
Мы снова в пути,
усталые странники –

вечные дети.
Какая там разница – что впереди,
что было когда-то,
что будет на свете.
Дорога – вестимо,
дорога одна.
Но неопалима надежд купина.

*

Переболеть зимой...
Не обессудь.
Мне наши зимы кажутся недугом.
Я – стрелка.
Я по замкнутому кругу
не время – бремя времени несу.
Переболеть зимой.
Перемолчать.
Разбить две-три любимые тарелки...
Я маленькая часовая стрелка –
хранящая молчания печать.
Под утро ветка постучит в окно –
все вечера теперь уходят в утро,
минуя ночи.
Как печально, мудро
писал Эккlesiаст давным-давно
о жизни – что подобие ярма,
что камни собирать приходит время,
что... он ни в чем, что пишет... не уверен;
ученье – тьма,
и неученье – тьма.
Он обращался к сердцу своему:
приди ко мне, поговорю с тобою.
И я беззвучно вторила ему:
Приди.
Я ни божбой –
ни ворожбою

тебя не растревожу – исполать.
Молчало сердце.
Плакал мальчик.
Ветер...
А мальчик... он не юн,
и он – не Вертер.
Но вот – к несчастью – обречен страдать
и спрашивать: что... скоро ли зима?
Я отвечаю: непременно – будет
и выстудит печаль,
и боль остудит,
и радости отсыплет – задарма.
Он засыпает, и в недолгом сне
его печали засыпает снег...

*

Так легко писалось этой ночью,
набело – без пауз-проволочек,
будто кто водил моей рукой,
и слова ложились на бумагу,
и казалось – шаг,
или полшага –
до того как обрету покой.
Так душа легка была, так пела.
В законном мире жизнь кипела,
и калейдоскоп земных страстей
складывал извечные узоры:
там ходили строем,
пели хором
под сюжет последних новостей.
И, наверно, лучше петь могли бы...
Но опять неверно сделан выбор.
Там – «что делать»,
там – «кто виноват»...
И смеялась женщина визгливо.
Розы после щедрого полива

щедро отдавали аромат.
Так легко писалось этой ночью,
ни отточий и ни многоточий –
обретало слово плоть и звук –
спал журавль рядышком с синицей –
доносилось пенье темной птицы
и колес вагонных перестук.
Истончалось время, истекало,
плыл восток, мерцая ало-ало,
прокричали третьи петухи.
Вот и утро.
Автор выпьет яду –
автору не так уж много надо –
он опять возьмется за стихи.

Ольга Новак

Тепло всегда

* * *

Нет у меня ни кисти, ни холста,
Ни флейты, ни гитары, ни рожка.
Ни глины нет, ни камня, ни резца...
Без рук я не могу держать смычок и скрипку
И на пуанты мне не встать без ног!
И без лица на сцене не сыграть улыбку,
Без голоса и слуха мне не нужно нот...
Но слишком было бы суровым наказанье,
Когда б одна душа должна искать призванье –
Метаться в поисках того, что ей по силам,
И жизнью называть свои старанья...

* * *

В нашей мощи – одни засады!
В нашей немощи скрыты клады.
Наши беды видали виды
И на взлётке осколки тел.
Мы так близко подходим к краю.
Наши демоны грезят раем.
Наши боги замяли тему
И давно отошли от дел.
В нашем бешенстве – внешние воды.
Мы совсем из другой породы –
Пустозвоны и сумасброды –
Мы не помним, что значит страх.

Мы плевали на зов природы.
Мы забили на карму рода.
Обнулились до самоотвода
Наши слезы в сухих глазах.
В полуночной толпе чудачеств
Мы приручим таких пророчеств –
Мы покруче любых ведьмачеств –
Мы приветливы и просты.
Наши пешки не ходят в дамки,
И принцессы седеют в замках,
И находим мы выход за рамки,
Не взорвав за собой мосты.
В нашей топи проторены тропы
От утопии до потопа.
В нашей буре пробурены дыры,
Подготовлен слепой исход.
Наше дело не просто выжить –
Мы взлетаем и рухнем мы же.
Но пока под крылом потоки,
Мы добудем еще красот!

* * *

В этой части земного шара снова зима.
В этой части земного снова не много.
Белым-мелким сыплет-веет на камни-домà,
Заметает приветом из снов – таких бестолковых...
И пока провожаешь снежинку взглядом от неба к нам,
И пока пролетает снежинка от сих до сих –
Успеваешь о ней прочесть роман из окна,
А она успевает тебе оставить свой белый стих.

* * *

Заслонку реальности лбом прошибить
Пытаясь, ломаю кости.
Я к этому телу приклеена жить,

А может быть, просто в гости?
Рассвет отпуская, скажите, зачем
Закат ожидаю тотчас?
И в непроходимости жизненных схем
Глаза закрываю. Корчась,
Мой разум внемлет послылу небес –
Без споров готов убедиться
Во всей бесполезности прошлых аскез
И всей благодати – сторицей!
Как виден мне север и юг души
На карте душевных калек,
Так ропот всплывает – души не души,
Со дна Марианских впадин.
Так центростремительно падает вдруг
С вершины моей Джомолунгмы
Все то, что теперь замыкает круг
Движенья тарелок лунных.

* * *

Ловцы снега
Ловили сонных –
Раскинув невод.
В глазах бездонных
Искали повод,
Крошили хлеба
Твоим словом в мое небо,
Заснежив пальцы,
Любви ловили
Неандертальцы
Слепых идиллий.

* * *

Любовь шла.
Любила маму, козла, любила собачку, кошечку, паучка из угла.
Любовь шла.
Горели чувства – синим.
Синоним – «переросла».

Игорь Потоцкий

Городские мотивы

Одесское детство

Доминошные соседи, дворовые таксы-ваксы,
большеногая Наташа подарила леденец,
я учусь пока что в первом необыкновенном классе,
провожает меня в школу замечательный скворец.
Он летает, в небе тает, возвращается обратно,
он поет Одессе гимны, предлагает дружбу мне.
Разговаривать по-птичьи в эту осень мне приятно,
но такие разговоры я веду только во сне.
И лежат в моем портфеле две рогатки и две ручки,
и всего один учебник – нет на остальные сил.
Я уже могу на небе сосчитать все злые тучки:
туча-Зоя, туча-Клава, третье имя я забыл.
Школьный кителек опрятный выглядит невероятно,
бесподобная фуражка скрыла голову мою.
Я несусь сейчас по морю, но вернусь к тебе я, парта,
потому что тебе верность я уже в душе храню.
За окном скворец на клене, облака давно в полоне,
где вы, сказочные пони, убегай скорей, тоска.
И скворец мне тихо шепчет: – Я прошу тебя запомнить,
что я жду тебя у школы. Приходи скорей! Пока!

*

Импровизировал тепло,
когда метели свирепели,

а ты, свернувшись на постели,
молилась, чтоб оно пришло.

Ты, кутаясь в двух одеялах,
все спрашивала у меня:
– Как можно жить без идеала
среди вранья и воронья?

Метель звенела звонче лиры,
и холод мрачно нависал.
Ты спрашивала:
– Где взять силы? –
Я ничего не отвечал.

*

За твоей улыбкой шалой
побегу через сто аллей.
Дорогая девочка Шая,
ты, пожалуйста, не взрослей.

На Приморском бульваре птицы
осуждают твои ресницы.
Я давно уже знаю без птиц –
нет длиннее твоих ресниц.

Мне двенадцать,
тебе пятнадцать,
если чуда не произойдет,
я не буду с тобой встречаться –
ты красива, а я урод.

Застрелюсь я из пистолета,
если мимо пройдет твой взгляд.
И ты будешь грустить все лето,
и оглядываться назад.

Молдаванка

Истерики и перебранки,
и тишина, и вечный гул.
Здесь никогда не били склянки,
но я тебя себе вернул.
Здесь фраера ступали чинно,
блестели финки и ножи.
– Малец, становишься мужчиной! –
кричали бойкие стрижи.
Свои и песни, и баллады,
и бражничанье до утра.
И – аты-баты – кругом банды,
в них главари и шушера.
Цеха подпольные ишачат,
давно уже нет домовых.
И девушки здесь долго плачут,
не разжимая губ своих.
Бумажные взмывают змеи,
здесь долгой не бывать тоске.
Контрабандисты, ротозеи
стоят на шахматной доске.
Свои особенные дурки,
сыграть здесь просто в дурака.
И песни старые о Мурке
звучат, как в прошлые века.

* * *

А потом, когда мы запишемся в лицедеи,
потому что опять на дворе неприглядная тьма,
ты высказывать запросто будешь любые идеи:
как влюбиться в ближнего и не сойти с ума?
Ты наденешь по этому случаю лучшее платье,
смастеришь из спичек дворец и вот, наконец,
ты подумаешь, что больше уже не услышишь проклятий,
и конец всем войнам, и всем обманам конец.

Будешь роли играть, не разучивая их заранее,
будешь песенки петь, где светятся все слова,
и опять, как в детстве, ко мне придешь на свидание,
и чуть-чуть опоздаешь, как водится, из озорства.
Лицедеем быть в нашем городе просто и сложно,
поверяя морю свою тоску и печаль,
обрывая с неба самые крупные звезды,
их даря любимым и официанткам на чай.
Лицедеи знают, что жизнь у них вверх тормашками,
но грустить об этом в городе не резон,
если можно красоткам зимою дарить ромашки,
нарисованные на горизонте, и счастья зонт.
Под волшебным зонтом никогда не отыщешь печали,
жизнь в начале самом, любовь еще с первой строки,
и в невидимые двери стучится кто-то: «Не ждали?» –
и смеется бодро, и протирает очки.
Лицедействуешь смело, играя на виолончели,
сочиня картинку, где два человечка бегут,
а за ними леса, приодевшиеся для акварели,
а над ними маэстро, настроившийся на игру.
Лицедействуй всегда – вот рецепт запоздалого счастья,
улыбайся и пой, как невидимый добрый сверчок,
как рассвет над Одессой, как сказочный самый фломастер,
что рисует судьбу
между букв,
между слов,
между строк.

Вера Калмыкова

Не оставляю себя

Себастьян

– Где был твой Бог, когда в тебя стреляли?
– Он был со мной. Он сохранил мне зренья.

По улицам носились и галдели
юнцы, а голуби зазывно ворковали.
Философы прогуливались важно.
Ковры заморские сушились на балконах.
Вокруг фонтанов влажный блеск струился.
И столько было солнца и покоя,
и голубое небо так высоко.
А стрелы всё летели, всё летели.
Вонзались в тело мягкое, входили
так глубоко, что, кажется, не больно.

* * *

Мне жалко февраля. Он был суров и нежен,
он щеки обжигал, неистовый гончар.
Снега пылавшие. Опустить веки – брезжил
светила зимнего немилосердный жар.

А по ночам – немолчный стон деревьев,
поземки мечется лукавая змея,
в печи сгорают хмурые отрепья
стволов, ушедших до небытия.

* * *

Я иду за голосом в темноте,
попадая след в след.
Еле слышные вешки сбивает метель.
Ты бы в пространстве меня разглядел,
если б я превратилась в свет.

Розовый туман на глазах горит,
натянут ремень пращи.
Только и осталось – прожить полпути.
Выпущен на волю, в небеса летит
камень тяжелой души.

Менада

(С древнегреческого)

Объятий сложенные крылья
мешают двигаться свободно.
Души хмельное изобилье
откроет настежь кто угодно:

в ней ни предела нет, ни грани,
ни страсти – отвернуться навзничь.
Насквозь пронзает ликование –
хоть жуй траву с пегасых пастбищ.

Я так свободна и крылата –
что мне жалеть вчерашней тайны!
Обидится Эрот горбатый –
к счастливым он не вылетает.

* * *

Возьми себя из рук моих. Держи.
В моей крови ритмичным пульсом бьешься.

Как тесно мне становится в себе,
когда ты ощущаешь стыд и ярость.
Границу кожи мы пересекли.
Ни расплескать. Ни выронить. Ни выгнать.
Обнять нельзя – но и отнять нельзя:
отныне двое нас в едином теле.

Мне так свободно жить с тобой внутри.
Ношу в себе другого человека
и удивляюсь. И опять люблю.

* * *

Солнце в реку скользит.
Розовый свод
позолочен.
Мягкий коралловый свет.
Силуэт
облаков отточен.
След
самолета тает,
остается пунктир отточий.
Засыпай,
я тебе не мешаю,
спокойной ночи.
Очень сильно люблю?
Разве можно любить
не очень?

* * *

Только любя, становлюсь настоящей.
Только летая, могу ходить по земле.
Раньше уйду. Говори обо мне почаще.
Я подожду тебя в залетейской мгле.

Право на жизнь тебе отдаю. Не сетуй,
Будто тяжел скованный мною доспех.
Ярко блистает радостный меч рассветный,
Словно статуя, найденная в песке.

* * *

Не оставлю себя
ни в листве, ни в ветре,
ни в солнечном блике,
не в капле влаги.
Нигде ничего от меня не увидишь –
я только на этом листке бумаги.
Я бумажная кукла
с рубцами клейки.
На конверт, лишенный письма, похожа.
Положи меня вот здесь, на скамейке –
улечу, размокну, сгорю, скукожусь.

* * *

Не знает никто, а ляжем в одну колоду,
и станет нас тасовать неумный зодчий.

Дочка Дантеса свихнулась на почве любви к поэту.
Внучка Мартынова пожизненный срок мотала
в Тарханском музее (должность – зам по науке).
Директор совхоза представился: «Аракчеев».
«Бенкендорф», – инструктор райкома пожал дружелюбно руку.

Муромский антиквар, Ильи некровный потомок,
мне вазочку продал,
точь-в-точь такую,
как была в доме моего прадеда,
когда в Оршу пришли фашисты.
Может, это она и есть.

* * *

Назначить заместителем тебя
любую вещь, и целовать, и гладить,
и столько нежности, что уж ее не чуют,
молчание мою наполнит жизнь.
Как много сил!
Круговорот в природе,
земля оборотится вокруг оси –
и завтра в тот же час я обнаружу
себя вчерашней в зеркале тебя.
Пространство сна.
Ты в комнате соседней.
Мы так близки – и так отдалены.
Будить тебя не стану.
Ты со мною.
О том, что я с тобой,
не знаешь ты.
Мы слиты, спаяны,
рассудку вопреки
и вечности на радость. Бесприютны,
пусты, легки –
и мыльным пузырем
двойным переливаемся в эфире.
Разлука тоже связывает нас.
Ведь расставанье все-таки с тобою,
не с кем-то посторонним. Где б ты ни был,
ты здесь, за стенкой, в комнате соседней,
мы воздухом одним с тобою дышим
и любим так, не чувствуя любви...

Вера Зубарева

Реквием по снегу

Есть город, который я вижу во сне...
Песня «У Черного моря». Стихи Семена Кирсанова

1

Луна маячит на последнем этаже,
Словно готовится к прыжку с вышки.
Машины шуршат по мостовым, как мыши,
И юркают в норки гаражей.
И снится снег, и плывешь, и плывешь
Вдоль берега ночи по его млеку,
И Город сам на себя не похож,
И память о нем из снежных молекул.

2

Время заканчивается там, где вода.
Мы спим и движемся вереницей туда,
Где сверху сияющее, а внизу беспросветное,
И будущее пятится в никуда,
И на дудочке древа играет ветром.

3

Когда просыпаешься, всегда ночь.
Толщу ее не пробьет и слово.
Засыпаешь – день. И все точь-в-точь
Повторяется от одного пробужденья до другого.

4

Дно кровати – травы и мох,
Пружины корней уходят в подземелья
Снов, застающих всегда врасплох
Сознание, потерявшее бдительность в теле.
Город тикает. Полночь. Свет.
Мина ходиков поджидает бессонницы.
Там, где ты есть, – тебя уже нет,
Хоть одно с другим никак не сходится.

5

...И снится будущее. И все идут
С закрытыми глазами, и море в блестках,
И плавно вздымается его батут
Под ангелами парусников и детьми в матросках.
И ты летишь, и весь мир – вода,
И ничто не шелохнется над сияющей гладью,
И горны ангелов отлиты изо льда,
И музыка сфер неподвластна восприятию,
И матери в белом... А потом, а потом
В казарме вселенной трубят подъем.

6

И ты подскакиваешь. А жизнь твоя
Продолжает парить над ареной моря,
И дрессированная семья
Чаек разлетается в каком-то узоре,
И степь заплетает косу, и склон
Смотрит, как солнце зреет в зените,
И колокол облака хранит в себе звон,
И шмель раскачивается на солнечной нити.
А ты выполняешь «бегом арш!»
По жизни своей, в воронку отброшенной

Взрывом будильника. И в почтовом ящике –
Похоронка будущего, ставшего прошлым.

7

И все раскалывается – память, жизнь,
И думы о прошлом, будто бомжи,
Блуждают в обломках эпохи.
И прежние радости нехороши,
И новые радости не для души,
И Город застыл на вдохе
Гигантского оползня. Ночью слышней,
Как движутся мысли песков, камышей
Под театром бульваров и скверов,
И кто не уснул, тот не сможет уже,
А тот, кто уснул, содрогнется в душе
От вида подземных карьеров.

8

Над морем раскинулся Город-гулаг.
Беззвездная ночь – его траурный флаг.

Его стережет часовой без лица,
Без рода, без Матери, Сына, Отца.

И надзиратель с оползнем глаз
Шарит по улицам в сумрачный час.

Город отрезан, город в беде.
Спит бескозырка на черной воде.

Что там под ней? Чернота? Пустота?
Город молчит. Неспроста, неспроста.

Ветра набат. Осыпается дом.
Город залег на дно катакомб.

9

И ежится море посреди снегов,
И метель из шуб, самоваров и писем
Его укутывает, но не спится
Морю под тяжестью метельных снов.
А ночь надвигается со всех сторон,
И ветры захлебываются в агонии,
И море вьюжится множеством волн,
И Город мерещится с колокольнями,
И слух улавливает перезвон пурги,
А купола застигает снегом,
И на расстоянии вытянутой руки –
Пристань, чайки, обрыв над берегом,
Ты на краю... И смотрят ввысь
В ожидании будущего дети в матросках.
Но будущего нет. И мелькает мысль:
«Нет – и не надо». А потом – воздух.

Ирма Петрова

Новые мифы

* * *

Тебе только дай имя,
А там – выбирай титул!
И почести спин горбатых,
И лести речей сытых.

Фарфором звенят гости,
Сверкают нагие платья:
Послушай, послушай остро,
О чем хочу рассказать я.

Над морем раскинулся город,
Чье имя пришло из мифов,
На вечный беспечный праздник
Накинут был труд Сизифов.
У царских ворот стража
Вальяжно фасует порох –
На старте всегда важно
Беречь тех, кто так дорог.
Одеты, обуты холопы,
А царь – он всегда голый,
Отважный слуга народа,
С рожденья внутри полый.

Из почести мифов Итаки,
Из сказочек про басилевса,
Что рифмой кормили бумагу,
Хвалу воздавая лесу,

В основу легло его имя –
Иронией наделенный,
Он женское дал сердце
Приморскому царству короны.

Несдержанна, но справедлива,
И только по четным дням,
Одесса до жути ревнива
К другим молодым матерям.
Ведь «мамой» ее кличут воры,
Убийцы слагают куплеты,
Опасности духом пропитан
Весь образ до нитки сюжета.
Что верность, что человечность –
Древнейшие криптовалюты.
В табачном дыму ее дети
Запляшут, готовясь к чему-то.

Я сам посмотрел и увидел,
Как названный в почесть скитальца,
Над морем возвысился город,
Что к цели идет в темпе вальса,
Который штампует Эдипов
Безмерною ласкою мамы,
Который сулит дольче виту,
В отчетах скрывая все драмы.

Я сам посмотрел и влюбился,
Как море сливается с небом,
Как рифмой меня наделяет
Поступок, что честным не был,
Я сам же в ней стал легендой,
Статистикой преступлений –
Одесса – одна во вселенной
Источник таких наваждений.

1. Кривой

Господь – Пастырь мой,
Я ведома дорогой кривой.

Выпивая за здоровье и упокой –
Присмири меня, Господи.
Успокой.
Называя детей именами
Чужих,
Не ищу решений задач
Простых,
Но когда становлюсь я
К врагу спиной –
Ты прикрой меня,
Просто прикрой.

И просить не стану,
Когда я могу сама,
Благодарность воздам
За щедроты и полноту стола,
За кристальный холод
И теплоту ствола,
Но подай мне знак,
Если вдруг далеко зашла.

Ты же знаешь – душою
Живее я всех живых,
И хоть нарушаю законы,
Что вышли из уст твоих, –
Не желала зла другим
И себе самой.
Обними меня, Друже,
И лаской небесной укрой.

Понимаешь, я тоже в Твоих стадах,
Среди хищников, впрочем,
И с кровью овец на руках,
Но несу свой крест
Без обиды и без суеты –
Я дорогой кривой иду,
Той, что дал мне Ты.

2. Синдром Д

Дети радуются каждое утро,
Когда открываю спальни окно,
Ведь после серых и ртутных будней
Тоталитаризма коммерческих предприятий
Смотреть на глупого манекена
Очень и очень приятно –
В эту игру мы и с вами играем давно.

Но они не подходят ближе,
Тычут пальцами и смеются,
Только Дейна с синдромом Дауна
Может искренне мне улыбнуться.
Я пускаю им солнечных зайчиков,
Чтобы детство застыло, упрятало,
Только серое в пепле Солнце
Мне мешает –
И зеркало падает..
И они по домам разбегаются,
Будто не было вовсе сказки,
Лишь наивная, странная Дейна
Мне по-прежнему улыбается.

3. L'Uomo delinquente

Убийца вычислит убийцу
В цветной толпе беспечных тел,
Ведь своего однопартийца,

Какую маску б не надел,
Кто по походке,
Кто по взгляду –
Рыбак увидит рыбака,
Узрит открытую дверь ада:
«Не дрогнет, бро, твоя рука!»
И пресвятой аналгезии
На сцену рано выходить:
Смотри на кисти, скулы, спину –
И ты сумеешь отличить
В асимметрии силы века,
Скрывающего холод глаз,
Средь масс простого человека
Его и в профиль, и анфас.
Рефлексом или мелким жестом
Он тайну выкажет свою,
Ведь молчаливым манифестом
Меняется лицо в бою.

Но только строго не судите
Вы уличенного в грехе –
Что в преподобном, что в бандите
Лежит частица Божьих схем.

4. Rothmans

Не размер короля – двадцать пять сигарет:
Если вылез пешком из казенного тома,
Каменеет душа, застывают глаза,
Цепenea в цемент,
И целует детей в полусонном дворе
Бестелесный, придуманный
Призрак бездомный.

Если вышел из гетто –
На теле клеймо

Не обмыть и не спрятать
В обшивку природы.
Подрезаешь карман,
Вместо звона монет
Оставляешь взамен
Кошелечные образы
Амниона.

Прегустая вода
В первородной реке
Как дельфинов на берег
Сироток швыряет.
Клей моментом
Отсутствие линий
На грязной руке –
И услышишь, как урбана пульс
Аритмией конструкций
Младенцев чужих принимает.

Детские ногти врастают в грязь.
Ветер обочин сушит живые глаза –
Так 25-й окурок сиротских нужд
Усыновляет
Вязкий кустарник,
Густой придорожный лес.

В эмбриональной позе
Почву собой удобряет
Выкидыш ржавых невест,
Без крика почивший
В бозе.

Юлия Пикалова

Между Сциллой и Харибдой

Считалочка на сон

«Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли».

Мандельштам

«В черной, черной комнате...»

Из детских страшилок

Ничего не говори мне!
Вот и первая строка:
Между Сциллой и Харибдой
Проплывают облака.

Под простынкой обнаженным
Человек лежит и ждет.
Над пространством прокаженным
Пролетает самолет.

Все задания нынче – на дом.
Забиваемся в нору
И спрягаем, коли надо:
«Ты умрешь, и я умру».

На немецком, на иврите,
С крошкой сыном и отцом –
«Да и Нет не говорите
И не трогайте лицо».

И пускай течет с экрана
Сводок черная река,
Апокалипсису – рано.
Не сегодня. А пока –

Без усилия, без плана –
Полпоэмы на столе.
Спи давай, моя Светлана.
Что нам делать на земле...

Тревога

Издалека, невинно, понемногу
По воздуху вливали нам тревогу,
Пока мы не исполнились ее.
И вот уж легким нелегко дыханье,
И чей-то вдох похож на издыханье,
А если повезет – на забытье.

Испугом переполнено по горло,
Живое закрывается покорно.
А я усну, и будут сны легки,
И озеро удваивает горы,
И золотом ссыпающийся город,
И скорой голубые огоньки.

Майя Димерли

«И все происходило просто...»

И все происходило просто.
Поля не удержали просо
В копне волос.
Пока Орфей сладкоголосый
Баюкал коз
И муравьев янтарной лирой,
Казалась бесконечно мирной
Тропа любви –
Над нею на волнах Эфира
Легко. Плыви.
Касались солнечные блики
Кос босоногой Эвридики.

Но полпути
Она брела по ежевике,
Чтобы сойти
За тенью в тень Подземной рощи
На нет, на цыпочках, на ощупь,
На поворот
Земной оси – поверить проще,
Что каждый год
Побеги совершает просо
Так просто

Первые шаги

202 Одесса готовит экскурсии

Одесса готовит экскурсии

Продолжается городской конкурс имени Аркадия Креймера на лучшее проведение интерактивной экскурсии по истории Одессы. Учащиеся специализированной с углубленным изучением иностранных языков школы № 121 приглашают одесситов и наших гостей побывать в местах, где происходили события, о которых рассказывается в книгах знаменитых писателей. Сегодняшние экскурсоводы – Анастасия Долобанько (8-Б) и София Новицкая (9-А). Их наставники – учителя Н.С. Карчинская (русский язык и зарубежная литература), Н.С. Ужевская (история и право).

Весь мир (скажем без ложной скромности) знает наш город. Одесский язык и одесские улицы (по крайней мере Дерибасовскую), одесский юмор и одесскую литературу, одесских женщин и одесскую кухню.

Сто языков смешалось здесь, сто народов. Украинцы и евреи, греки и болгары, французы и молдаване, итальянцы и поляки, турки и русские. Любители сала и мацы, маслин и ракии, макарон и бигоса, пахлавы и щей. Что из этого могло получиться? Изобилие одесской кухни описано в литературе.

Как и что еще готовилось в Одессе? Мы попробуем приоткрыть немного эту завесу, знакомую и не очень.

Одесса – приморский город. И, естественно, у нас лучше всего готовят морепродукты. И так как мы с вами на Привозе в рыбных рядах, то не можем не вспомнить описание Валентина Катаева.

Валентин Катаев. «Белеет парус одинокий»

«– Раки! Раки! Раки! Раки!

– Камбала! Камбала! Камбала!

- Скумбрия живая! Скумбрия, скумбрия!
- Барбунька! Барбунька!
- Мидии! Мидии! Мидии! Мидии! Мидии!
- Бычки! Бычки! Бычки!»

О, легендарные одесские бычки! Вкуснее всего приготовлены, когда обжарены до золотистой хрустящей корочки с предварительной панировкой в кукурузной муке, которая может пригодиться и для восхитительной мамалыги.

Так как экскурсия у нас не совсем обычная, то мы с вами пройдемся по Привозу, чтобы «сделать» небольшой базар, а затем в процессе экскурсии из этого приготовить...

Одессина – благословенный по климатическим условиям край. Обласканная солнцем земля и самое синее Черное море щедро делятся своими богатствами. Потому и простор для кулинарных фантазий поистине безграничный.

Пока мы будем путешествовать к следующей точке нашего маршрута, то вспомним о практически пошаговом рецепте одного культового одесского блюда из произведений Валентина Катаева.

«Колесничук привозил из Одессы в подарок копченую скумбрию, малосольную брынзу в стеклянной банке с водой и десяток синих баклажан, которые он с нежной улыбкой называл просто «синенькие».

Петр Васильевич был в восторге. Он кричал, что это лучшая еда в мире, пища богов!

...Что же касается брынзы и синеньких, то они решительно ни у кого, кроме Петра Васильевича, успеха не имели. Брынза воняла старой овцой, и ее уносили в кухню. А что делать с синенькими, никто из домашних, кроме Петра Васильевича, понятия не имел.

...Но Петр Васильевич был неумолим. Он требовал, чтобы из синеньких немедленно приготовили баклажанную икру. Разумеется, не ту пресную, сладковатую желтоватую кашицу, которая продается в виде консервов, а ту настоящую, домашнюю, знаменитую одесскую баклажанную икру – пищу богов! – зеленую, с луком, уксусом, чесноком, молдавским перцем, дьявольски острую, от которой на губах делаются «заеды».

Для того чтобы приготовить такую икру, баклажаны надо было (разумеется!) не варить и не тушить, и, уж конечно, не жарить, а сперва испечь на углях. Синенькие должны обуглиться. Тогда с них сдирают кожу, и дымящуюся, полусырую зеленую мякоть с белыми семечками мелко рубят.

Но боже упаси рубить ножом или «секачкой». От соприкосновения с железом мякоть теряет свой естественный зеленый цвет, чернеет, и икра тогда уже ни к черту не годится.

Мякоть надо рубить деревянным ножом и никаким другим. Тогда-то и получится настоящая баклажанья икра по-одесски.

Что может быть проще?..»

Вот мы добрались до улицы Пантелеймоновской, 13, до здания бывшей Пятой мужской гимназии, где в свое время учились, то есть готовились известные писатели, описавшие в своих одесских произведениях еду. Это и братья Катаевы, и Корней Чуковский, и Владимир Жаботинский.

В автобиографической повести «Серебряный герб» Корней Чуковский описал одно блюдо, которое имеет американские корни, и сегодня мы с удовольствием сопровождаем киносеансы или иные увеселительные зрелища его поеданием.

Корней Чуковский. «Серебряный герб»

Корней Чуковский

«Потому что всякий раз, когда приезжает дядя Фома, он привозит с собой кукурузные зерна в мешочке из белой холстины, и не простые зерна, а диковинные. Они кажутся нам заколдованными. Помочи их в воде, брось в духовку, и они начинают стрелять (только и слышно: пых! пых!) и прыгают как живые; и, чуть они прыгнут, скорее хватай их, чтобы они не сгорели, и смотри: из желтых они сделались белыми и распустились, как чудесные цветы. Я готов стоять у раскаленной духовки весь день и бросать туда всё новые и новые зерна и набивать пуканцами живот до отвала».

Пока мы с вами движемся к следующей точке нашего маршрута, вспомним о том, что в Одессе отдавали одно из важных мест первым блюдам, и вот как описывал некоторые Владимир Жаботинский.

Владимир Жаботинский. «Пятеро»

«Есть, – сказал Игнац Альбертович, – люди, которые любят суп с лапшой, а есть и такие, что любят его с клецками. Это не просто, это два характера. Лапша – дело скользкое: если повезет, наберешь целую копну; но есть риск, что все соскользнет. А с клецками никакого беспокойства: больше одной не выловишь, зато с мясом, и уж наверняка».

Мы не могли пройти мимо произведений этих авторов и этого дома. В этом доме, по улице Малой Арнаутской, 40, жил прототип Остапа Бендера из произведений Евгения Петрова и Ильи Ильфа Осип Шор.

Вспомним только лишь небольшую часть цитат о еде.

Владимир Жаботинский

Е. Петров, И. Ильф. «Двенадцать стульев»

«– Имейте в виду, уважаемый Шура, даром я вас питать не намерен. За каждый витамин, который я вам скормлю, я потребую от вас множество мелких услуг».

«– Отдай колбасу, дурак! Я все прощу!
– Держите его! Он украл нашу колбасу!

– Я отдам колбасу! Снимите меня!»

«– Месье, же не манж па сис жур. Гебен мир зи битте этвас копек ауф дем штюк брод...»

«– Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов».

«Холодные яйца всмятку – еда очень невкусная, и хороший, веселый человек никогда их не станет есть».

Большинство современных критиков считают Исаака Бабеля не просто «самым одесским из всех писателей», но еще и человеком, который сделал город местом планетарного масштаба.

Но как же он описывал съестные припасы? Возле памятника Бабелю об этом услышать наиболее уместно, хотя часть цитат мы оставляем в запасниках.

Исаак Бабель. «Одесские рассказы»

«Король»

«На этой свадьбе к ужину подали индюков, жареных куриц, гусей, фаршированную рыбу и уху, в которой перламутром отсвечивали лимонные озера. Над мертвыми гусиными головками покачивались цветы, как пышные плюмажи. Но разве жареных куриц выносит на берег пенный прибой одесского моря?»

«Любка Казак»

«Всякому товару была особая цена, каждую цифру запивали бессарабским вином, пахнущим солнцем и клопами».

Сейчас мы добрались с вами до чудесного заведения, которое находится в одном из старейших домов Одессы, где нам приготовят из купленной брынзы и зелени восхитительные плацинды. А пока их готовят, мы не можем не порекомендовать продегустировать местные напитки.

Какое же одесское застолье без десертов? И как тут не вспомнить дом по улице Греческой, 12?

Георгий Спиридонович Меллисарато откупил булочную Магула и превратил ее в кондитерскую уровня Амбарзаки, Бонифаци, Либмана, Печеского, Скведера. Французская писательница графиня Даш считала, что дети кондитеров и пирожников не бывают лакомками.

Паша и Саша Меллисарато ими, возможно, и не были, но другим юным обитателям дома очень хотелось попасть не просто в кондитерскую, но и на кухню, где рождались пирожные, пастила, печенье, торты и ромовые бабы. Паша и Саша приводили сюда друзей строго по очереди. Первая красавица дома Витя Койфман, сын доктора Андрей Главче, Юра и Ванда Олеша.

И когда **Юрий Олеша** в «Трех толстяках» описывает, как продавец воздушных шаров «сидел в царстве шоколада, апельсинов, гранатов, крема, цукатов, сахарной пудры и варенья», где «появились цукаты, всех сортов, всех видов, всех форм: горьковатые, ванильные, кисленькие, треугольные, звездочки, круглые, полумесяцы, розочки», перед его мысленным взором наверняка стояла кондитерская Меллисарато на Греческой, 12.

Только в Одессе возможно после сладкого есть соленое. Вот и мы с вами, проходя через Строгановский мост, вспомним еще одну одесскую историю о еде.

Последние 29 лет своей жизни граф Александр Григорьевич Строганов провел в Одессе и регулярно посещал городские собрания, продолжая беспокоиться о благополучии города. Как человек обеспеченный, но ратующий при этом за равноправие горожан, он частенько давал «открытые обеды». Говорят, именно для таких обедов повар графа

Александр Строганов

Строганова изобрел новое мясное блюдо, одновременно вкусное, элегантно, экономное и хорошо делящееся на порции.

Совершенно верно! Речь о знаменитой говядине по-строгановски, она же «бефстроганов».

Ну как можно описать Одессу, которая готовит литературные шедевры, без рассказа о Соломоне Наумовиче Рабиновиче, больше известном под своим писательским псевдонимом – Шолом-Алейхем? О нем мы и поговорим на улице Канатной, 28.

Шолом-Алейхем

«Записки коммивояжера»

«Мама говорит: «Из всех молочных блюд самое лучшее – это кусок мяса!..»

«Тевье-молочник»

«Плохи пляски да шутки, когда пусто в желудке».

«Разговорами сыт не будешь. Поешь селедки, – чаю захочется, а к чаю сахар требуется, а сахар, говорите вы, у Бродского...»

Произведения Соломона Наумовича по сей день переводятся на множество языков и по-прежнему пользуются популярностью у читателей. «Самый цимес!» – говорят о них, рекомендуя друг другу, и почему-то многозначительно подмигивают.

Иными словами, выражение «самый цимес» можно описать как «то, что надо» или даже «самое лучшее». Почему? А потому, что в традициях одесской кухни существует очень вкусное одноименное блюдо. Сладкое, ароматное и неповторимое.

И вот мы с вами добрались туда, где, по логике, мы должны были оказаться сразу после Привоза, с учетом того, что мы будем готовить.

...Да-да, это форшмак, но не простой. Мы попытались приготовить его по рецепту Аркадия Евсеевича Креймера.

Аркадий Креймер колдует над своим легендарным форшмаком, которым потчевали почетных гостей Всемирного клуба одесситов

Форшмак по рецепту Аркадия Креймера

Но почему это надо было сделать вначале? Потому что форшмак – это предвкушение, послевкусием к которому мы хотим предложить слова президента Всемирного клуба одесситов Михаила Жванецкого.

«Одесская кухня любит постоять на плите или в холодильнике. Одесский базар пахнет. Одесский укроп пахнет. Одесский чеснок склеивает пальцы. Одесская ставридка отделяется от хребтика и тает во рту. Икра из синеньких обостряет и ароматизирует любое свиное отбивное. Одесский красный борщ с фасолью, зеленый с яйцом... Из одной курицы – шейка, фаршированные ножки, бульон и лапша. Вино в Одессе называется «папа делал» – высасывается через трубочку из 12-литровой стеклянной бутылки. Короче. Приезжайте в Одессу голодными, получите удовольствие, пока есть что есть».

Искусство – ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО

- 212 Евгений Голубовский**
Светозарность Виктора Маринюка
- 214 Алена Яворская**
«Побоями нас нянчила страна!»
- 232 Феликс Кохрихт, Юрий Дикий**
Нейгауз: Гилельс, Рихтер – ученики чародея
- 246 Виталий Абрамов**
Художник и педагог Антон (Вильгельм) Бауэр
- 261 Степан Рябченко**
Подождите, подождите...
- 266 Сергей Седых**
Костюм для хранителя
- 273 Наталья Богачева**
Выставка Эфрусси в Вене
- 283 Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

Евгений Голубовский

Светозарность Виктора Маринюка

В Одесском художественном музее состоялась выставка живописи, графики и скульптуры одного из основателей группы нонконформистов Виктора Маринюка. В прошлом году 10 апреля ему исполнилось 80 лет. Из них 60 мы знакомы. Не раз писал о его творчестве, да и о нем самом, художнике с неленивой душой и неленивым умом.

Есть мастера, в творчестве которых легко выделяются разные периоды. Увлечения, предпочтения налагают видимый отпечаток.

Виктор Маринюк. Фото Ильи Гершберга

Работы Виктора Маринюка

К иной категории художников принадлежит Виктор Маринюк – шестьдесят лет его творческого пути являются собой не перемены стиля, векторы предпочтений, а постоянное самоуглубление.

Познав уроки супрематизма и иконописи, живописи Ренессанса и экспрессионизма, он, отбирая для себя главное, пришел к минимализму, к простоте и изысканности художественного языка.

Его минимализм не рационален, не рассудочен, а эмоционален. Взволнованность художника становится волнением зрителя.

Многokrратно повторяемые темы «Девушка и город», «Женщина с ребенком», «Человеческое лицо» каждый раз осмысливаются все более точно (как бы доводятся до формулы сущего).

Маринюк пользуется цветом для сотворения света. И вот этой светозарностью проникнуты все лучшие работы мастера.

Шесть десятилетий назад познакомился я с Виктором Маринюком в квартире (одновременно мастерской, одновременно «клубе» общения) Александра Ануфриева. Это были трудные, но веселые годы. Они сформировали и характер художника, и его эстетические (а для него не менее важно – и этические) пристрастия.

Когда смотрю на женские образы в картинах, рисунках Маринюка, понимаю, что рядом с ним всегда были прекрасные женщины. В начале творческого пути Люда Ястреб, а после ее безвременной смерти музой художника стала Лена Марущак. Их свет на его полотнах.

С шестидесятых годов и по сегодняшний день можно говорить об индивидуальности творческого почерка Виктора Маринюка. На любой коллективной выставке среди многочисленных работ его холсты не просто узнаваемы, а обладают особой притягательной силой.

Официальное признание к В. Маринюку, как и ко многим художникам, державшимся в стороне от официальной идеологии, пришло достаточно поздно. Лишь в 1989-м году (еще во времена Советского Союза) он был принят в члены Союза художников. Хотя за его плечами были уже десятки выставок, и неформальных – в Одессе, в Москве, Мюнхене, и официальных – в Одессе, в Киеве... Но Маринюк никогда не гнался за регалиями.

Он мог бы повторить за Борисом Пастернаком: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех».

Так живет и так работает Виктор Маринюк, который не устает повторять: «Надо иметь неленивую душу и неленивый ум».

Алена Яворская

«Побоями нас нянчила страна!»

Один день Одесской ГубЧК и Эдуард Багрицкий

8 февраля 1920 года части Красной армии окончательно захватили Одессу.

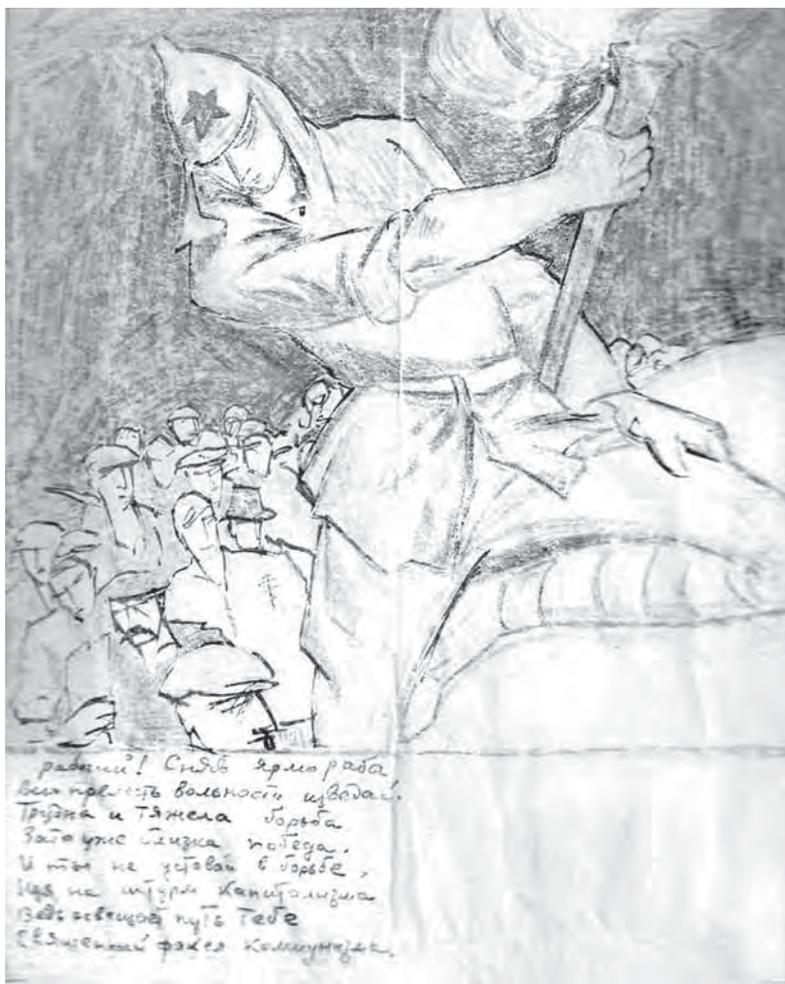
28-м февраля 1920-го датирован первый протокол заседаний комиссии Одесской губернской чрезвычайной следственной комиссии. Согласно протоколу, хранящемуся в архиве, «Присутствовали Северный, Горб, Кирилл, Левин, Юрко. Слушали: 1. О составе коллегии О.Г.Ч.К. 2. О порядке освобождения арестованных»¹.

В конце февраля 1920 г. в Одессе было создано Южное бюро РОСТА (ЮгРОСТА). С начала мая 1920-го его руководителем был поэт-акмеист Владимир Нарбут.

В ЮгРОСТА и при нем работали Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Евгений Петров, Марк Тарловский, Сандро Фазини, Михаил Файнзильберг, Виктор Федоров.

Эдуард Багрицкий. 1919 г.

Багрицкий. ЮгРОСТА

Не всегда можно установить, когда тот или иной поэт (художник) устроился сюда на работу в чайניים пайка, но известно, что трое из них – братья Катаевы и В. Федоров – сидели в ЧК. Но вот о четвертом арестанте-югровостове – Эдуарде Багрицком –

до недавнего времени никто не знал. (Впрочем, были еще и пятый, и шестой – художники Михаил Файнзильберг и Дмитрий Бронштейн, но о них в другой раз.)

В июле в журнале «Лава», который выпускал коммунист-акмеист Владимир Нарбут, были помещены его стихи про одесское Чека:

1

Оранжевый на солнце дым
и перестук автомобильный.
Мы дерево опередим:
отпрыгни, граб, в проулок пыльный.
Колючей проволоки низ
лоскут схватил на повороте.
– Ну, что, товарищ?
– Не ленись,
спроси о караульной роте.
Проглатывает кабинет,
и – пес, потягиваясь, трется
у кресла кожаного.
Нет:
живой и на портрете Троцкий!
Контрреволюция не спит:
все заговор за заговором.
Пощупать надо бы РОПИТ.
А завтра...
Да, в часу котором?
По делу 1106
(в дверях матрос и брюки клешем)
перо в чернила – справку:
– Есть. –
<...>
Расплющивая и круша,
вращает жернов лихолетье.
Истыкан пулею шпион,
и спекулянт – в истоме жуткой.
А кабинет, как пансион,
где фрейлина да институтки.

И цедят золото часы,
песка накапливая конус,
чтоб жало тонкое косы
лизало красные законы;
<...>

2

Не загар, а малиновый пепел,
и напудрены густо ключицы.
Не могло это, Герман, случиться,
что вошел ты, взглянул и – как не был!
Революции бьют барабаны,
и чеканит Чека гильотину.²

Последние строки звучат пророчески. Но, как гласит пословица, «что написано пером, того не вырубишь топором». И те, кто попал под топор, и те, кто уцелел, – были учтены в списках.

Летом 2019 мемориалец Константин Богуславский разместил на Фейсбуке фотокопию из протоколов ЧК за 1920 – «Слушали: [Дело] Дзюбина (Багрицкого) Эдуарда Годелевича и Цапенко Николая Ивановича по обвинению в службе в контрразведке. Постановили: Дзюбина и Цапенко освободить, дело о них прекратить».

Протоколы одесской ЧК хранятся в Отраслевом архиве СБУ в Киеве. И разрешение на работу там получить легко, и копировать можно сколько угодно и бесплатно. В ноябре 2019, вооружившись терпением и фотоаппаратом, я начала просматривать протоколы.

Известного впоследствии поэта Эдуарда Дзюбина (Багрицкого) и неизвестного никому Николая Цапенко³ освободили 5 июня 1920-го, за месяц до того, как было опубликовано прославляющее ЧК стихотворение Нарбута. А что же еще происходило 5 июня на заседании Одесской губернской чрезвычайной следственной комиссии, чьи дела рассматривались рядом с их делом?

Пятнадцать страниц протокола, 56 дел, 92 человека, 20 смертных приговоров. Один день Одесской ЧК...

Список длинный, но стоит прочесть его хотя бы для того, чтобы вспомнить о тех, кого обвиняли (справедливо или нет)

в контрреволюции, шпионаже, спекуляции и прочих грехах перед советской властью.

Итак, «Протокол заседания Комиссии одесской губернской Чрезвычайно-следственной комиссии от 5-го июня 1920 г.

Присутствовали Реденс, Дейч, Заковский, Уральцев.

1. Слушали: дело 1652 Ткачука Алексея Даниловича по обвинению в бандитизме.

Постановили: гр. Ткачука расстрелять, имущество конфисковать.

2. Слушали: дело 2383 Крушинской-Замойской Марии Николаевны по обвинению в службе в контрразведке.

Постановили гр. Крушинскую-Замойскую расстрелять, имущество конфисковать.

3. Слушали: дело 1762 Копылова Павла Григорьевича по обвинению в издевательствах над политическими.

Постановили: гр. Копылова расстрелять, имущество конфисковать.

4. Слушали: дело 1960 Бобковы Николай Никифорович и Михаил Никифорович по обвинению в контрреволюции.

Постановили: гр. Бобковых Николая и Михаила расстрелять, имущество конфисковать.

5. Слушали: дело 1721 Фролова Георгия Кирилловича по обвинению в контрреволюции.

Постановили: гр. Фролова расстрелять, имущество конфисковать.

6. Слушали: дело 2151 Сахарова Петра Алексеевича – помещик.

Постановили: Сахарова расстрелять, имущество конфисковать.

7. Слушали: дело 1520 Савенко Виктора Анастасовича по обвинению в службе петлюровским офицером.

Денисенко Елисея Никифоровича по обвинению в соучастии в похождениях командира Савенко.

Лихтенштейн (братья) Самуила и Матвея по обвинению в знакомстве с командиром Савенко.

Постановили: Савенко расстрелять, имущество конфисковать. Денисенко расстрелять, имущество конфисковать. Лихтенштейна Самуила заключить в лагерь сроком на 1 год, Матвея же освободить.

8. Слушали: дело 303 Страцинского Даниила Савича по обвинению в провокаторстве.

Постановили: Страцинского расстрелять, имущество конфисковать.

9. Слушали: дело 2235 Чубчика Матвея Григорьевича и Шестакова Василия Ивановича по обвинению в преступлениях по должности.

Постановили: Дело передать в Ревтрибунал 41 дивизии с перечислением арестованных, находящихся в городе Вознесенске.

10. Слушали: дело 2142 Ярошевского Гедаля Гершевича по обвинению в спекуляции.

Постановили: Ярошевского заключить в концентрационный лагерь сроком на 1 год. Все отобранные товары конфисковать. Кв. 1444.

11. Слушали: дело 1117 Россини Рудольфа Яковлевича по обвинению в службе в контрразведке.

Постановили: заключить Россини в лагерь на 2 года. Дело прекратить.

12а. Слушали: дело 1316 Биевицкого Меера по обвинению в попытке уклонения от отправки на фронт.

Постановили: Биевицкого освободить, дело прекратить.

12. Слушали: дело 1158 Сулова Анатолия Николаевича по обвинению в (службе) в контрреволюции.

Постановили: Сулова расстрелять, имущество конфисковать.

13. Слушали: дело 1558 Чернявской Людмилы Васильевны по обвинению в службе в контрразведке.

Постановили: Чернявскую освободить, дело о ней прекратить.

14. Слушали: дело 1202 Длогача Бернарда Григорьевича, Мартов-Семенов Семен Борисович, Елкин Василий Николаевич по обвинению в шпионаже.

Постановили: всех граждан освободить, дело о них прекратить.

15. Слушали: Гловинского Сергея Михайловича, Каю-Каранвана Ивана Петровича по обвинению в причастности к петлюровской организации.

Постановили: Гловинского С.М. расстрелять, имущество конфисковать, а Каю-Каранвана И.П. заключить в лагерь сроком на 2 года. Кв. 1298.

16. Слушали: дело 1977 Демьянова Ивана Кондратьевича по обвинению в (растрате) укрывательстве оружия.

Постановили: Демьянова заключить в лагерь сроком на 2 года.

17. Слушали: Дзюбина (Багрицкого) Эдуарда Годелевича и Цапенко Николая Ивановича по обвинению в службе в контрразведке.

Постановили: Дзюбина и Цапенко освободить, дело о них прекратить. Дело кв. 1247.

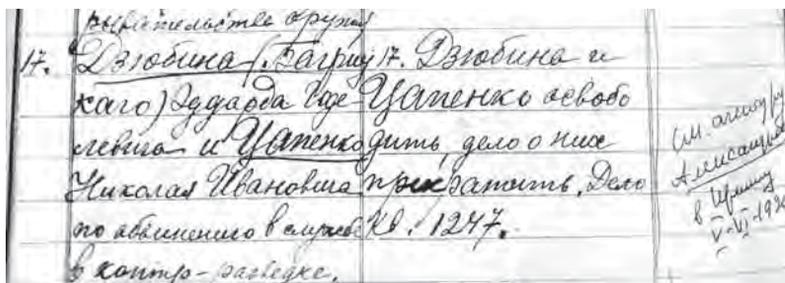
ПРОТОКОЛ

Заседания Комиссии Одесской Губернской Чрезвычайно-Следственной Комиссии

от 5-го июня 1920 г.
 Присутствовали: *Ледене, Дейч, Заколотый*
Урадовцев.

№№ по справке	Глушали	Постановили	Отметка об исполнении
1.	Дело 1652 <i>Ткачу</i> 1. гр. <i>Ткачука</i> - <i>ка</i> Алексея Давидовича по обвинению в бандитизме.	рассмотреть. Исполнить постановление кондрискобата.	
2.	Дело 2383 <i>Крушина</i> 2. гр. <i>Крушинская</i> - <i>кой</i> - Замойской Марии Николаевны по обвинению в краже в контор-разъезде.	рассмотреть. Исполнить постановление кондрискобата.	
3.	Дело 1762 <i>Копысова</i> 3. гр. <i>Копысова</i> - <i>ва</i> Павла Григорьевича по обвинению в издевательстве над помещиками.	рассмотреть. Исполнить постановление кондрискобата.	
4.	Дело 1900 <i>Кобкова</i> 4. гр. <i>Кобкова</i> Че- <i>кина</i> и <i>Михайлова</i> Николая Николаевича и Михаила Григорьевича по обвинению в контрабанде.	рассмотреть. Исполнить постановление кондрискобата.	
5.	Дело 1721 <i>Орлова</i> 5. гр. <i>Орлова</i> - <i>Георгия</i> Кирилловича по обвинению в краже.	рассмотреть. Исполнить постановление кондрискобата.	

Протокол от 5 июня 1920 г.

Из протокола 5 июня 1920 г.

На полях приписка красными чернилами: «См. агентуру Александра в Крыму. V-VI – 1920».

18. Слушали: дело 1980 Элиана Дмитрия Федоровича по обвинению в службе в карательном отряде при Добрармии.

Постановили: гр. Элиана освободить, дело о нем прекратить.

19. Слушали: дело 1729 Чаплицкого Роберта по обвинению в хранении компрометирующих документов.

Постановили: Чаплицкого освободить, дело о нем прекратить.

20. Слушали: дело 2149 Баркова-Бычкова Михаила Петровича по обвинению в контрреволюции.

Постановили: Баркова-Бычкова расстрелять, имущество конфисковать. Материалы переслать тов. Глебову для дальнейшей разработки.

21. Слушали: дело 1423/128 Усиевича Израйля Шлера Ицковича 32 лет по обвинению в даче взятки с целью укрытия товаров и материалов.

Постановили: расстрелять, имущество конфисковать. Кв. 844

22. Слушали: дело 2267/161 Жданова Ивана Семеновича 23 лет, Чураковой Олимпиады Ильиной 27 лет и Сытниковой 19 лет Ефросинии Лукьяновны по обвинению в способствовании в побеге заключенного.

Постановили: Жданова отправить в распоряжение Губвоенкома для отправки на фронт (исключить из списков сотрудников со дня ареста). Чуракову и Сытникову освободить, дело о них прекратить.

23. Слушали: дело 2284 Ангелова Ивана Петровича по обвинению в шантаже и дескредетации [так!] советской власти.

Постановили: Ангеловича [так!] заключить в лагерь сроком на 2 года. Кв. 1498.

24. Слушали: дело 2344/235 Москалева Константина Мефодиевича 43 лет – служащего завода Ропита по обвинению в хищении 3½ фунт. резины.

Постановили: заключить в лагерь сроком на 6 месяц. Кв. 1564

25. Слушали: дело 2213/206. Дело Начморсвязи Беренцова и военкома Гобой в незаконной выписке рапорта на требование 5 ведер ректифицированного [так!] спирта (арестованных нет).

Постановили: Дело прекратить.

26. Слушали: дело 2242/38. Дело 2-ой передвижной труппы политотдела дивизии по обвинению в отказе выехать по распоряжению в город Могилев Волынской губ. (арестованных нет).

Постановили: Дело прекратить.

27. Слушали: дело 2403/239. Дело военкома и адъютанта пров. транспорта 41 дивизии 3-ей бригады тов. Котова и Костоглодова.

Постановили: Дело прекратить.

28. Слушали: дело 2205/209 Кричевского Самуила Павловича 43 лет и Трика Михаила Григорьевича 30 л. по обвинению в хищении казенных вещей.

Постановили: Кричевского и Трика освободить, дело о них прекратить.

29. Слушали: дело 2246/236. Дело о побеге двух арестованных из тюрьмы губчека по обвинению гр. Машевский Казимир, Михельсон Яков, Файнгольд Иосиф, Тырей Андрей, Цыпензон Семен, Шульман Яков.

Постановили: дело прекратить. Машевского отстранить от должности (арестованных нет).

30. Слушали: дело 2173 Нестерекова Ивана Никифоровича военкома 1-го кавдивизиона при комендатуре города Одессы и преступлению по должности (уже освобожден).

Постановили: Дело прекратить.

31. Слушали: Гарри Фридрихович Спринг и Гриневич Иосиф Иванович 24 л. в преступлении по должности.

Постановили: заключить Гарри-Спринг и Гриневича в концентрационный лагерь сроком на 2 года каждого.

32. Слушали: дело 1893 Блюмштейна Михаила, Лисовского Дмитрия сотрудника Ц.Т.Ч.К. за подложный донос.

Постановили: Блюмштейна заключить в лагерь сроком на 2 года, сообщить Губпаркому [так!] на предмет исключения его из партии

как кокаиниста, Лисовского направить в Губвоенком для отправки его на фронт.

33. Слушали: дело 1507 Сорокина и Петренко – шофера [так!] авто-тяги по обвинению в хищении корбита.

Постановили: Сорокина заключить в лагерь на 2 года, дело о Петренко прекратить.

34. Слушали: дело 1873/1887 Леонидова Ивана Евгеньевича 27 лет, Лялина Якова Марковича 26 лет, Крамова Якова Моисеевича по обвинению во взяточничестве.

Постановили: всех троих освободить, поручить секретному отделу возбудить встречное дело против Петрова уполн. по прест. по должн. и его помощника Миронова.

35. Слушали: дело 505 Полипонского Андрея Михайловича 52 лет, Дудник Ольги 38 л., Дудник Веры Николаевны 18 лет, Ламзаки Василия Николаевича по обвинению в контрреволюции.

Постановили: Дело передать слушанию в Ревтрибунал с перечисленными арестованными. Кв. 1641.

36. Слушали: дело 1373 Гуцака Прокопия Лукича 20 лет по обвинению в шпионаже.

Постановили: Гуцака расстрелять, имущество конфисковать.

37. Слушали: дело 2104 Суслов Вера Алексеевна 28 лет – задержана до выяснения личности.

Постановили: Суслов освободить, отобранные вещи и документы вернуть.

38. Слушали: дело 2099 Никулица Ильи Тедорова 30 лет – задержан до выяснения личности.

Постановили: Никулица освободить, дело о нем прекратить. Кв. 1440.

39. Слушали: дело 2026 Орловского Петра Андреевича по обвинению за неявку на регистрацию.

Постановили: Орловского расстрелять, имущество конфисковать.

40. Слушали: дело 155 Гладика Миреам Ивановича 27 лет, Горника Вячеслава Ивановича 18 лет, Яблонского Степана Тимошева по обвинению в сношении с белыми.

Постановили: Гладика М.И. заключить в концентрационный лагерь сроком на 1 год. Остальных освободить.

41. Слушали: дело 2365 Хитрика Мория Абрамовича по обвинению в службе в Кишиневской охранке.

Постановили: гр. Хитрика расстрелять, имущество конфисковать.

42. Слушали: дело 2181 Верховского Максима Моисеевича по обвинению в провокации и преступлении по должности.

Постановили: Верховского Максима М. 24 лет освободить, дело о нем прекратить.

43. Слушали: дело 2366 Эйбера Матвея Соломоновича по обвинению в хранении секретных документов.

Постановили: Эйберга освободить дело прекратить. Кв. 1570.

44. Слушали: дело 2124 Петровой Евгении Петровны 22 л. по обвинению в контрреволюции.

Постановили: гр. Петрову освободить, дело о ней прекратить.

45. Слушали: дело 2682 Шулянова Петра Александровича по обвинению в сокрытии товаров от учета.

Постановили: заключить Шулянова в лагерь сроком на 2 года.

46. Слушали: Кисельмана Ихеля Лейбовна по обвинению в контрреволюционной агитации.

Постановили: дело о нем прекратить.

47. Слушали: дело 137 Байбаровой Марии Исаевны 24 л. и др. – для пересмотра.

Постановили: во изменение постановления заседания коллегии от 14/V освободить гр. Байбарову, дело о ней прекратить.

48. Слушали: дело 1751 Гринкевича Константина Васильевича 25 л., Погарского Владимира Еремеевича 37 лет по обвинению в службе в контрразведке.

Постановили: арестованных из-под стражи освободить, дело о них прекратить.

49. Слушали: дело 1301 Тымкова Семена Тимофеевича 35 лет по обвинению в спекуляции.

Постановили: Тымкова освободить, дело о нем прекратить

50. Слушали: дело 1589 Перельмитера Луизы Вильгельмовны по обвинению в шпионаже.

Постановили: Перельмитера освободить, дело прекратить.

51. Слушали: дело 397 Шкатова Игната Федоровича, бывшего чиновника, награбившего много вещей.

Постановили: в стол розысков.

52. Слушали: дело 1581 Храмова Лукьяна Корнеевича 44 л. в участии в добротряде.

Постановили: освободить, дело прекратить, документы и деньги возвратить.

53. Слушали: дело 2100 Мильчина Ильи Борисовича 25 лет, Кузина Александра Матфиевича 30 л., Школенко Ольги Николаевны 40 л., Милентьевой Эльвиры Эдуардовны 56 лет по обвинению в лжесвидетельстве и выдаче коммунистов.

Постановили: гр. Кузина А.М., Школько О.Н., Милентьевой Э.Э. освободить, вещи возвратить. Гр. Мильчина И.Б. заключить в лагерь на 1 год, представить Губпаркому на предмет исключения его из партии. Кв. 1024.

54. Слушали: дело 2098, 2074 Шимановского Михаила Аркадьевича 22 л., Петровича Бориса Михайловича, Мицкевич Елена Степановна, Петров Андрей Кириллович, Кириллов по обвинению в службе в контрразведке и контрреволюционной деятельности.

Постановили: гр. Шимановского и Петровича освободить, Мицкевича и Петрова А.К. заключить в лагерь сроком на 2 года каждого.

55. Слушали: дело 1920 Григорьева Виктора Ильича, Матвиенко Степана Никифоровича, 22 л. по обвинению в контрреволюции.

Постановили: Григорьева и Матвиенко расстрелять, имущество их конфисковать.

56. Слушали: дело 1807 Черноглазова Алексея Алексеевича 48 л. по обвинению в службе в государственной страже у добровольцев в должности пристава.

Постановили: Черноглазова расстрелять, имущество конфисковать».⁴

Эдуарда Дзюбина выпустили из ЧК. А Эдуард Багрицкий словно бы там и не оказывался. Ни одного упоминания об аресте поэта в воспоминаниях современников нет. Не вспоминают об этом родные и друзья, даже отвечая на вопросы Г.И. Полякова, сотрудника Института мозга (после смерти Багрицкого его мозг был отправлен туда для изучения). Поляков опросил жену поэта Лидию Багрицкую (Суок), Михаила Файнзильберга, Бориса Скуратова, Исаака Бабеля, Серафиму Нарбут (Суок), Владимира Нарбута, Ольгу Олешу (Суок), Веру Инбер, Валентина Катаева и Николая Дементьева.⁵ Ответы были достаточно откровенными, порой нелицеприятными. Вспоминали о многих ситуациях в жизни Багрицкого, но не об аресте.

А между тем об этом знал как минимум один из опрошенных. 1920-м годом датирован рассказ Валентина Катаева «Бездельник Эдуард»:

«Вскоре Эдуард поступил на службу в ЮгРОСТА. Она оказалась единственным учреждением республики, где его чудовищная фантазия могла найти применение. <...>

Граждане, имевшие удовольствие жить в период второго и третьего года республики на юге, вероятно, хорошо знают, что такое стенная газета ЮгРОСТА. Распространяться о ней нет никакой надобности. Граждане же, не имевшие удовольствия провести вышеупомянутые два года на юге, так, вероятно, до конца дней своих и не узнают, что такое стенная газета ЮгРОСТА, потому что еще не родился на божий свет мастер, способный описать эту не поддающуюся описанию газету».⁶

Кстати, это первое описание ЮгРОСТА в литературе. Позже будет и М. Тарловский с поэмой «Веселый странник» (1935), и тот же Катаев с «Травой забвения» (1967), и «Уже написан Вертер» (1979).

Но вернемся к «Бездельнику Эдуарду» – описанию жизни Эдуарда Багрицкого в начале 1920 года. Глава III. «Но он не унывал»: «Между тем валила зима. Ветер свистал в обледенелых обломках дач. Косматое сине-зеленое море ходило и раскачивалось тяжелыми горбами, разбиваясь вдребезги о волнолом и вскипая пеной, которая летала чайками над голыми эстакадами и хоботами подъемных кранов. Население окраин рубило по ночам деревья, выкорчевывало лимонные твердые корни акаций, ломало дачи и заборы, срывало ставни и лестницы. И громадные осенние созвездья, раздуваемые ледяным вихрем, пылали и переворачивались в железном небе.

Валентин Катаев. 1920-е гг.

В ту пору Эдуард ходил в коротеньком летнем пальто, в альпийских солдатских башмаках, пряча красный слезящийся нос в наставленный воротник и легонький белый шарф. Он носил брезентовые штаны, грубые, как цинк, и свистящие, как ножи доброй деревенской кухарки, когда она точит их друг о друга, готовясь резать поросенка.

<...>

Если ему удавалось обмануть бдительного часового и касиршу, он проникал в красноармейскую чайную и с жадностью пил мыльный кипяток из ржавой консервной кружки с рваными краями, осторожно прижимая языком к нёбу полученную вместе с куском мокрого хлеба безвкусную стеклянную конфетку. По вечерам он до самого закрытия сидел в читальне красноармейского клуба, наслаждался бесплатной теплотой и Кипплингом.

Он беззаботно измышлял самые невероятные комбинации, чтобы достать хоть немного еды. Я мог бы рассказать о том, как он обольстил девицу, подающую обед в коммунальной столовой, чтобы получить лишнюю порцию каши, или о том, как он проник в контрреволюционное подполье, где в течение двух недель тянул таинственные деньги с пылкого, но слишком глупого капитана, вскоре, конечно, расстрелянного».⁷

О Багрицком, вечно голодном в то время, о его легкомысленном отношении к происходившему, ходило много легенд, и эта фраза казалась лишь еще одной приметой, шутливой характеристикой. Но это было описание реального события.

Арестовали Багрицкого, очевидно, в начале-середине мая. Николай Данилов вспоминал: «Приближался день 1 мая. В 1920 году он стал днем первомайского субботника. Была создана городская первомайская комиссия, и я оказался в ее составе. Числился там и Эдуард. <...> Однажды, незадолго до Первого мая, мы увидели Эдуарда за работой. Придя в помещение комиссии, он сел за свободный стол и сказал: «Сейчас напишу первомайские стихи».⁸

Рассказ Катаева был написан в конце 1920. Почему так точно? «Осенью 1920 г. (Багрицкий. – А. Я.) ездил с бронепоездом «III Интернационал». После приезда Олеси познакомили его с будущей женой».⁹ По второй версии, со слов самой Лидии Густавовны: «Жена познакомилась с Багрицким следующим образом. Привел его к ней Катаев.

<...> После этого стал приходиться довольно часто и уже спустя нескольких посещений сошелся со своей будущей женой». ¹⁰

Валентин Катаев вышел из ЧК 30 октября 1920. Его спас от расстрела Яков Бельский. О своем спасителе Катаев писал.

Кто спас Багрицкого? Случайность? Тот же Бельский?

Логика приговоров трудно понять – по одному и тому же обвинению могли как расстрелять, так и освободить. А Багрицкий и Бельский дружили – есть воспоминания Я. Бельского о поэте. Стал ли Яков Бельский ангелом-хранителем Багрицкого? Этого мы уже никогда не узнаем.

Но о том, как вел себя Багрицкий в ЧК и как он оказался замешан в эту историю – можно предположить. Лидия Густавовна Багрицкая-Суок утверждала: «Во время опасности не терялся, был очень находчив, никаких признаков паники не выказывал и очень не любил этого в других». ¹¹ А Валентин Катаев уверял: «Даже очень большое несчастье перенес бы спокойно, так же, как и большую радость». ¹²

По словам друга юности Бориса Скуратова, «Охотно шел на все, где мог найти романтику». ¹³ А что может быть романтичнее роли подпольщика?

Впрочем, Лидия Густавовна судила жестче: «Был совершенно аморальным человеком в отношении к людям. Не было ничего запрещенного, внутренне не дозволенного. Мог бы принять участие в каком-либо недозволенном законом поступке, причем мог быть в этом инициатором. Моральная сторона того или другого недозволенного действия не имела для него значения, за исключением одного правила, которое никогда не нарушил бы, – это нанесение материального ущерба товарищу, например, обокрасть

Багрицкий, 1920 г. Рисунок О. Марченко

товарища. В отношении же людей, не связанных с ним товарищескими узами, не испытывал никаких моральных задержек. Такая аморальность вытекала, по-видимому, из его общей установки к окружающему его быту и людям вообще – как к чему-то мало существенному, которое могло с одинаковым правом существовать или не существовать».¹⁴

Почему же Багрицкий никогда не вспоминал об аресте?

Можно дать этому два толкования, ссылаясь на Лидию Густавовну. Первое: «Создается впечатление, что если бы пришлось совершить какой-либо проступок, то это не было бы связано у него с внутренней борьбой. <...> Ему было бы неприятно вспомнить об этом впоследствии, и он постарался бы отделаться от этого, как от пристающих неудачников-поэтов, но каких-либо мучений, угрызений совести по поводу совершенного поступка он не испытывал бы».¹⁵

И второе: «Рассказывал только то из своей жизни, что мог подать или в плане анекдота, или же чем мог прихвастнуть и что мог приукрасить, что могло послужит материалом для воплощения его фантастических образов».¹⁶

Впрочем, об аресте Багрицкий помнил. Все, знавшие его в юности, отмечали любовь к грубым шуткам и розыгрышам. «Остроты иногда бывали чудовищны по построению и ходам, но всегда своеобразны, неожиданны и необычайно талантливы»,¹⁷ – писал Юрий Олеша.

И вот, выйдя из стен ЧК одесского, он организует ЧК в «Коллективе поэтов». Михаил Файнзильберг вспоминал: «Работники РОСТА, художники и поэты, объединившись в «Коллектив поэтов» (всего 15 человек), куда входил также и Багрицкий, собирались по вечерам на специально снятой для этого квартире, читали стихи, беседовали. <...> Багрицкий внес поразительное предложение организовать «Чрезвычайную комиссию по борьбе с бездарностью». Это предложение было принято, и Багрицкий был назначен председателем этой комиссии».

О том, что это было именно после освобождения, можно судить по тому, что питались поэты дынями, которых до июня месяца даже в Одессе быть не могло. Одно время Михаил и Эдуард жили в помещении «Коллектива поэтов»: «Вели ночью, совер-

шенно голые, длиннейшие разговоры на самые разнообразные темы, ели при этом дыни».¹⁸

Спустя девять лет, в 1929-м, Эдуард Багрицкий – то ли отголоском событий июня 1920-го, то ли напрочь вычеркнув из памяти случившееся с ним, – соединит в одной строфе побои и чекистов во «Вмешательстве поэта»:

Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы, –
Побоями нас нянчила страна!¹⁹

Примечания

¹ Галузевий архів СБ України. Ф 6., оп. 3, д. 285. Протоколы заседаний комиссии Одесской губ. чрезв. следств. комиссии с 28/II по 14/VI 1920.

² Нарбут В. Чека / Лава. – Одесса, 1920. – № 2, июль, с. 1

³ Н. Цапенко (1899-1938) был арестован и расстрелян 19 октября 1938. ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, д. 8333 – п.

⁴ Галузевий архів СБ України. Ф 6., оп. 3, д. 285.

⁵ Спивак М. Посмертная диагностика гениальности. – Москва, 2001, с. 86.

⁶ Катаев В. Бездельник Эдуард / Собр. соч. в 9. т. Т. 1. – Москва, 1968, с. 171.

⁷ Там же, с. 150-151.

⁸ Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. – Москва, 1973, с. 75-76. Н. Данилов пишет о стихотворении «Знаки», которое было опубликовано в газете Одукроста № 100 в августе 1920.

⁹ Спивак М. Посмертная диагностика гениальности... с. 97.

¹⁰ Там же, с. 178.

¹¹ Там же, с. 135.

¹² Там же, с. 123.

¹³ Там же, с. 153.

¹⁴ Там же, с. 140.

¹⁵ Там же, с. 140.

¹⁶ Там же, с. 152.

¹⁷ Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников... с. 31.

¹⁸ Спивак М. Посмертная диагностика гениальности... с. 97.

¹⁹ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. – Москва, 1964, с. 123.

Нейгауз: Гилельс, Рихтер – ученики чародея

Нету их – и все разрешено?

Феликс Кохрихт:

– Признаюсь, при многолетнем журналистском опыте не предполагал, что работа над темой, которую мы с Юрием Диким выбрали для диалога, не только займет много времени, но и потребует неоднократной переверстки уже набранного материала. И это притом, что, как убедятся читатели, мы придерживаемся сходных взглядов на коллизию, о которой пойдет речь, и, к тому же, уже не раз посвящали героям нынешнего повествования совместные публикации и телевизионные передачи.

Речь идет о чуде, которое случилось в Одессе в 10-20-е годы XX века, когда практически одновременно здесь (у нас) родились мальчики Миля и Додик, а спустя какое-то время появился и Светик, уроженец Елисаветграда, привезенный в Одессу в младенчестве. Им суждено было стать Эмилем Гилельсом, Давидом Ойстрахом, Святославом Рихтером – великими музыкантами, достоянием и нашего города и всего человечества.

Единство места, времени и действия.

Формула классицизма – классики.

Как и полагается при чуде, у него были и чародеи.

Петр Столярский – у Ойстраха.

Генрих Нейгауз – у Гилельса и Рихтера.

Как и многие представители и моего поколения, я был, да и остаюсь. преисполненным гордости и даже восторга перед

Генрих Нейгауз и Святослав Рихтер

ними. Собственно говоря, обстановка глубокого уважения и даже преклонения окружала наших земляков всю жизнь, но вот в последние годы Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер и их учитель – их творчество, наследие, их своеобразие, их частная жизнь, их взаимоотношения – стали предметом внимания не только серьезных и компетентных исследователей, но и недобросовестных музыковедов, журналистов и даже коллег и формальных

учеников, склонных к созданию обстановки скандалов и сплетен.

Перед тем как приступить непосредственно к изложению материала, назову вероятные причины того, что задуманный живой диалог за, скажем, кофе внезапно переформатировался в, во-первых, под воздействием карантина, которым Одесса была охвачена в марте и апреле, – он превратился в переписку (а эта тема для нас – не тот случай), а во-вторых, и это главное: каждый из нас оказался не готов к приему «журналист спрашивает – специалист отвечает». Каждый оказался склонным скорее к монологу.

Отношусь с волнением к предстоящему разговору с Юрием Диким и читателями нашего альманаха, потому что я, безусловный поклонник творчества великих – скрипача Давида Ойстраха, пианистов Эмиля Гилельса и Святослава Рихтера, привыкший взирать на них из зала филармонии (если повезет), слушать записи их выступлений на виниловых пластинках, волею судьбы оказался в молодые годы в среде, где Милю и Светика помнили и детьми, подростками, юношами.

В далекие ныне 20-30-е годы, вплоть до начала войны семья моей жены Татьяны дружила с Рихтерами. Мать Тани Наталья Сергеевна Вербицкая, праправнучка декабриста и дочь офицера-пограничника ротмистра Завалишина, имела много общего с родителями Светика – органистом Теофилом Рихтером и его супругой

Анной Павловной Москалевой. Все они и их окружение были классово чуждыми элементами, к которым советская власть относилась с большим недоверием... Я уже не раз рассказывали о том, как эти «унесенные ветром» люди создали свой мир, где молодая одаренная пианистка Наташа играла в четыре руки со Светиком – не вундеркиндом, а будущим титаном. Воспоминания об этом сопутствовали Святославу Теофиловичу всю жизнь, и он писал об этом своей одесской музе после концертов в Токио, Лондоне, Париже.

Я был внимательным слушателем бесед, которые вели Наталья Сергеевна и ее близкие. Признаюсь, меня удивила и даже огорчила звучащая в них нотка несколько снисходительного отношения к манере и стилистике игры Эмиля Гилельса, с которым Святослав Рихтер, образно говоря, делил трон короля фортепиано. Наталья Сергеевна и ее единомышленники отдавали предпочтение Светику...

Спустя время мы с Таней стали друзьями замечательной пары – Раисы Исааковны Ойгензихт и Семена Борисовича Горовица. Раечка (так называли ее и коллеги, и ученики) была доцентом одесской консерватории и научила искусству и мастерству не одно поколение пианистов и вокалистов. В этом доме в своем детстве, да и всю жизнь часто бывал Додик Ойстрах, и сюда приходили его письма и открытки из многих стран, где он выступал... Раиса Исааковна до войны работала с педагогами, у которых занимался Миля Гилельс, – он входил в ближний круг этой части одесской музыкальной интеллигенции. Нужно ли говорить, что здесь отдавали предпочтение Эмилю Гилельсу...

Тогда все это не смущало, а скорее забавляло меня и было схоже с той «вендеттой», которую вели поклонники Ренаты Тебальди с почитателями Марии Каллас, или «сыры» (жаргонное прозвище фанатов) Козловского и Лемешева...

Увы, давно уже умолкли в наших домах эти споры – пусть горячие, но неизменно полные преклонения перед музыкой и несомненного уважения к тем, кто каждый по-своему служил ей. Ушли не только те, кто помнил будущих музыкантов одесскими мальчиками, не достающими ногами до педалей рояля, но и те, кто учился с ними у великого педагога Генриха Нейгауза, а затем – у них, кто играл с ними в ансамблях. Вспомним только:

Ойстрах – Рихтер – Ростропович в Тройном концерте Бетховена с дирижером Караяном...

«Вот и все. Смежили очи гении. Нету их. И все разрешено!» – Давид Самойлов.

Если не все, то многое...

И тут я передаю слово Юрию Дикому – главе Миссии Давида Ойстраха и Святослава Рихтера, пианисту, педагогу, журналисту, общественному деятелю, знающему если не все, то поболее других о том, что мы собирались превратить в диалог, и что вылилось в наши монологи.

Юрий Дикий

«Пятьдесят оттенков серого» в поисках справедливости

Могу сразу предупредить читателя, что название статьи к известному фильму отношения не имеет, а несет в себе спектральное разнообразие и богатство мотиваций в подходах к главной человеческой ценности – человеческой жизни, отраженной в биографических фактах. Тем более если это «Жизнь замечательных людей».

Вокруг имен наших великих земляков всегда был, есть и, вероятно, будет богатейший спектр мнений в публицистической полемике. Их гений, уникальные индивидуальные особенности, эпоха, да и сами биографии часто провоцируют на не унимающуюся разногласию.

Появление книжной подборки Григория Гордона, посвященной Эмилю Григорьевичу Гилельсу, значительно обогатила материалы вокруг имен Святослава Теофиловича Рихтера, Эмиля Григорьевича Гилельса и их учителя – Генриха Густавовича Нейгауза. Поднят новый исторический пласт профессиональных и человеческих отношений в музыкальной среде, формирующий новые подходы к антологии музыкальной культуры XX века в восприятии нынешних поколений...

Эмиль Гилельс

Я много лет непосредственно и косвенно не только связан с их близким окружением, но и непосредственно соприкасался с Э.Г. Гилельсом, и просто обязан включиться в полемику о событиях, подтверждающих или опровергающих некоторые «фантазии» в публикациях даже весьма авторитетных авторов, поскольку речь идет о наших земляках, родившихся и формировавшихся в юности на нашей земле.

После выхода книг Григория Гордона, начиная с первой – «Эмиль Гилельс. За гранью мифа», стремительно возросло количество откликов на них со стороны почитателей гения Э.Г. Гилельса. Это говорит о сохраняющемся интересе современников к их творчеству и биографиям. Однако в них имеют место и откровенные нападки на С.Т. Рихтера и Г.Г. Нейгауза, диапазон которых охватывает и фортепианную педагогику, и их биографии, вплоть до моральных качеств. Достаточно вспомнить высказывания А. Гаврилова из его книги в адрес С. Рихтера.

А вот и цитата из новейшей публикации А. Локшина в журнале «Сноб» под названием «Кульминация...»: «...Тот факт, что Рихтер – фактически не скрываясь, – уцелел в Москве после депортации немцев, не может быть объяснен способом, предложенным самим Рихтером. Иными словами – Рихтер солгал, а Андрей Гаврилов и Г.Б. Гордон ему поверили. Я вижу только одно объяснение изложенным фактам: работа Рихтера на Лубянку».

То есть уже добрались до якобы «фактов стукачества» С.Т. Рихтера, а не только его моральных характеристик, впрочем, как и его учителя Г.Г. Нейгауза. Между тем задолго до изданий Г. Гордона и А. Гаврилова, как и последних публикаций Е. Федорович, еще в прошлом веке появились очерки Надежды Кожевниковой, в которых внешне весьма обоснованно приводились и подлинные факты если не трагической, то, безусловно, драматической биографии Э.Г. Гилельса, правда, преимущественно в границах тематики «художник и власть».

Тематика этих публикаций перекликается с книгами Соломона Волкова, прежде всего – «Шостакович и Сталин. Художник и царь», где автор всколыхнул полемический пласт оценок во взаимоотношениях художественной интеллигенции и властных структур.

Но таких примеров множество и в других изданиях. Достаточно вспомнить книгу Г. Вишневской «Галина. История жизни», неоднократно переиздававшейся, в которой не без оснований было доказано, как оппозиционное творчество часто помогало дальнейшему росту широких профессиональных оценок. Это была эпоха переосмысления сталинского периода, продолжающаяся и поныне в пересмотре всего материала выдающихся биографий, в том числе Нейгауза, Рихтера и Гилельса, в конгломерате прошлых и появившихся нынешних оценок.

Мы помним рамки этого официоза у перечисленных имен – в званиях и наградах, вплоть до «Героев Соцтруда», в полной мере определяющих все, что касалось биографий представителей «соцреализма»...

Исторически сложилось так, что в советский и постсоветский периоды Э.Г. Гилельс был в особом фаворе у одесситов. Он приезжал в наш город – многие помнят его последний юбилейный концерт в оперном театре в 1979 году.

Нынче в среде тех, кто считает себя верными поклонниками творчества Гилельса, распространяются сведения о его «забвении», что в значительной мере привязано к политической плоскости смены эпох. Довод базируется на том, что Гилельс долгое время был олицетворением культуры советского периода, в том числе сталинского, и это повлекло снижение интереса к его творчеству в постсоветский период. Как существует и утверждение, что в определенный период Гилельс как бы потерял властную поддержку, тогда как Рихтер все больше ее обретал.

И при этом почти не упоминается о привязанности Гилельса к семье Н.С. Хрущева в период его опалы, о том, что он до конца своих дней дружил с его дочерью Радой и зятем – Алексеем Аджубеем. Разве это «вольнодумство» Гилельса не противоречило брежневскому политическому климату? И уж совсем выпадают из поля зрения полемистов последствия смены министров культуры того периода – Е.А. Фурцевой (ткачихи, ценившей гений Э. Г.) на выпускника московского университета П.Н. Демичева, в период правления которого (1974-1986 гг.) интерес вождей к классической музыке практически исчез. Лишь изредка Гилельса и других выдающихся исполнителей приглашали на «датские» концерты в Кремлевском дворце съездов, где они выступали между самодеятельными танцами и песенными здравицами.

В период «Оттепели» значительно выросло число зарубежных поездок музыкантов, приносящих финансовый доход государству. Именно тогда С. Рихтер получил «разрешение» на зарубежные гастроли. Сначала его с осторожностью выпустили в страны соцлагеря. Но тут важно отметить, что новое – постсталинское начальство руководствовалось и другими соображениями: фактом реабилитации отца Рихтера, Теофила, демонстрируя Западу политические перемены в СССР. Думаю, что именно после письма Святослава Теофиловича Н. Хрущеву о невиновности расстрелянного отца новый вождь впервые узнал о существовании великого пианиста...

Следует подчеркнуть, что как раз в этот период не было признаков разногласий среди поклонников творчества великих музыкантов. Музыкальная критика того периода под неусыпным идеологическим надзором марксистско-ленинской эстетики ревностно следила за единством рядов представителей советской культуры, собирая

к общему знаменателю и религиозную М.В. Юдину, и «послушного» П. Серебрякова. Именно так и Рихтер, и Гилельс оказались в заоблачных высях героев, народных и лауреатов Ленинских премий.

Дисбаланс в росте рядов поклонников Рихтера и Гилельса, якобы сложившийся в значительной мере под влиянием авторитета Нейгауза, абсолютизации им рихтеровских достоинств (факт, который нелепо полностью отрицать), прямолинейно развивает Е. Федорович. Она утверждает: «Была громадная необъективность Генриха Нейгауза, который обожал, преклонялся, обожествлял... у меня не хватит эпитетов, чтобы выразить то, что Нейгауз демонстрировал по отношению к Рихтеру. А Гилельса он по каким-то ему лишь видимым причинам явно недолюбливал... (...) Славословие (увы, у пианистов уже есть термин «Славослăвие...), лившееся в адрес Рихтера, можно сравнить только с восхвалениями Сталина в период его правления».

Не хочется именовать профессионалов-ученых (в частности, доктора педагогических наук Е. Федорович) дилетантами, но порой их суждения поражают эквилибристикой с фактами. Действительно, в обществе наблюдался рост интереса к биографии Рихтера при некотором *diminuendo* в адрес и Гилельса и Ойстраха. Не последнюю роль играли опубликованные драматические обстоятельства расстрела его отца в 1941 году энкавэдистами или педалируемое так называемое «предательство матери»... Как раз в этот период обрастает легендами его одесская биография, ампутированная до этого и прежде тщательно прилизываемая биографами, Сказывались «факт» рихтеровского «отказа» выступать в Одессе и якобы чуть ли не его «ненависть» к городу юности.

Противоречивые высказываниями Рихтера в средний и поздний периоды жизни, чего греха таить, неординарность его поведения, порой нарочитая театральность (подхваченные не только А. Гавриловым, но и близкими, и не близкими к Рихтеру друзьями), вперемешку делали свое дело.

Его многозначительное «отмалчивание» об Одессе – вплоть до появления фильма Б. Монсенжона «Непокоренный Рихтер», контрастировало с, образно говоря, романом взаимоотношений великого пианиста и Одессы, что и пытались показать в своих публикациях В.А. Смирнов и В.С. Максименко. В Житомире появились

интереснейшие публикации Г.П. Мокрицкого. Да и история семьи Вербицких-Завалишиных, тесно связанная с семьей Рихтеров, внесла немало новых аспектов его одесской юности.

Об одесском периоде становления Рихтера я рассказал Бруно Монсенжону – французскому режиссеру, автору фильмов о выдающихся музыкантах XX века. При наших встречах сначала в Одессе, потом в Житомире его особенно заинтересовали подлинники фотографий молодого Рихтера, который, как и Гилельс после Всесоюзного конкурса, в довоенный период надолго срывался в Одессу.

Драматическая (а может, и трагическая) история семьи Рихтеров действительно отличалась от внешне стандартного течения жизни Е.Г. Гилельса и Д.Ф. Ойстраха, что было обусловлено особенностями их личностей и судеб. И в этих качествах Гилельса и Ойстраха, их «спокойных» биографиях, их внутренней моральной цельности – основа их неприятия внешней театральности.

В отличие от Е. Федорович, уверен, что их бы не обрадовала бушующая «кухонная» полемика сторонников, жонглирующая фактами их «обид». К примеру, пианистка Елена Кушнерова (проживающая в США и Германии), интервьюировавшая Е. Федорович, прямым текстом озвучивает буквально следующее: «...Зла Гилельсу Нейгауз принес много. Это не только отказ ему в переводе в Москву в 1932 году или даже нежелание с ним заниматься. Это постоянные колкости, двусмысленности, выпады типа «отсутствия общей культуры», намеки на некую духовную недостаточность Гилельса... Это продолжалось всю жизнь, и даже после смерти Нейгауза тему эту подхватили завистники Гилельса. Именно отсюда растут корни недооценки Гилельса у нас в стране. Нейгауз свое субъективное мнение со страшной силой распространял на всех читающих...».

И Н. Кожевникова, и Г. Гордон опираются на тиражируемое высказывание Г.Г. Нейгауза: «Гилельс – активный комсомолец. Огромная чисто пианистическая одаренность Э. Гилельса ставит перед ним высокую задачу быть не только первоклассным профессионалом-исполнителем, но и представителем высокой культуры, насыщенной идейным содержанием». Таким образом, Нейгаузу ставятся в вину художественные требования к музыкантам, наполнявшие всю его жизнь – от раннего детства до самой смерти.

Обратимся к последнему периоду жизни Г.Г. Нейгауза – к его оценкам одареннейших музыкантов. Расскажу о том, что знаю достоверно. Генрих Густавович периодически приезжал в Одессу и наблюдал за становлением и развитием Жени Могилевского, с которым я учился с первого класса в школе Столярского. Сын прекрасных педагогов Серафимы Леонидовны Могилевской (ученицы Нейгауза) и Гедеона Израилевича Лейзеровича (ученика К.Н. Игумнова) на наших глазах проявлял выдающиеся музыкальные способности. Его творческая биография известна многим, как и педагогические принципы родителей. Вот что пишет о нем Нейгауз в последние годы жизни: «Могилевский исключительно одаренный юноша! В виртуозном отношении он уже вполне владеет... вершинами фортепианного искусства...». А далее следуют не «претензии» Нейгауза к исполнению им Ариетты 32 сонаты Бетховена, а «художественные пожелания» наивысшего порядка: «...Дело невозможное – хорошее исполнение Ариетты молодым человеком, еще не успевшим приобщиться к вершинам духовной культуры, не *пережившим* Гете, не предававшимся философским раздумьям, не размышлявшим о религиозных верованиях... (...) Не дало ему возможности приобщиться, за недостатком времени и должной духовной работы, к высшей, изощренной духовной культуре, без которой самый даже талантливый пианист – в наше время, когда «все умеют хорошо играть» немыслим и неприемлем».

Это притом, что именно восемнадцатилетний Женя Могилевский повторил успех Гилельса 1938 года (будучи младше его) на Брюссельском конкурсе 1964 года, вызвав восторг и жюри, и королевы, и публики, рыдавших вместе с ним при исполнении Третьего концерта Рахманинова.

Когда читаешь «претензии» к Нейгаузу, создается впечатление, что их авторы даже не заглядывали в главы нейгаузовских «Размышлений. Воспоминаний. Дневников».

Обиделись ли родители Е. Могилевского на Нейгауза за данную им оценку их сына? Знаю, что ничуть. Во всяком случае, Серафима Леонидовна спустя много лет в интервью, данном мне в Кельне, очень критично оценивала дальнейшую музыкальную судьбу сына – после смерти Нейгауза и непродолжительной учебы у Станислава Нейгауза, вскоре перешедшего к Я.И. Заку. Ее слова сразили меня

наповал, когда она сказала, что при переходе к Я.И. Заку она «потеряла в художественном отношении сына. А вот внук Саша – он мой!».

Сравните сказанное с мнением Е. Федорович: «...Наконец, Нейгауз, который странным образом совершенно не понял дарования Гилельса, за полгода до Всесоюзного конкурса отказал ему в переводе в Московскую консерваторию. И это – после того, как Гилельсу уже дали восторженную оценку Артур Рубинштейн и Александр Боровский, причем не сговариваясь! А Нейгауз решает, что все пианисты в Московской консерватории – лучше Гилельса...».

Обыденность «одессизмов» как упрек Нейгаузу в оценках одесской фортепианной школы, и якобы проявляющихся в гилельсовской игре, не расшифровываются в приведенных публикациях, а ведь эта тема заслуживает особого внимания. Наиболее убедительно говорил об одесской специфике Я.И. Зак: «В Одессе было очень специфично... Я помню, как мы играли гаммы, начиная с самых детских лет. И на экзаменах всегда нас спрашивали гаммы. Да у меня остались на всю жизнь эти гаммы. ...Этюдov играл огромное количество... Как эти этюды играл Гилельс! Прямо-таки страшно играл! Рихтера я в такой роли не помню. Он играл всегда музыку, хотя в консерватории его и не было видно». Не правда ли, недвусмысленная оценка различий, к которым в нашем контексте нечего добавить.

Анализ творчества Рихтера, да и Гилельса, Ойстраха (за редкостью их концертов в Одессе)... для одесситов был в основном виртуальным, через звукозапись, и максимально дистанцированным. Как и до войны, шутки в адрес Э. Г. – «теперь он об Одессе и не вспоминает, а знает только Лондон и Париж...» – могли перекрываться только банальными хвалебными рецензиями, мало отличающимися друг от друга и передающими общеизвестные трюизмы. Так продолжалось до тех пор, пока не наступило «переосмысление» – к концу XX века. Латентность особенностей его второй половины в новом тысячелетии оказалась выявленной явно обиженной стороной через разносторонний «тругольник»: Рихтер – Нейгауз – Гилельс.

«Смысл в переосмыслении» к концу XX века был обусловлен во всех жанрах, а музыкальное исполнительство не исключение, в особенности когда ушли великие музыканты – Г.Г. Нейгауз (1964), Д.Ф. Ойстрах (1974), Э.Г. Гилельс (1985), С.Т. Рихтер (1997). Они уже не могли возразить, спорить, опровергать. И не случайно С. Рихтер

незадолго до кончины жаловался Б. Монсенжону в его знаменитом фильме «Непокоренный Рихтер»: «Обо мне говорят и пишут такие небелицы, такую чушь, что я спрашиваю себя, кто мог все это выдумать».

Еще при жизни Рихтера Н. Кожевниковой был взломан «ящик Пандоры» против Нейгауза, впоследствии подхваченный рядом авторов и негативно определявший «качества» личности и характера человека, призванного формировать гениальных музыкантов. Примечателен практически не известный факт неожиданных нейгаузовских оценок в предвоенные годы, рассказанный мне в интервью для фильма о Рихтере ныне покойной заведующей вокальным отделом нашего музыкального колледжа им. К.Ф. Данькевича, бабушкой одной из моих выпускниц Адой Иосифовной Садомской. Она вспоминала о приезде Нейгауза в Харьков перед войной в качестве председателя выпускной государственной комиссии. На встрече с коллективом консерватории ему был задан вопрос, кого он считает наиболее одаренными молодыми пианистами в тот период. Нейгауз назвал Якова Флиера и Святослава Рихтера (в то время мало известного студента). После переезда в Одессу она рассказала этот эпизод отцу Рихтера.

Гилельс к тому времени был уже дважды лауреат, и понятно, это не могло его не задевать, что и подчеркивается в каждой новой публикации – в обвинениях Нейгауза.

В моем понимании у гениев есть некая нерасторжимость художественных смыслов с их биографическим становлением. Часто приходится цитировать И.С. Баха – «Искусство это жизнь, а жизнь это искусство» Тогда как у высокоодаренных людей далеко не всегда художественные идеалы полностью доминируют над их интересами и устремлениями в жизни. Кто-то из крупнейших ученых считал, что настоящий исследователь готов к любой плате за научную деятельность (реверсия Фаусту), что вполне соотносимо с творческими муками художников. Эти две стороны медали многих одаренных людей – своеобразная «баррикада» между идеалами и реальностью. Шопенгауэр точно подметил в своих «Афоризмах...», что «только гений избирает абсолютной темой своего бытия жизнь и сущность предметов, и глубокое их понимание стремится выразить, в зависимости от индивидуальных свойств, в искусстве, поэзии или философии».

Претензии к Нейгаузу, якобы не распознавшему в молодом Гилельсе гения и не проявившему к нему интерес, в отличие от С.В. Рахманинова и ряда других выдающихся музыкантов довоенной поры, своей наивностью (да простят меня и Гордон, и Федорович) заставляют более подробно остановиться на их притязаниях.

Во-первых, и С.В. Рахманинов, и другие несомненные авторитеты, такие как Антон Григорьевич Рубинштейн, как правило, положительно оценивали просто одаренных музыкантов, предвещая им большое будущее, но отнюдь не предопределяя их гениальность. Сам Рахманинов в своих воспоминаниях приводил оценочные суждения Антона Рубинштейна, говорившего: «Сейчас все хорошо играют!». И действительно, все эпохи насчитывают не один десяток знаменитых музыкантов, подвергшихся забвению.

Социум в распространенных оценках поначалу, как правило, не заблуждается. Более того, при этом часто ошибаются профессионалы самого высокого уровня, будучи весьма одаренными людьми. Так было с оценкой композиторских возможностей И.С. Баха, не говоря уже о баховских сыновьях, его наиболее выдающимися современниками, например Маттезоном и Шейбе.

Но как раз именно в довоенный период 38-39 гг. Г.Г. Нейгауз выдал беспроигрышный аванс С.Т. Рихтеру, когда тот в качестве абитуриента попал на прослушивание к Мастеру. Кто только ни цитировал слова Нейгауза с их первого знакомства – «кажется, он гениален» – с диаметрально противоположных позиций, как раз в период звездного часа молодого Гилельса. Как так – артист мирового признания Эмиль Гилельс, у которого конкурсы: Всесоюзный (1933), Шопена (1936) и Изаи (1938); и какой-то «возрастной» (22 года) абитуриент Рихтер (1937), нигде не учившийся, и вдруг – «гениален»?!

На первый взгляд, нонсенс – профессиональная недалекость (?!), претенциозность (?!), снобизм (?) или скверный характер Нейгауза, о котором пишет не только Н. Кожевникова, Г. Гордон, Е. Кушнерова, Е. Федорович, А. Огарева... Что гениального обнаружил или услышал у абитуриента, который «нигде не учился», признанный мастер Генрих?

Но, может быть, в этом наитии – и великая прозорливость Генриха Нейгауза, учителя-чародея, сумевшего не только углядеть будущее величие ученика – Святослава Рихтера, но и помочь ему раскрыться.

Литературный музей. Стенд на выставке, посвященной С. Рихтеру. Письма и фотографии, рассказывающие о жизни юного пианиста в довоенной Одессе

Тут бы и отбросить обыденный фактаж с переизбытком пересудов о Нейгаузе и попытаться разобраться в мотивах особенностей его слышания! А поиски возможны в особенностях становлении духовного облика Г.Г. Нейгауза, его художественного миропонимания, если хотя бы изучить мотивы его художественных притязаний к себе. Труды Генриха Густавовича Нейгауза, его дневники, письма, его богатейший архив, наконец, воспоминания его коллег, учеников, среди которых и одесситы Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Людмила Гинзбург, Серафима Могилевская, Евгений Могилевский, – источник для добросовестных исследователей и последователей, да и критиков этой великой школы.

От редакции.

Начатый сегодня разговор, по нашему мнению, достоин продолжения. Приглашаем присоединиться к нему и тех, кто согласен с основными положениями наших рассуждений, и тех, кому есть что сказать в противовес им по существу.

Виталий Абрамов

Художник и педагог Антон (Вильгельм) Бауэр

В 2014 году в Одесском художественном музее (ОХМ) прошла выставка «Одесские художники «шестидесятники» XIX века», на которой экспонировалось два произведения художника Бауэра. Интрига заключается в том, что если доверять опубликованным источникам, в художественной жизни Одессы второй половины XIX века существовало два фигуранта с одинаковой фамилией, именем и отчеством – Бауэр Бруно Альбертович. Один из них – архитектор. Родился в 1871 году в Петербурге. Был сыном немецкого колониста из Люстдорфа. После окончания Института гражданских инженеров в 1907 году был принят на должность архитектора Новороссийского университета [1, с. 369; 2, с. 155]. В 1913 году он значится также в списках членов Одесского общества изящных искусств [3].

Другой Бауэр Бруно Альбертович был художником. Предельно краткие сведения о нем опубликованы в каталоге Одесского художественного музея и предваряют каталожное описание двух его произведений в музейном собрании: «Бауэр Бруно Альбертович. Художник мюнхенской школы. В 1880-х годах жил в Одессе, преподавал в Одесской рисовальной школе» [4, с. 13].

Известно, что в Одесской школе рисования и черчения с осени 1869 года и в течение последующих 15-ти лет преподавал художник Мюнхенской академии художеств по фамилии Бауэр. Оставалось установить его имя. И тут обнаружилось, что в многочисленных упоминаниях этой фамилии в опубликованных и архивных отчетах Одесского общества изящных искусств и школы рисования имя Бауэра не упоминается. И только в известном юбилейном справочнике Императорской Академии художеств, состав-

ленном С.Н. Кондаковым и изданном в С.-Петербурге в 1914 году, в разделе «Почетные вольные общники» (с. 308) обозначено имя художника – Антон, а не Бруно.

Заметим, что сам художник, как видно из его переписки с Петербургской Академией художеств, приведенной ниже, именовал себя Вильгельмом.

В упоминаемой выше переписке художника с Академией художеств отмечено, что он был прусско-подданным, получившим гражданство Российской империи. Когда это произошло – не установлено. Электронный ресурс Мюнхенской академии художеств (Matrikelbücher der Akademie der Bildenden Künste, München, 1809-1920) [5] среди ряда учащихся с фамилией Бауэр высвечивает и Антона Бауэра, который поступил в академию по специальности «историческая живопись» 8 ноября 1825 года в возрасте 14 лет.

А это означает, если мы на правильном пути, то художник родился в 1810-м или 1811-м году. Также указано, что он уроженец города Вайльхайм (Weilheim), его отец был серебряных дел мастером. До 1869 года биография художника остается неизвестной.

Произведения Бауэра на выставках

Наиболее раннее известное нам свидетельство пребывания художника в Одессе относится к июлю 1869 года. На 4-й выставке Одесского общества изящных искусств, устроенной в доме Райха на Коблевской улице, появляются 14 произведений Бауэра в числе других 138 экспонируемых произведений, в том числе взятых из галерей кн. Воронцова, Н.А. Новосельского и работ местных художников Р. Хойнацкого, С. Плиса, П. Бони и других. Согласно каталогу выставки, произведения художника были выставлены в «зале рисунков на бумаге»:

- № 62 – «Фрукты»;
- № 152 – «Вид Бухареста». Масло;
- № 153 – «Вид Бухареста». Масло;
- № 154 – «Вид реки». Карандаш;
- № 155 – «Деревня»;
- № 156 – «Вид каскада»;

- № 157 – «Вид каскада»;
- № 158 – «Лунная ночь при реке»;
- № 159 – «Лунная ночь при горах»;
- № 160 – «Заход солнца»;
- № 161 – «Лунная ночь»;
- № 163 – «Ураган»;
- № 164 – «Вид реки»;
- № 165 – «Бегство Лота с дочерьми».

В каталоге есть любопытная приписка к перечню произведений художника: «Картины принадлежат фантазии художника. Все картины – собственность Бауэра» [6, с. 7]. Как видим, все представленные работы, исключая «Бегство Лота с дочерьми», – пейзажи. Судя по названиям некоторых из них, в частности «Вид Бухареста», они каким-то образом связывают художника с Румынией.

Кроме упомянутой выставки 1869 года в Одессе Бауэр участвовал в 1873 году в выставке Императорской Академии художеств. Свидетельство тому – письмо художника в академию:

«В 1873 году на отношение Императорской Академии художеств посланы были мною через посредство Одесского общества изящных искусств для выставки мои работы, вместе с работами моих учеников, а также девять рисунков с приложением предложенных цен, а именно: 6 ландшафтов по 50 руб. – 300 руб., 1 Венера, Амур и Геркулес – 200 руб., 1 эскиз театральной занавеси – 100 руб., 1 – разорение Содомы – 100 руб. / 700 руб.

Работы моих учеников возвращены, мои же нет, потому почтительнейше прошу Вас выслать в возможно поспешном времени консерватору Одесского общества изящных искусств г-ну Иорини, на Нежинской улице в доме Яковлева. Просьбу эту осмеливаюсь повергнуть милостивому Вашему вниманию, так как будучи обременен многочисленным семейством, я едва могу существовать, почему и рассчитываю только на сбыт моих работ, которые могут быть проданы здесь. При этом при доставке находился также мой рисунок, представляющий Святое семейство, который был прислан Обществом с просьбой сообщить разрешение на его умножение. Почтеннейше прошу возвратить мне его тоже, ибо он был приобретен у здешнего фотографа и частью только оплачен. Буде при обратной доставке встречаться какие-либо препятствия,

то покорнейше прошу соблаговолить сообщить мне об этом. Полагаюсь на благосклонное внимание Ваше к моей просьбе, имею быть с особенным почтением. Ваш преданнейший слуга, живописец В. Бауэр.

15 июля 1875 года Одесса, адрес: в доме Склифосовского на Полицейской площади в городе Одессе» [7, л. 3-5].

В ответе Академии художеств А. Бауэру от 16 августа 1875 г. читаем: «Правление Императорской Академии художеств имеет честь уведомить художника Бауэра, на заявление его от 15 июля, что находившиеся на Академической выставке рисунки Ваши, вместе с сим, отправлены, согласно желанию Вашему, к консерватору Одесского общества изящных искусств г. Иорини. Что же касается утверждения права собственности на издание рисунка «Святое семейство», то для него необходимо выполнить все условия, требуемые 322 ст. XIV т. Уст. ценз. свода закона 1857 года» [7, л. 3-5].

Исходя из приведенного выше небольшого перечня произведений А. Бауэра на выставке в АХ, отметим, что он работал и как театральный художник. Время проведения выставки не установлено. Об успехах учеников А. Бауэра на выставке дает представление «Историческая записка Одесского общества изящных искусств с 28 февраля 1865 по 28 февраля 1875 года», из которой видно, что в 1873 году в Петербург было послано 67 рисунков карандашом и тушью [8, с. 20]. В сведениях за 1874 год читаем: «Высланные в предшествовавшем году в Императорскую Академию художеств рисунки учеников обратили на себя внимание. До сведения Совета дошло известие, что рисунки Федорова, Красовского и Кирилла Костанди удостоены награждения серебряной медалью, а пятерым ученикам школы Общества Карцеву, Овчаренко, Строгову, Драго и Суриновичу присуждены похвальные листы» [8, с. 22].

В цитированном выше письме в академию Бауэр жалуется на свое тяжелое материальное положение в связи с необходимостью кормить большую семью. Л.О. Пастернак писал, касаясь этой темы: «...несчастливый, видимо он нуждался, обремененный семьей...». Л. Пастернаку вторит в своих мемуарах его соученик по школе С. Кишиневский: «Жалование его (Бауэра. – В. А.)

ничтожное, что-то семьдесят пять рублей в месяц: то, что он ходил в плеле и не имел шубы, уже доказывало его малую состоятельность» [9, с. 25].

Примечательно, что в отчетах Общества изящных искусств за 1876-й и 1877-й годы отмечены учащиеся рисовальной школы Александр Бауэр, Максим Бауэр и Антон Бауэр; в музыкальной школе в то же время училась София Бауэр. Были ли они представителями семейства Бауэра?

Завершая раздел о выставочной деятельности художника, отметим, что в 1875 году он экспонировал на выставке Общества изящных искусств рисунок «Амур и Психея» [10], и, наконец, в 1884 году на выставке картин, устроенной Обществом изящных искусств, были показаны два произведения мастера:

№ 141. «Идиллия»;

№ 144 «Разрушение Иерусалима» [11. с. 19-20].

Работу «Разрушение Иерусалима» описал ученик А. Бауэра С.А. Кишиневский: «Картина эта наполовину символического характера. Рядом с разрушенным городом был изображен и Иеремия. На переднем же плане видны были несколько евреев» [9, с. 24].

А. Бауэр – преподаватель школы рисования и черчения Одесского общества изящных искусств

Начало преподавательской деятельности А. Бауэра относится к 1869 году и совпадает с некоторыми изменениями в составе педагогического коллектива. Оставляет школу ее директор Ф. Мальман, появляются в качестве преподавателей школы выпускники Императорской Академии художеств. Открыты ремесленные классы. В октябре 1869 года совет Общества изящных искусств сообщает о распределении курсов в школе по новым программам. В частности – «класс рисования с оригиналов (фигуры и пейзажи), начало анатомии, рисование с бюстов ведет преподаватель франкфуртской (здесь явная ошибка. – В. А.) и других академий художник Бауэр» [12]. Согласно ежегодно публиковав-

шимся отчетам общества и школы, А. Бауэр преподавал в школе в течение 15-ти лет. К примеру, в 1875 году он вел: а) масляную живопись, б) рисование карандашом. Класс его посещало более 100 учеников. Оба отдела этого класса обнимали собою рисование пейзажей и предметов мертвой природы, рисование с гипсовых фигур и оригиналов. Лучшие успехи оказали: Георг Дмитриенко, Марк Гольштейн, Семен Драго, Николай Карцов, Артур Красовский» [13, с. 8]. Список отмеченных учеников А. Бауэра весьма красноречив. Семен Драго (1864-1904) – жанрист и анималист, после рисовальной школы обучался в Петербургской АХ, позже преподавал в той же рисовальной школе. Николай Карцов стал портретистом, участником «весенних выставок» одесских художников 1896-1902 годов. Произведения этих мастеров хранятся в Одесском художественном музее. Георгий Мелентьевич Дмитренко (1858-1918) стал видным одесским архитектором и серьезно занимался живописью, экспонируя свои произведения на выставках. Артур Красовский (1848-1930-е гг.) – живописец, рисовальщик. После окончания рисовальной школы был зачислен в штат ее преподавателей. Добавим к этому списку известных мастеров К. Костанди (учился в 1870-1874 гг.), П. Нилуса (начал обучение в 1883 г.), В. Бальца (учился в 1881-1883 гг.). Двое учеников А. Бауэра – Л.О. Пастернак и С.Я. Кишиневский, окончившие рисовальную школу в 1883 году, отправились продолжать учебу в королевской АХ в Мюнхене. Много позже каждый из них ярко описал своего учителя в воспоминаниях.

Леонид Осипович Пастернак, обучавшийся в Одесской рисовальной школе в 1879-1881 годы, в известной своей книге «Записи разных лет» создает яркий образ своего преподавателя Бауэра. Правда, в приводимом ниже тексте Л.О. Пастернака нет упоминания его имени. Пастернак пишет:

«Еще гимназистом старших классов, в 1879 году я поступил учеником в Одесскую рисовальную школу... Весь преподавательский персонал состоял из двух человек: итальянца, старого Иорини (скульптура и начальное рисование с образцов) и немца Бауэра, который вел все остальное, т. е. то, что в других школах называлось классами: гипсовым, головным, фигурным и натурным.

Таким образом, моим преподавателем был Бауэр. Мы подружались, несмотря на его строгость и суровость, из-за которых его все боялись. Он был типичным немцем и едва говорил по-русски. Он принадлежал к «Назарейской школе» (Корнелиус, Овербек и другие), что-то дома писал, все «от себя». Несчастливый, видимо, он нуждался, обремененный семьей. Школа же платила гроши: она сама едва влачила существование, не имея средств от государства. Бауэр аккуратно приходил ежедневно, садился у окна на стул и читал книгу, или садился, курил и думал, все о чем-то думал. Изредка подходил к какому-нибудь ученику, что-то говорил, едва понятное русскому человеку – и только слышно было «шорт знай» («черт его знает»). Я был в это время уже в восьмом классе гимназии, говорил немного по-немецки, и потому со мной ему было легче, чем с другими; он давал мне советы, видимо, он много знал, но что-то было у него такое, что говорило о несчастной судьбе. Мне было его жаль, и я часто старался говорить с ним об искусстве, что отвлекало его от дум и поднимало настроение...» [14, с. 22-23].

С.Я. Кишиневский писал: «Профессор живописи Бауэр, художник Мюнхенской академии художеств, был старик маленького роста с короткою, широкою, седою и прегустою бородою и с такими же седыми, огромными, закопченными от вечного курения усами. Густые брови покрывали безмятежный взгляд его светло-серых глаз. Бауэр всегда носил мягкую черную с широкими полями шляпу и зимою никогда не расставался со своим пледом. Он также не владел русским языком. «Что ести! – Это не карашо! – Это ести швинство! Делать так!..» – этим ограничивалось его знание русского языка. Наш профессор был недурной пейзажист, но писал и жанровые картины. Одна его такая картина была на тему «Ромео и Джульетта». Изображала она момент расставания влюбленных. [...] В своей пейзажной живописи Бауэр всецело находится под влиянием художника-романтика Роттмана, его фрески-пейзажи в Мюнхене, в аркадах дворцового парка. ... Но мы учились и работали в полосе 70-х и 80-х годов. Это было время трезвого реализма, натурализма и демократического искусства. [...] Бауэр же был романтик и классик с головы до ног. [...] Мы любовались картинами нашего профессора, но в то же время мы как-то их не постигали, идеология его картин была нам недоступна. Бауэр

не особенно был рад, когда я и Пастернак прощались с ним, уезжая в академию в Мюнхен. «Можно и здесь научиться», – сказал он. Но когда мы послали ему из Мюнхена наши визитные карточки, на которых значилось «студенты Мюнхенской академии художеств», он, как нам передавали, заплакал от радости...» [9, с. 24].

Выше отмечалась любопытная приписка Бауэра, сопровождавшая перечень его произведений в каталоге 4-й выставки Общества: «картины принадлежат фантазии художника». Тем не менее художник работал и с натуры, выезжая с учениками на природу в пригороды Одессы. Об этом свидетельствует небольшая и проникновенная глава «Экскурсия» в мемуарах С. Кишиневского [9].

А. Бауэр – почетный вольный общник Академии художеств

В 1875 году Министерство народного образования и частных рисовальных школ ходатайствовало перед советом Императорской Академии художеств о признании иностранного подданного Бауэра почетным вольным общником академии [15]. Согласно «Прибавлению к установлениям Императорской АХ» 1830 года, это звание присваивали в том случае, когда формальные причины препятствовали получению звания классного художника, профессора или академика. И таким препятствием явилось то, что до 1875 года Бауэр оставался иностранным подданным. В личном деле Бауэра в АХ сохраняется следующий документ:

«В уважение познаний в художестве и приносимой пользе, преподавателя школы Одесского общества изящных искусств Бауэра, признать и почитать своим почетным вольным общником. В утверждении чего дан сей диплом за подписанием президента и с приложением академической печати.

Ноября 4 дня 1875 года

Подписано: Товарищ президента Владимир.

Подписано: конференц секретарь Исеев».

7 июня 1876 года академия направила в Одесское общество изящных искусств сообщение:

«Правление ИАХ, препровождая при сем диплом на присуждение преподавателю Бауэру – звания почетного вольного общника академии, покорнейше просит о выдаче диплома по принадлежности.

Подпись: конференц секретарь Исеев.

Секретарь: Югидилов» [16, л. 6, 7].

Одесская пресса 1876 г. сообщала: «Бауэр – художник Мюнхенской академии, получил диплом и звание почетного члена С.-Петербургской Академии художеств», «Преподавателю рисования и пейзажной живописи, художнику Мюнхенской академии Бауэру Императорская Академия художеств в уважение познаний его в художестве признала его своим вольным общником и выслала совету Общества диплом» [17, 18].

Последним документом в личном деле В. Бауэра, находящемся в архиве Академии художеств, является его письмо в академию от 30 января 1885 года (входящий № 256):

«В Императорскую С.-Петербургскую Академию художеств.

Состоя преподавателем рисования и живописи в Одесском обществе изящных искусств, будучи прусско-подданным, я представил в Санкт-Петербургскую Академию художеств работы, за которые я был удостоен звания почетного вольного общника Академии художеств (диплом за № 2457 от 4 ноября 1875 г.). В настоящее же время, находясь по болезни в отставке, прослуживши обществу 15 лет и приняв русское подданство, я по закону обязан в девятимесячный срок (который на исходе) приписаться к какому-нибудь обществу. Поэтому почтительнейше имею честь просить академию уведомить, не избавляет ли полученный мною диплом от вышесказанной приписки. Буде же нет, то удостоить меня звания классного наставника, каковой диплом, по собранным мною справкам, избавляет меня от приписки к какому-либо сословию.

Имею честь быть с почтением, В. Бауэр.

Мой адрес: город Одесса, Каретный переулок, дом Осипова. Вильгельму Бауэру» [19].

Одесский исследователь истории рисовальной школы С. Шевелев отметил: «К 1885 году психическое здоровье мюнхенского профессора было окончательно подорвано, и остаток жизни

он провел в клинике для душевнобольных, как об этом свидетельствуют современники» [20, с. 47]. В этой информации С. Шевелев ссылается на неопубликованные «Воспоминания об одесской рисовальной школе», написанные одним из учеников А. Бауэра Даниилом Карповичем Крайневым (1872-1949). Эти воспоминания после смерти Д. Крайнева находились в семье художника и затем попали в Государственный архив Одесской области. Мы, к сожалению, в архиве их разыскать не смогли.

Окончание преподавательской деятельности А. Бауэра совпало с процессом кардинального реформирования Одесской рисовальной школы, проходившего по инициативе и под руководством члена совета Общества Н.П. Кондакова. Временно выполняя обязанности директора школы, он предоставил великому князю Владимиру Александровичу отчет о ее успехах. В рескрипте кн. Владимира на имя Н.П. Кондакова сообщалось о выделении школе финансовой помощи и представлении Обществу коллекции картин из Императорской Академии художеств. Рескрипт был зачитан на общем собрании Общества, как и доклад Н.П. Кондакова «О реорганизации школы рисования». Примечательно, что собрание, «выражая благодарность Кондакову, одновременно выразило недоверие вице-президенту Общества изящных искусств Ф. Моранди» [21, с. 2]. Академик архитектуры Ф. Моранди был бессменным руководителем Общества со времен его основания в течение двадцати лет. Что уже говорить о престарелом преподавателе А. Бауэре, когда, скажем, одна из газет отмечала, что реформа принесет громадную пользу ученикам, «если ими будут руководить не к нам из прекрасного далека заброшенные professori, а люди, подготовленные к преподаванию искусств» [22, с. 2].

С.Я. Кишиневский, возвратившись весной 1888 года в Одессу, описал в своих мемуарах встречу с Бауэром: «После возвращения из академии я навестил своего профессора. Он был уже в отставке... (Отставка произошла ввиду реорганизации школы...) Увидев меня, он вскочил со стула и сердечно обнял. Он постарел, но, как и прежде, был скромн и симпатичен. Он показал мне две свои новые картины – пейзажи, опять в классическом жанре, с широкими и далекими далями... «Эти два пейзажа должны гармонировать друг с другом», – сказал он мне. Два пейзажа, что в музее

Бродского (имя И.И. Бродского Одесский художественный музей носил с 1938 по 1941 гг. – **В. А.**), тоже гармонируют друг с другом, они парные и одинакового формата – прием времени романтизма. Припоминая все картины Бауэра, я думаю, что в живописи моего профессора недоставало прозрачности, они были какие-то больно материальные, будь в них такая прозрачность, картины его больше выиграли бы, они стали бы звучными и звонкими, затрепетали бы, заговорили бы... С Иорини его отношения были холодноваты. Когда школу посещали Размарицын, Судковский, Бодаревский, проходя класс, где находился Бауэр, помню, они с ним не говорили, с ним не кланялись» [9, с. 25].

Время кончины А. Бауэра не установлено. Он, исключая скульптора Иорини, был последним из старшего поколения художников-преподавателей Одесской рисовальной школы.

Много позже, в 1916 году, отмечалось 50-летие ученой деятельности Н.П. Кондакова. Художник и критик Н. Кравченко (1867-1947) опубликовал статью, посвященную реформе Н.П. Кондакова в Одесской рисовальной школе. Автор отмечал: «...Школа до вмешательства Н. Кондакова имела любительский, провинциальный характер. Учащиеся целые дни проводили в школе и были заняты тяжелым и ненужным трудом в духе старой немецкой школы... Кондаков, энергичный, даже деспотичный, несмотря на упорное сопротивление старого педагогического состава, добился своего... Бауэр, с трудом умевший сказать несколько слов... выживший из ума, был удален... на его место был приглашен К.К. Костанди, затем на место директора – молодой академик А. Попов» [23, с. 6].

О произведениях А. Бауэра в собрании Одесского художественного музея

1. Перед грозой (Приближение грозы)

Между 1883 и 1887 гг.

Х., м. 61×88 см

Перед грозой. (Приближение грозы)

На обороте холста штамп «ХУООИИ № 120» (Художественное училище ООИИ. – **В. А.**)

Наклейка с неразборчивой печатью и номером «43»

Табличка с печатью «Н.Х.М. № 45» (Народный художественный музей, ныне ОХМ. – **В. А.**)

Инв. № ОХМ: Ж-82

Архивная документация

1. «Инвентарный список имущества Рисовальной и Музыкальной школ и общеобразовательного училища ООИИ». Составил Г.М. Таланидов 12 мая 1887 г. Рукопись. «№ п/п 65. Приближение грозы. Пейзаж. Бауэр. 30 р.» ГАОО, ф. 367, оп. 1, ед. хр. 5.

2. «Выпись из «Инвентарной книги Одесского городского музея изящных искусств. Часть II-я». Составлено К. Костанди в 1918 г. Рукопись. «№ п/п 144 «Перед грозой». Инв. № 67. Одесского общества изящных искусств». Архив хранения ОХМ. Дело № 2.

3. «Опись картин Народного художественного музея». Составлено М.К. Костанди до IX 1927 г. «№ п/п 99. Бауэр «Перед грозой». Инв. № 67». Архив хранения ОХМ. Дело 5.

4. Инвентарная книга № 1 Народного художественного музея. «№ п/п 97. Инв. № 67. Бауэр. «Перед грозой», пейзаж. Размер и материалы: 13½×19 [вершков] (60,0×84,5 см), м., х. От кого и когда поступило: О.И.И, 1898». Архив хранения ОХМ. Дело № 5.

Выставки

«Академическая живопись XIX века» из фондов ОХМ. Одесса. ОХМ. 1994».

«Одесские художники шестидесятники XIX века» из фондов ОХМ. Одесса. ОХМ. 2014».

2. Пейзаж (Девушка на мосту)

Между 1883 и 1887 гг.

Х., м. 63×90 см

На обороте холста штамп «ХУООИИ № 33» (Художественное училище Одесского общества изящных искусств. – **В. А.**)

Инв. № ОХМ: Ж-75

Архивная документация

1. «Инвентарный список имущества Рисовальной и Музыкальной школ и общеобразовательного училища ООИИ». Составил Г.М. Таланидов 12 мая 1887 г. Рукопись. «№ п/п 48. Пейзаж. Бауэр. 50 р.» ГАОО, ф. 367, оп. 1, ед. хр. 5.

2. «Выпись из Инвентарной книги Одесского городского музея изящных искусств. Часть II-я». Составлено К. Костанди в 1918 г. Рукопись. «№ п/п 127. «Девушка, ожидающая на мосту». Инв. № 50. 100 руб. От Одесского общества изящных искусств». Архив хранения ОХМ. Дело № 2.

3. «Опись картин Народного художественного музея». Составлено М.К. Костанди до IX 1927 г. «№ п/п 91. Бауэр. «Девушка, ожидающая на мосту». Инв. № 50». Архив хранения ОХМ. Дело 4.

Пейзаж (Девушка на мосту)

4. «Список экспозиции Народного художественного музея». Бауэр «Девушка на мосту». Архив хранения ОХМ. Дело № 5, с. 22.

5. Инвентарная книга № 1 Народного художественного музея. «№ п/п 89. Инв. № 50. Бауэр. «Девушка, ожидающая на мосту», пейзаж с фигурами на холсте маслян. красками. Размер и материалы: 14×20 [вершков] (62,2×88,9 см), м., х. От кого и когда поступило: О.И.И, 1898». Архив хранения ОХМ. Дело № 5.

6. «Каталог Одесского музея русского и украинского искусства (ныне ОХМ. – В. А.)». Машинопись. 1940-й год. С. 4. Бауэр. «Пейзаж». Инв. № 41. Архив хранения ОХМ. Дело «1940 г.».

Выставки

«Академическая живопись XIX века» из фондов ОХМ. Одесса. ОХМ. 1994».

«Одесские художники шестидесятники XIX века» из фондов ОХМ. Одесса. ОХМ. 2014».

Произведения А. Бауэра, находившиеся в собрании Одесского художественного музея

В архивных документах Народного художественного музея значатся еще два произведения живописи А. Бауэра.

1. «Швейцарский пейзаж». Инв. № 88. Размер: 7×9 вершков (31,1×40,1 см). Поступление: в 1898 г. из ООИИ. См. «Опись картин Народного художественного музея». Инвентарная книга № 1 Народного художественного музея. 1922 г. Архив хранения ОХМ. Под названием «Пейзаж. Швейцария» картина, согласно акту № 206 от 10.X.1932 г., была продана в Ворошиловск.

2. «Прибой». Инв. № 31. Размер: 9×12 вершков (40,1×53,3 см). Поступление: в 1898 г. из ООИИ. Произведение прослеживается в документах музея до 1927 г. См. «Опись картин Народного художественного музея» до 01.X.1927 г. Архив хранения ОХМ. Дальнейшая судьба картины не установлена.

От редакции. 10 апреля исполнилось 50 лет, с тех пор как автор этого текста, Виталий Алексеевич Абрамов, поступил на службу в Одесский художественный музей. Работал научным сотрудником, много лет был заместителем директора по научной работе, а затем и директором музея. В Одессе и далеко за ее пределами его знают как превосходного исследователя, лектора, хозяйственника. Сердечно поздравляем с юбилеем нашего доброго товарища и постоянного автора альманаха.

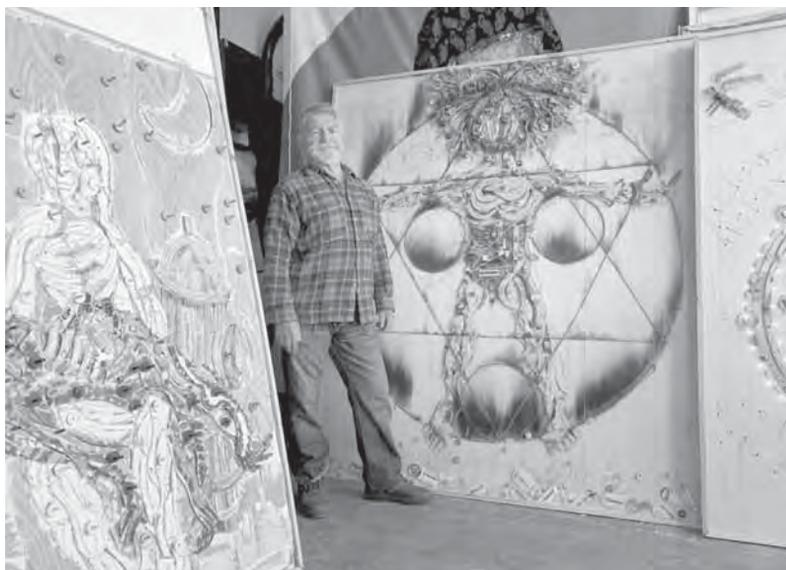

Степан Рябченко

Подождите, подождите...

19 января, будучи в Нью-Йорке, получаю от друга сообщение: «Степин тел. не отвечает... хотел бы повидаться... обнимающуюю. л».

Про Люсьена Дульфана я знал еще с детства, видел его работы и слышал о нем множество историй, которые не перестают удивлять и сегодня. Таким он мне и казался – человеком-мифом. И что интересно, таким он мне и запомнился.

С легендарным одесским художником впервые мы встретились в его студии в индийском районе Джерси на территории Центра современного искусства Mana Contemporary. Компактная, залитая естественным светом мастерская, множество работ и объектов различных лет и серий. Размеры произведений варьировались от помещающихся на ладонь до работ, которые нам приходилось впоследствии переносить вдвоем. Некоторые картины накрыты, художник их пока не показывает. У входа гостей встречает знаменитая музыкальная картина «Ты, моряк, красивый сам собою», рядом висит маленькая скульптурка усатого морячка в тельняшке, играющего на скрипке, на шее которого развевается пакетик, где находится фотография равнина и микросхема с Торой. Не успел я осмотреться по сторонам, как Люсьен попросил прощения и сказал, что вынужден уезжать, нужно внука срочно забирать с тренировки. В связи с этим он был не очень доволен, потому что был на-

крыт стол, к тому же, я принес сладкий наполеон, купленный в магазине неподалеку от Брайтон-Бич.

Люсьен пригласил через пару дней приехать вновь. Хотя я и долго добирался до места встречи, совершенно не напрягся, моей установкой в Нью-Йорке было желание узнать в полноте этот город, и этот случай я воспринял как его неотъемлемую часть. Кстати, как позже мне рассказывал Люсьен, наполеон ему очень помог. В метро он понял, что его телефон разряжен, а ему нужно было срочно связаться с родными. Бартером все удалось решить.

Через два дня, как и договорились, я приехал вновь. Люсьен мне сразу понравился, он много говорил, рассказывал интересные истории, показывал работы и угощал. Как и его сюрреалистичные «ковровые коллажи», он был соткан из парадоксов. Фантазия у него чередовалась с реальностью, мистика с бытом, ирония с глубокими мыслями. Он не примыкал к конкретным художественным группам и течениям, но в его работах все переплеталось в сложный своеобразный мир художника. Ни под каким предлогом возвращаться в Одессу не хочет, но другим в обиду ее не дает. Он терпеть не мог Союз художников, но получил всесоюзную премию в 1975 году. Таких историй было множество. Также я хотел бы отметить, что кроме колоссальной творческой энергии Люсьен обладает огромными запасами физической силы. В 78 лет он продолжает писать монументальные полотна и мастерить объекты, самостоятельно делает подрамники и переносит тяжелые работы по своей студии... Я думаю, если можно было бы поместить в алхимический сосуд Сальвадора Дали и Ивана Поддубного и залить все это излюбленной художником водкой на инжире, то, возможно, получился бы Люсьен Дульфан.

Последние работы художника собраны в серию «Бездомный» – большеформатная рельефная живопись из фанеры и различных подручных материалов, найденных на улице. Я не оговорился, именно живопись. За что бы ни взялся художник и какие бы средства выражения ни использовал, у него всегда выходит живопись... экспрессивная, колористически выверенная, с проекцией исторических и фундаментальных догматических

сюжетов на сегодняшний день. Фон задается естественной текстурой дерева, детали сформированы из обрезков и процарапывания, цвет наносится краской, выпаливанием и инкрустированными микросхемами выброшенных компьютеров. В один момент в голове всплывают проблемы экономики и окружающей среды, религиозные сюжеты и технологический прогресс, который ведет непонятно кого непонятно куда. Антиутопия... Еще один момент, который мне бросился в глаза, – это качество исполнения. Все работы художника, которые мне доводилось видеть и держать в руках, будь то сочная живопись на холсте или же многослойный деревянный рельеф – все сделано на века... крепкие, как и их создатель. К слову, в тот день я ушел не с пустыми руками и, конечно, был очень счастлив. Художник подписал мне свой каталог и одарил фирменным «Поцелуем» 1982 года, который благополучно долетел до Одессы и уже занял свое почетное место на белоснежной стене.

Третья наша встреча произошла в Нью-Йорке в районе Челси, встретились под Хай-Лайном. Сразу договорились не сильно задерживаться в галереях, только там, где будет что-то интересное. В свои годы Люсьен прекрасно разбирается в современных течениях, часто себя критикует, но и хвалить свои достижения также не забывает, терпеть не может фальши и всегда остается верен таланту мысли и исполнения. Знаком

и находится в хороших отношениях с Ильей Кабаковым, Олегом Целковым, с большим почтением вспоминает Леонида Сокова. По дороге много рассказывал с уважением о своих знакомых и друзьях, о том, что очень хотел бы издать большую книгу своих воспоминаний о тех, с кем начинал, с кем живет, и о тех, кого уже нет рядом.

В последний раз перед моим отлетом мы вновь встретились в студии художника. Я пришел познакомиться его со своим другом, куратором. Поговорили о творчестве, одесском и московском периодах в жизни художника, сорокалетнем скитании еврейского народа, тонкостях живописи, деньгах и надеждах... Время быстро пролетало, нужно было спешить домой, начали прощаться...

- Подождите, подождите... Тут вот посылочка, моему дорогому другу в Одессе.

- Люсьен, мои сумки забиты до упора, это очень непростая задача...

- Степа, не надо переживать, я вас сейчас всему научу. Берете посылочку, привязываете ее с внешней стороны багажа и идете отдыхать в самолет. Счастливого пути! Счастливого пути!

Фото автора

Сергей Седых

Костюм для хранителя

Этим двум пожелтевшим архивным фотографиям уже много лет. Они сняты в 1930-х годах. И запечатлели людей, которые редко попадают в кадр.

В зале музея. Фото. Архив ОХМ

Музейный смотритель. Отношение к нему далеко не всегда бывает однозначным. Его профессиональные обязанности, само служебное предназначение предполагают некую двойственность. С одной стороны, он должен быть незаметен, с другой – четко обозначать свое присутствие. Эту задачу музейные чиновники во многих музеях мира решали и решают довольно простым и неоригинальным способом: одевая смотрителей в форму. И от конечной цели – привлечь или не привлечь внимание к особе смотрителя – целиком зависимы стиль и цвет формы. Смена униформы смотрителей при каждой перемене руководства музеев стала элементом современного музейного менеджмента. Так сложилось, что новый директор, приходящий в музей, прежде всего, меняет экспозицию и... переодевает смотрителей. Директор Музея Амстердама (Amsterdam Museum) вспоминает, что замена униформы у персонала стала первым действием, когда пришло время перемен: «...наши сотрудники были похожи на полицейских, а мне хотелось создать более уютную и дружескую атмосферу в музее» [1].

Времена, когда ношение формы было делом сугубо государственным, давно миновали, но... все развивается по спирали. Небольшой документ, найденный в архиве можно бы назвать «Из истории музейного костюма в Одесском художественном музее»:

«22 мая 1958.

Зам. начальника Областного управления культуры тов. Федорову В.А.

В декабре 1957 года соответствующими разрешениями Министерства культуры УССР и областного управления культуры сотрудникам Одесской государственной картинной галереи были пошиты и выданы костюмы. В начале 1958 года ревизор Областного управления культуры предложил трем сотрудникам – в том числе и гл. хранителю – сдать костюм на склад» [2, л. 6].

Обращаясь к истории создания Городского музея изящных искусств в Одессе, отметим, что в его штате кроме консерватора (хранителя) предполагалось: «к ныне состоящим при Городском доме на Софиевской улице двум служителям, из которых один дворник, другой же, как наблюдающий за домом внутри, с большим удобством мог бы нести обязанности швейцара будущей галереи, пона-

добится прибавить третьего с годовым жалованием в 300 р[ублей] при имеющемся уже готовом помещении. На его обязанности будет лежать соблюдение чистоты в помещении галереи, топка печей в ней зимой и наблюдение за посетителями» [3, л. 21].

С открытия музея в 1899 году и до начала 1920-х специальные смотрители залов в штате не были предусмотрены. Но форменная одежда у некоторых сотрудников в эти годы все же была.

Весной 1917 года К.К. Костанди, вступая в должность хранителя Городского музея изящных искусств, в акте приема-передачи указал, что «были также приняты предметы нигде ранее в инвентарных книгах не вписанные, но найденные в музее бывшим хранителем В.С. Курочкиным: (...) 20) 1 ливрея для швейцара» [4, л. 12].

Владимир Семенович Курочкин, предшественник К.К. Костанди, утвержден хранителем осенью 1915 года вопреки мнению общественности и членов Одесского общества изящных искусств и пробыл в этой должности до марта 1917 года. Неизвестно, была ли использована по назначению найденная им «ливрея швейцара», но сведения о том, что он ее дополнил головным убором, есть в вышеуказанном акте: «Дополнительный список вновь приобретенных бывшим хранителем Музея В.С. Курочкиным хозяйственных вещей для Городского музея изящных искусств: (...) 19) фуражка швейцара» [4, л. 12 об]. Справедливости ради надо отметить, что фуражка тоже вряд ли нашла применение. Со слов швейцара с «24-летней беспорочной службой» в этой должности, «Курочкин – хранитель музея, заставил меня подать в отставку... совершенно для меня неожиданно, без всякого решительно основания, вследствие происков пеликановских ставленников, я вынужден был оставить свою скромную службу городу, которой я посвятил свои лучшие молодые годы и ныне, на старости лет, очутился с семьей без всяких решительно средств к существованию» [5].

В апреле 1917 года по прошению Ивана Немировского (так звали швейцара) «ввиду последовавшего ныне уничтожения старого строя и смещения состава пеликановской Думы» [5] и по ходатайству городского головы М.В. Брайкевича его восстановили в должности. Но наступили времена перемен – и ливрея, даже в сочетании с фуражкой, утратила актуальность.

С установлением советской власти в Одессе в 1920 году должности «швейцар» и «служащий музея» были упразднены и вместо них введена должность «смотрителя залов». В 1920-30-х годах штат смотрителей в музее был увеличен. Но среди редких дошедших до нас кадров этого времени не сохранилось ни одного, запечатлевшего смотрителей в униформе.

Свидетельством того, что в предвоенные годы униформа для сотрудников музея все-таки существовала, является следующий документ из тяжелого послевоенного времени:

«29/XI 1944 № 222. Начальнику облотдела искусств. В связи с тем, что работники Картинной галереи в течение пяти лет не получали спецодежды, и в настоящее время находятся в очень неприглядном виде, прошу вашего распоряжения об отпуске из фондов техкомбината на 20 человек 60 метров сатина синего, коричневого или серого. Деньги за материал будут картинной галереей переведены. Директор» [6, л. 47].

Была ли удовлетворена эта просьба, нам неизвестно. В подшивке музейных документов за 1946 год под названием «Снабжение сотрудников» есть несколько писем относительно спецодежды, направленных в различные организации.

«Январь 1946 года. В Горторг. Одесская художественная картинная галерея просит Вас отпустить промтоварные талоны для сотрудников картинной галереи, работающих в условиях крайнего холода при температуре минус 4°, не имеющих спецодежды и выходящих на работу в неотапливаемых залах в летней одежде и рваной обуви. Всего сотрудников 25 человек. Директор» [7, л. 103].

«12.05. 1946. № 96. В Одесский облисполком. Тов. Шалимову. В связи с тем, что сотрудники Од[есской] худ[ожественной] карт[инной] галереи по условиям своей работы нуждаются в спецодежде, а талонов на спецпромтовары они не получали, просим Вашего распоряжения на отпуск нам талонов, желательного защитного цвета [неразб.] на 23 сотрудника галереи. Директор» [7, л. 108].

Последние сведения о спецодежде для сотрудников музея относятся к концу 1970-х годов. По воспоминаниям сотрудников музея, инициатором пошива униформы был директор Иван Иванович Семенюк, человек необычайной энергии, любивший

Смотритель зала. Фото. Архив ОХМ

во всем порядок. Он заказал для смотрительниц костюмы из шерсти – ровная юбка и пиджак темно-бордового цвета. Сотрудники ходили поочередно, подменяя друг друга на работе, на примерку в ателье на площади Советской Армии, 10 (ныне Соборная площадь, в доме сталинской постройки рядом школой № 121). Эти костюмы сотрудники носили до середины 1980-х годов.

Но вернемся к документу 1958 года. Чем закончилась история с распоряжением Областного управления культуры – «сдать костюм на склад», рассказано в продолжении письма:

«Картинная галерея опротестовала через Министерство культуры выводы ревизора, в результате чего Министерство культуры своим письмом (копия письма имеется в плановом отделе культуры) разъяснило, что костюм выдается тем, кто непосредственно общается с посетителями.

В связи с тем, что гл[авный] хранитель в силу своих обязанностей находится в залах галереи, а в воскресные дни является ответственным дежурным и ведет экскурсии, просим закрепить за ним выданный ему костюм, тем более, *что он уже сильно изношен*. Директор ОКГ» [2, л. 6].

Литература

1. Долгополова М. Директор по маркетингу Музея Амстердама Бьерн Стевенс: «Музей – территория бизнеса» // Theory&Practice. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/2836-direktor-po-marketingu-muzeya-amsterdama-bern-stenvers-muzey--eto-territoriya-biznesa> (обращение: 24.03.2020).
2. ГАОО, ф. Р-5585, оп. 1, д. 46.
3. Приложение к протоколу комиссии № 2. [Письмо Общества изящных искусств в Городскую управу] № 242, 18 ноября 1897 г. ГАОО, ф. 367, оп. 1, д. 12.
4. Архив ОХМ, д. 4. (РУМ поступление 1923-1934, с 1917 г.)
5. Архив ОХМ, д. 2. Музей изящных искусств, 1918-1919.
6. ГАОО, ф. Р-5585, оп. 1, д. 3.
7. ГАОО, ф. Р-5585, оп. 1, д. 14.

Наталья Богачева

Выставка Эфрусси в Вене

В декабре прошлого года я совершенно случайно оказалась в Вене. В тот период там проходили выставки-хиты – Дюрер в «Альбертине», Караваджо и Бернини в Музее истории искусств, которые я не могла пропустить. Однако самой важной для меня выставкой, куда я и отправилась с утра пораньше в воскресное утро последней недели перед Новым годом, оказалась совсем другая. В Еврейском музее Вены, что в самом центре города, буквально за углом от собора святого Штефана и здания самого большого в немецкоязычном мире аукционного дома Доротеум, на Доротеергассе, 11, была открыта выставка «Эфрусси. Путешествие во времени». Почему же именно эта выставка оказалась важнее грандиозных выставок-бестселлеров прошлого года? Все просто – потому что я одесситка. А выставка, посвященная Эфрусси, не должна оставить равнодушным ни одного человека, который родился в Одессе.

Само здание Еврейского музея когда-то принадлежало другой знаменитой еврейской семье и называлось по имени владельцев дворцом Эскелес. По словам Вильгельма Кирша, который написал в 1883 году книгу об улицах Вены, именно здесь находился и знаменитый салон Сесилии фон Эскелес, где собиралась вся интеллектуальная элита того времени. Что, честно говоря, совсем не удивительно, ведь это самый центр Вены.

Итак, выставка «Эфрусси. Путешествие во времени». Семья эта, о которой современный читатель знает в основном благодаря роману «Заяц с янтарными глазами» Эдмунда де Вааля, одного из потомков знаменитой династии, путешествовала и продолжает путешествовать не только во времени, но и в пространстве. Вена, Париж, Лазурный Берег, Мексика, Япония,

„Wer ist dieser Ephrussi?“, fragte Scholem. „Kennst du den Ephrussi nicht?“, erwiderte Pinnele wie ein Erwachsener. „Er ist ein Verwandter auf meiner Mutter Seite, ein reicher Mann, ein Millionär.“

“Who's this Ephrussi?” Sholom asked. “Don't you know Ephrussi?” Pinneleh replied like a grown-up. “He's relative on my mother's side, a rich man, a millionaire.”

Scholem Alejchem, 1915

Великобритания... Одним из самых важных для Эфрусси городов стала Одесса.

Что интересно – поднимаясь на первый этаж, еще до входа на выставку, каждый посетитель мог любоваться старинной фо-

тографией с видом Потемкинской лестницы и цитатой Шолом-Алейхема из его произведения «С ярмарки»:

– Кто же этот Эфроси? – спрашивает Шолом.

– Ты не знаешь Эфроси? – отвечает Пинеле тоном взрослого. – Эфроси – это наш родственник со стороны матери, богач, магнат, миллионщик!

Конечно, я не сдержалась и выложила именно эту фотографию в Фейсбук.

Потемкинская лестница и цитата Шолом-Алейхема – своего рода подготовка, ведь путешествие во времени начнется именно в Одессе, весь первый зал выставки посвящен одесскому периоду жизни семьи Эфрусси. И то, что Одессе отведено первое место, – совершенно не случайно. Строго говоря, началась история этой семьи в Бердичеве, откуда Хаим Эфрусси перебрался в Одессу в 1830-х годах, начав торговлю зерном. Именно Одесса стала местом, где семья разбогатела, открылись новые возможности. Одесса стала для Эфрусси своеобразным окном в мир – а значит, и выставка должна была начаться именно в «одесском» зале.

Итак, первый зал, Одесса. Название города обозначено кириллицей, затем – латиницей, на иврите и японском.

У меня создалось впечатление, что именно одесский «genius loci» стал основным героем, главной задумкой этой части экспозиции, ведь мест, где были возможны подобные социальные лифты, в то время в мире было не так много. В результате небогатая изначально еврейская семья Эфрусси смогла достичь невероятного богатства и даже породниться с Ротшильдами. Что касается самой Одессы, посетителям она была представлена следующим образом: основание города в 1794 Екатериной Великой, затем Одесса – один из коммерческих центров огромной империи с очень неоднородным населением – греки, турки, русские, украинцы, евреи, татары и другие, либеральные законы, которые и подарили многим евреям шанс такого «социального лифта». Была и другая сторона медали – погромы и жертвы антисемитизма... Еще один факт, отмеченный организаторами, – превращение Одессы

ОДЕССА

ODESSA ОУТХ オデッサ

SOZIALER AUFSTIEG

Die von Katharina der Großen im Jahr 1794 am Ufer des Schwarzen Meeres gegründete Stadt Odessa zählte zu den pulsierenden Handelsmetropolen des russischen Reiches. Die Bevölkerung von Odessa war bunt gemischt: Griechen, Türken, Russen, Tataren, Juden, Ukrainer und andere prägten das Bild der Stadt. Die vergleichsweise liberalen Gesetze von Odessa ermöglichten vielen Jüdinnen und Juden den sozialen Aufstieg. Chaim Ephrussi, auch Joachim oder Charles Joachim genannt, zog um 1830 aus dem westukrainischen Schtetl Berditschew nach Odessa. Er widmete sich dem Getreidehandel, gründete ein Bankhaus und gehörte bald zu den erfolgreichsten Geschäftsleuten Odessas. Der Reichtum der Ephrussis und anderer jüdischer Unternehmer zog den Neid vieler nichtjüdischer Bürgerinnen und Bürger auf sich. Im Laufe des 19. und 20. Jahrhunderts ereigneten sich in Odessa Pogrome mit zahlreichen jüdischen Opfern. Gleichzeitig entwickelte sich Odessa zu einem Zentrum jüdischsprachiger Kultur, des Zionismus und der jüdischen Arbeiterbewegung.

SOCIAL ADVANCEMENT

Odessa on the shores of the Black Sea was founded by Catherine the Great in 1794 and was one of the most vibrant commercial centers in the Russian Empire. Its population was very mixed, consisting of Greeks, Turks, Russians, Tatars, Jews, Ukrainians, and others. The comparatively liberal laws enabled many Jews to advance in society. Chaim Ephrussi, also called Joachim or Charles Joachim, arrived in Odessa around 1830 from Berdychiv, a shtetl in western Ukraine. He was a grain trader, founded a bank, and was soon one of the most successful businessmen in Odessa. The wealth of the Ephrussis and other Jewish entrepreneurs aroused the envy of many non-Jewish citizens. There were pogroms throughout the nineteenth and twentieth centuries with a large number of Jewish victims. At the same time, Odessa developed into a center of Yiddish culture, Zionism, and the Jewish workers' movement.

в центр еврейской культуры и ее роль в зарождении сионизма и движении еврейских рабочих.

Теперь подробнее об экспонатах.

На стекле перед видом Приморского бульвара (открытка из коллекции семьи де Вааль) еще одна цитата, теперь из Бабеля, «Конец богадельни»:

Они лежали тут – лицом к воротам – Ашкенази, Гессены и Эфрусси, – лощеные скупцы, философические гуляки, создатели богатств и одесских анекдотов.

В витрине берлинское издание сочинений Исаака Бабеля – «Три мира» 1931 года, свидетельство о рождении Виктора Эфрусси, выданное одесским раввином, диплом о присвоении Игнацу Эфрусси, почетному консулу Королевства Норвегии и Швеции в Одессе, ордена Святого Олафа, и орден Полярной Звезды, которым Игнац был награжден в 1882 году. Кстати, среди кавалеров этого ордена много известных личностей, например Николай Рерих. Девиз ордена «Nescit occasum» («Не знает заката» на латыни) – на мой взгляд, очень метко определяет тот период жизни династии Эфрусси. Успех, богатство, слава, удача сопутствуют им во всем. Совсем скоро – Вена и Париж, международный успех.

Рядом с витриной транслируется немой фильм «Беня Крик» 1926 года, режиссер – Владимир Вильнер, под экраном – открытки и фотографии той эпохи. Здание одесской биржи, ныне филармонии, сцена в порту, статуя герцога Ришелье, вновь Потемкинская лестница, синагога Бродского, евреи, оплакивающие жертв погрома, отряд еврейской самообороны, кантор Пинхас Минковский и хор мальчиков вновь в синагоге Бродского.

Вот так была представлена Одесса.

Теперь – время отправляться в «большой мир». Символично и то, что для многих одесситов Одесса – старт, отправная площадка перед переездом в Нью-Йорк, Париж, Токио, Лондон, Прагу... Среди моего поколения таких людей, семей очень много. И это объединяет нас и Эфрусси.

Следующий зал – Вена, куда переехал Игнац, в то время как старший сын Леон продолжал оставаться в Одессе. Брак Игнаца

с Эмили Поргес стал своеобразным пропуском в «высший свет» Вены. Дед Эмили, Герман Тодеско, был одним из основателей городского храма и президентом еврейского сообщества. А уже в 1871 году император Франц Иосиф сделал Игнаца Эфрусси дворянином. Виктор Эфрусси, сын Игнаца, стал первым, кто отказался от российского гражданства и получил право на проживание в Вене.

В 1869 году Игнац Эфрусси поручил Теофилу Хансену, любимому архитектору венской гранд-буржуазии, строительство резиденции на Франценринг, 24, получившей название Palais Ephrussi, или дворец Эфрусси. Картины в бальном зале изображали библейскую историю Эстер, возможно, это и было своеобраз-

ным символом признания Игнацем Эфрусси своего еврейского происхождения.

Кстати, именно в этой части выставки, посвященной Вене, начинают появляться витрины со знаменитой коллекцией наэкке, которые далее размещены во многих залах.

В мае 1938 Виктора Эфрусси и его сына Рудольфа арестовывают нацисты. Виктор Эфрусси подписывает бумагу о передаче им всего своего имущества, включая предметы искусства, которые впоследствии были распределены нацистами по различным музеям и среди арт-дилеров.

Вопрос реституции по-прежнему актуален – и этому был посвящен отдельный стенд. Несмотря на многочисленные препятствия, четверо детей Виктора Эфрусси смогли подать свое заявление о реституции к Австрийской Республике. Часть отобранного нацистами вернули в 1949 и 1950 годах, однако это было лишь начало истории. В 2000 семье вернули четырнадцать отобранных объектов, а в 2014 году город Любек вернул картину Корнелиса Спрингера. Что примечательно – последнее на сегодня дело о реституции как раз и началось во время подготовки данной выставки в Еврейском музее Вены! К возврату была рекомендована работа Франца Адама, которая сейчас находится в Музее военной истории Вены.

К сожалению, не все можно вернуть. Виктору Эфрусси не суждено было стать историком, однако он собрал уникальную библиотеку из более чем 2000 томов. В апреле 1938 в числе прочего имущества библиотека была «национализирована» гестапо. После войны Национальная библиотека Австрии обнаружила лишь 410 томов, которые и передала наследникам Виктора Эфрусси.

Шарль Эфрусси, в отличие от своих старших братьев Жюль и Игнаца, не стал заниматься банковским делом. Он стал одной из самых заметных фигур парижской богемы – коллекционер, меценат, издатель, пылкий почитатель Дюрера. Именно он стал одним из прототипов Свана в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Именно он купил у Мане его работу «Пучок спаржи» за сумму большую, чем просил сам художник, – а затем Мане остроумно подарил ему еще один небольшой натюрморт, назвав его «Стебельком, что отвалился от вашего

пучка». Именно он стоит в дальнем правом углу, в цилиндре и черном костюме, на работе Ренуара «Завтрак гребцов». Помните французский фильм «Амели»? Пожилой сосед главной героини всю жизнь делает копии именно этой картины, пытаясь постичь ее загадку. Кстати, и на выставке демонстрировался этот фрагмент из кинофильма.

И еще одна ниточка из мира кино. Совсем недавно вышел фильм Романа Поланского «J'accuse», на русском «Офицер и шпион», интерпретация на тему дела Дрейфуса. А на выставке показали знаковую работу Эдгара Дега «Генерал Меллинет и главный раввин Аструк» времен франко-прусской войны. Дега, как известно, был фанатичным антисемитом и оппонентом Дрейфуса, и сын раввина Габриэль считал, что именно эта картина изображает его отца в неверном свете и придает его лицу алчное, несвойственное для него выражение. «Эта работа – не искусство, а погром». Вот цитата Габриэля Аструка, которую выбрали для описания этого эпизода.

К слову, в Париже Эфрусси почти сразу стало именем нарицательным. «Короли зерна» – вот как называли их во Франции. В своем «Дневнике» братья Гонкур довольно нелестно отзывались об Эфрусси, с оттенком антисемитизма. Их ставили в один ряд с Ротшильдами и часто считали лишь типичными богатыми еврейскими банкирами.

Между Ротшильдами и Эфрусси действительно было много общего, и в целом отношения между двумя династиями были дружественными. Однако Беатрис Ротшильд все же пошла наперекор семейной традиции, выйдя замуж за Мориса Эфрусси. Морис был на пятнадцать лет старше жены и страстно любил скачки. Беатрис много путешествовала и увлекалась архитектурой и искусством. К сожалению, брак был бездетным. Однако осталось прекрасное детище Беатрис на Лазурном Берегу Франции – ее вилла на мысе Сен-Жан-Кап-Ферра. Этот потрясающий музей с подлинными предметами искусства и великолепными садами баронесса завещала Французской академии изящных искусств. Сегодня вилла открыта для посещения, а значит, стоит загадать место для следующей поездки во Францию.

„Oh, wie herrlich lebten sie! Durch ein graues, silbernschimmerndes Gitter von der gemeinsamen Straße getrennt, war das Haus Efrussis von grünem, weitem Rasen umgeben.“

“Oh! They lived in style. The Efrussi mansion was separated from the common street by a shining, silvery railing, and surrounded by a broad, green lawn.”

Joseph Roth, 1923

Еще одна интересная женская судьба из рода Эфрусси – судьба Жизелы Эфрусси. Она вышла замуж за испанца Альфредо Бауэра и переехала в Мадрид, где стала известной художницей. Когда в стране разразилась Гражданская война, вся семья с тремя сыновьями переехала в Мексику. Удивительно, но Жизела смогла реализовать еще раз как успешный дизайнер традиционной народной одежды.

Игги Эфрусси, эмигрировавший в США, также стал модным дизайнером, а во время Второй мировой войны смог вернуться в Европу в качестве солдата во время высадки в Нормандии вместе со своим младшим братом Рудольфом. После войны Рудольф вернулся в США, а Игги переехал в Японию.

Еще до войны Виктор Эфрусси переехал к своей дочери Элизабет де Вааль в Великобританию, где и умер в марте 1945 года. В своем завещании он написал, что отдал все имущество нацистам лишь под давлением гестапо. После его смерти Элизабет стала прихожанкой англиканской церкви, а ее старший сын Виктор де Вааль стал деканом Кентерберийского собора.

Игги жил в Токио до своей смерти в 1994 году. А коллекцию нэцке привез в Великобританию внук Элизабет, Эдмунд, который и написал знаменитого «Зайца с янтарными глазами».

Эдмунд и Томас де Вааль бывали и у нас в Одессе, в нашем Всемирном клубе одесситов. Общались с краеведами, искали следы...

Эфрусси, как и многие из нас, – из одесситов «рассеянных», как говорит Михаил Михайлович Жванецкий. Вена, Париж, Токио, Лондон, Мадрид... А началось все в Одессе. Потому невозможно было не пойти. Невозможно не прочесть. Невозможно не почувствовать. Ведь Одесса всегда ближе, чем кажется.

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Вера Слоним и Владимир Набоков

В некоторых одесских СМИ и публикациях время от времени появлялась информация о том, что якобы «...в доме № 22 по ул. Белинского (на месте нынешнего театра музкомедии) проживал с семьей помощник присяжного поверенного Владимир Львович (по некоторым данным Исаак Львович) Слоним... с очаровательной супругой Славой Фейгиной. На их дочери Вере женился автор «Лолиты» Владимир Набоков»... Однако приходится не без сожаления констатировать, что Вера Евсеевна Слоним-Набокова, кроме вышеназванного – литературный деятель, редактор и хранительница литературного наследия Владимира Набокова, родилась 5 января 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье адвоката Гамшея Лейзеровича (Евсей Лазаревича, а никак не Исаака Львовича) Слонима (1865-1928), родом из Шклова. Матерью ее действительно была Слава Борисовна Слоним (урожденная Фейгина, 1872-1928), родившаяся в Могилеве, жена упомянутого Евсея Лазаревича. А помощник присяжного поверенного Владимир Львович Слоним, по свидетельству справочника «Вся Одесса» за 1911 г., действительно проживал на ул. Белинского, правда, в доме № 7, но прямого отношения к происхождению нашей героини не имел.

Отцу же нашей героини юристу Евсею Слониму после окончания Петербургского университета была присвоена степень кандидата права. В разное время он был лесопромышленником в фирме, занимавшейся экспортом леса из Смоленской губернии в Европу, а позже управляющим имением М.П. Родзянко (1913-1917). По ряду сообщений, занимался и издательской деятельностью.

От предложения присоединиться к одной из христианских конфессий отказался. В начале 1919 года женская половина семейства Слоним – мать, три дочери и служанка «с сорока тремя чемоданами» – бежала из революционного Петрограда, и не менее полугода семья прожила в Москве, так как Евсей Слоним после октябрьского переворота был приговорен большевиками к смертной казни, но бежал.

Евсей Слоним присоединился к семейству в Одессе, тогда городе, где хаос царил уже задолго до прихода большевиков. Точно-го срока пребывания Слонимов в нашем городе мне установить не удалось, однако источники сообщают, что Вера окончила шесть классов петербургской гимназии княгини Оболенской, в Москве к обучению не приступала, а после еще год училась в гимназии в Одессе, где окончила 7-й класс.

Во второй половине 1919 года семье удалось отправиться дальше, в Крым, где они несколько месяцев жили на чьей-то вилле в Ялте, последнем российском оплоте, удерживаемом белыми. Очевидно, в декабре Слонимы окончательно покинули Россию на канадском пароходе, капитан которого согласился перевезти пассажиров через Черное море. К этому времени жертвы войны потеряли практически все, что имели, пока добрались до южного порта.

Набоковы принадлежали к «старому, сказочно богатому аристократическому роду». Дед писателя служил министром юстиции при Александрах II и III, отец был известным юристом, входил в состав первой Думы. В семье сохранилась легенда о дуэли отца. Якобы он стрелялся с неким господином, посмевающим утверждать, что он, Владимир Дмитриевич, женился на Елене Рукавишниковой (матери Набокова) из-за денег. Рукавишниковы были миллионерами.

Супруги Набоковы-старшие родили пятерых детей, Владимир был старшим и любимым. Общению со сверстниками он предпочитал «общество бабочек», интеллектуальный досуг делил между шахматами и «пожиранием книг». Эти пристрастия сопровождали его на протяжении всей жизни. Читать и писать по-английски научился раньше, чем по-русски. Семья жила в Петербурге на Большой Морской, № 47, в трехэтажном особняке розового

гранита. Дом обслуживали пятьдесят лакеев; красный отцовский автомобиль отвозил Владимира в Тенишевское училище...

Летние месяцы Набоковы проводили в роскошном загородном имении Рождествено, доставшемся им по наследству от Руквишниковых, где в обиходе были распоряжения «старшим и младшим садовникам». Через пятьдесят лет советские литературоведы объяснят ненависть Набокова к СССР обидой за потерянные миллионы. Ненависти не было, его нелюбовь имела другой цвет и вкус: «Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству». Эмиграционные скитания из советской России затянулись на полтора года. Наконец семья Набоковых осела в русском Берлине. В начале 20-х гг. именно здесь находился центр русской эмиграции – община насчитывала более полумиллиона человек и вела «не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге». Здесь в марте 1922 года был убит отец Владимира Набокова Владимир Дмитриевич Набоков. Это произошло на лекции П.Н. Милюкова на своеобразную тему – «Америка и восстановление России», в здании Берлинской филармонии. В.Д. Набоков попытался нейтрализовать стрелявшего в Милюкова черносотенца, но был застрелен его напарником. За пятнадцать лет, прожитых в Германии, Владимир Набоков не прочел ни одной немецкой газеты и не слишком тяготился незнанием немецкого языка. Его жизнь состояла из эпизодических публикаций, литературных вечеров, подработки статистом на съёмочных площадках или в качестве учителя тенниса.

За шестьдесят лет своей литературной деятельности В.В. Набоков создал 50 книг, изданных миллионными тиражами, а первая из них – «Стихи»: так просто назвал юный Набоков свой первый поэтический сборник 1916 года. В статье «Ясность бессмертия (Воспоминания непредставленного)» А. Битов писал: «Читайте же стихи Набокова, если вам непременно хочется знать, кто был этот человек. Вы увидите Набокова и плачущим, и молящимся».

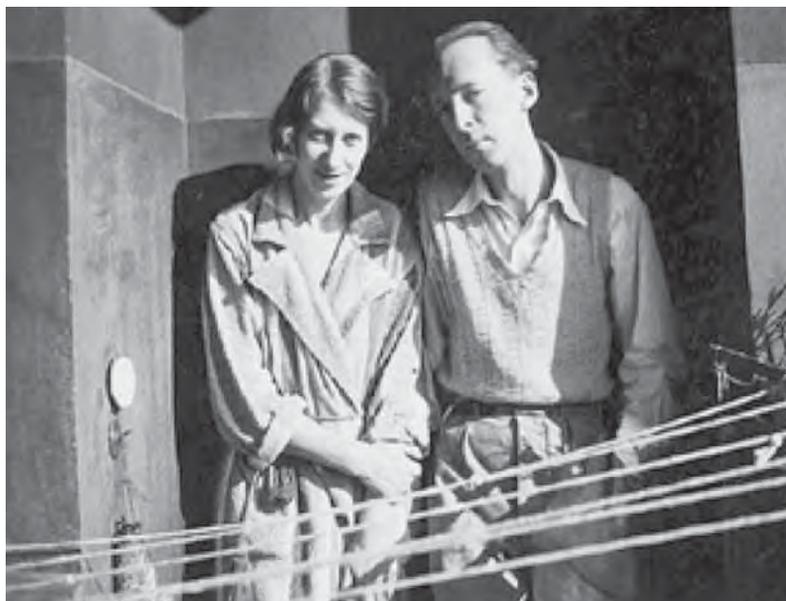
Он любил поэзию Бунина, Гумилева. И в жизни верен своей судьбе – без родины, без своего дома, в гостинице... А сравнения – великолепны: лужи, как фиалки; феина дочь – влюбленный жучок; кипарисы, как монахи; ангелом реет сиреневый дым; душа моя, как птица белая; гость – белый великан; тучка вогнутая, словно мокрый белый лепесток. Его поэзия – отчаяние, «молния боли жестокой», «смертное чувство любви». Наследие его огромно: романы, повести, рассказы, переводы, драмы. Романы – в основном на английском языке, поэзия преимущественно на родном русском. Его творчество принадлежит, в первую очередь, двум культурам – русской и американской. Это поэт невстречи, который «Россией всегда окружен». Поэт Сергей Гандлевский отмечал: «Пусть читатель, раздосадованный неуживчивостью и чрезмерностью прозы Набокова, откроет его стихи. Меня когда-то удивила и обрадовала эта лирика, чуть ли не есенинского трепета, непосредственности и даже беззащитности».

В Берлине семье Слоним удалось устроиться лучше, чем большинству товарищей по эмиграции: отец сумел продать недвижимость в России, организовал свою фирму и даже издательство, что, впрочем, позднее закончилось полным банкротством. Вера свободно говорила по-немецки и по-французски, сносно – по-английски. Она помогала отцу в делах, пробовала себя в литературном переводе.

Первая встреча молодого поэта и будущей «миссис Набоков» состоялась лишь в 1923 году, хотя у них была масса возможностей познакомиться еще в родном для обоих дореволюционном Петербурге, хотя бы уже потому, что племянница матери (двоюродная сестра Веры Слоним) Анна Лазаревна Фейгина (1888-1972) была близкой подругой Владимира Набокова. Уже известный в узких кругах поэт и ловелас, как пишет биограф, гуляя по улицам германской столицы, отгонял поклонниц тростью... Поздней весной 1923 года на благотворительном эмигрантском маскараде Владимиру передали записку: незнакомка назначила ему тайное свидание – поздним вечером на мосту. Он ждал ночную бабочку, гласит комментарий, а пришел серый волк... Позднее он узнал ее имя – Верочка Слоним. Она мечтала стать летчицей, стреляла из автоматического ружья в тире, ходила на боксерские

матчи и автогонки, яростно спорила о политике, и представься случай – застрелила бы Троцкого, – так говорили о ней. Каждый в русской эмигрантской среде понимал, кто и что имеется в виду, когда произносится «Верочка», – за этим именем скрывался боксер, вступивший в схватку и четко бьющий в цель. Она сумела вскружить голову двадцатичетырехлетнему поэту-сердцееду самым беспроегрышным способом – во время первого свидания. Стройный девичий силуэт едва угадывался под темными одеж- дами, лицо скрывала шелковая волчья маска, не снимая которой, она стала читать Набокову его же стихи. Вероятно, оба мгновенно ощутили друг в друге нечто действительно родственное, созвучие душевного и интеллектуального притяжений. На восьмом десятке лет Набоков признавался, что уже в момент первой встречи с Верой понял: эта женщина – его судьба. Своеобразным актом полного доверия Набокова к знакам судьбы стал предъявленный Вере уже в первые дни знакомства «донжуанский список» любов- ных побед (не из бахвальства, а лишь в подражание Пушкину!), насчитывавший около тридцати имен. На вопрос же о том, как все обернулось бы, не случись революции и эмиграции, Набоков безапелляционно отвечал: «Мы встретились бы в Петербурге и жили бы, примерно как сейчас». Мысль о том, что он мог вообще не встретить и не узнать Веру, даже не приходила ему в голову.

Спустя два года после знакомства молодые люди поженились. 15 апреля 1925 года в Вильмерсдорфской ратуше в Берлине со- стоялась гражданская вполне будничная церемония бракосочетания Веры Слоним и Владимира Набокова, куда не был приглашен никто из друзей. Не было сделано ни одной свадебной фотографии, а родственников поставили в известность лишь постфактум. Баронесса Мария Корф, бабушка Набокова, поинтересовалась: «А какого она вероисповедания?». Линия Веры Сло- ним соответствовала убеждениям большинства евреев-эмигран- тов из России, бывших и оставшихся одновременно иудеями и людьми русской культуры. Супруги Набоковы не были набожны в традиционном общинно-религиозном смысле этого понятия, и, судя по всему, в браке был достигнут практический компро- мисс. «Когда мы познакомились, Вера была светлая блондинка, но очень скоро сделалась у меня седой», – смеялся Набоков

В.В. и В.Е. Набоковы в Берлине. 1934 г.

в интервью. Действительно, Вера начала сидеть уже в возрасте двадцати пяти лет, но всю жизнь выглядела эффектно и неповторимо, даже в периоды тяжелого безденежья. Утонченная, хрупкая, с ее жемчужно-опаловой прической и фарфоровым цветом лица, она была «многогенична», как описывал Набоков одну из своих героинь в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «обладала неким таинственным даром – запоминаться...». В Вере Набоков встретил столь восхищавшее его сочетание женственной внешней хрупкости и неженского ума, силы воли, решительности и верности жизненным принципам. Немногочисленные друзья, например, благоразумно обходили стороной еврейскую тему, боясь непредсказуемой реакции Верочки. Она же могла начать знакомство с вызывающей фразы: «А вы знаете, что я еврейка?» – или наговорить дерзостей, лишь заподозрив в собеседнике юдофоба. Ее болезненное восприятие национального вопроса

граничило с паранойей. О бесстрашии Веры Слоним в эмигрантских кругах ходили легенды: она носила при себе браунинг-1900, с гордостью признаваясь, что была первоклассным стрелком.

Удивительно, но супруги Набоковы оба обладали редким даром синестезии, «цветным слухом» – печатные буквы, слова и тексты были окрашены для них в определенные цвета, имели запах и вкус. Эта пара синестетиков могла увлеченно спорить о том, какого цвета воскресенье или каким на вкус каждому чувствуется буква «М». Набокову нравилось рассказывать, что их единственный сын Дмитрий получил «в наследство» смешанную палитру от обоих родителей.

После замужества и банкротства отца Вера служила секретаршей в адвокатских конторах, стенографисткой, давала уроки французского и подрабатывала гидом в американском турагентстве. Набоков тоже преподавал английский, иногда давал уроки тенниса и бокса, но Вера, вернувшись домой, еще слушала, печатала и правила то, что написал за день ее муж, проводивший все свое время за письменным столом. Неудивительно, что многое Вера помнила наизусть – Набоков читал ей все тексты минимум дважды, обожал править написанное и уже напечатанное, наконец, Вера отстукивала на машинке несколько экземпляров окончательного варианта. Известно, что в 1930-1933 годы она зарабатывала в три раза больше Владимира. Стейси Шифф указывает, что годовой заработок Веры составлял сумму, превышающую три тысячи рейхсмарок – больше половины прибыли успешного банкира в те годы. Вместе с тем Вера никогда не признавалась и всегда отрицала, что содержала мужа, считая, что это может бросить тень на его реноме. По точному наблюдению ее отца, литературная деятельность всегда оставалась для Набокова главным делом в жизни, а также единственным занятием, к которому он был пригоден. Вера добровольно и самоотверженно приняла на себя заботу о творческой изоляции Набокова и не ошиблась в этом выборе.

В 30-е годы в литературном пространстве русского зарубежья взойшла звезда Набокова-Сирина – во многом именно благодаря усилиям госпожи Набоковой. Вершиной всего «русского периода» Набокова стал роман «Дар», в котором образ главной героини был, без сомнения, очень близок именно жене. Разумеется,

Вера отдавала себе отчет в том, какой человек и писатель стал ее мужем, и какая роль была предназначена ей в их браке. Вера же, словно в противовес, преуменьшала свою значимость в жизни и творчестве мужа, хотя, намеренно оставаясь в тени, вкладывала энергию, силы и способности только в карьеру Набокова и до последних дней неустанно заботилась о сохранении его литературного наследия. Сохранив все до последней строчки из опубликованного мужем, она не оставила ни одной копии собственных переводов и литературных опусов. До замужества Вера тоже начинала печататься в эмигрантских газетах, но, влюбившись в писателя и поверив в его талант, предпочла помогать ему, а не писать самой. Верина требовательность, пронизательность и интуиция не могли не сделать ее самой первой, восприимчивой и придирчивой читательницей произведений Набокова. И одновременно – первым и лучшим в мире набоковедом, полноценным профессиональным и интеллектуальным партнером.

9 мая 1934 года Вера родила сына. Владимир не замечал беременности жены пять месяцев – он творил! Знакомые удивлялись, что в семье Набоковых вообще могли родиться дети – настолько супруги были замкнуты друг на друге и самодостаточны. Впечатление было верным лишь отчасти. В разгар мирового экономического кризиса 30-х гг. в Германии к власти пришли нацисты. На дверях офисов появились таблички «Евреям вход запрещен!». Вера уже не могла прокормить семью из трех человек. Центр русской эмиграции переместился из Берлина в Париж – у Набокова не осталось читателей. Когда гений донашивал последние брюки, друзья организовали для него литературный тур по европейским странам, чтобы он мог хоть что-то заработать и вывезти семью.

В январе 1937 года Вера проводила Владимира на парижский поезд. Они не привыкли разлучаться – Набоков писал домой иногда по два письма в день. Через месяц почта принесла анонимный конверт: в письме на четырех страницах «доброжелатель» расписывал роман Владимира с некоей Ириной Гуаданини, русской эмигранткой 32 лет, разведенной дрессировщицей пуделей. Набоков писал жене: «Я и не сомневался, что слухи доползут до Берлина. Морды скользкие набить их распространителям! Мне, в конце концов, наплевать на гадости, которые с удовольствием

говорятся обо мне, и, думаю, тебе тоже следует наплевать. Жизнь моя, любовь моя. Целую твои руки, твои милые губы, твой голубой височек». Вера не поверила мужу. Он действительно в ней нуждался («...без того воздуха, что исходит от тебя, я не могу ни думать, ни писать – ничего не могу!»), но почему-то звал ее с сыном не в Париж, где жила Гуаданини, а на Ривьеру. Четыре месяца Вера переносила встречу и вдруг решительно заявила, что она с сыном едет в Чехословакию, к матери Владимира: надо показать бабушке внука – там и встретимся! Безумная идея для нищих эмигрантов. Но, может быть, вдали от разлучницы и в присутствии матери муж скорее вспомнит о семейных ценностях? Казалось, план по возвращению блудного мужа в лоно семьи удался – встреча состоялась, Владимир клялся в любви жене и сыну. В июле 1937 года Набоковы приехали во Францию и поселились в Каннах. Тут-то Вера и нашла письма мужа к Ирине, датированные чешским периодом. Между супругами состоялся решительный разговор – Вера поставила Владимира перед выбором: или семья, или любовница. Ультиматумы, правда, убивают чувства, и единственный раз в жизни Набоков действительно думал о разводе – разрывался между семьей и страстным наваждением, умолял жену подождать, писал любовнице письма, полные клятв и надежд, но в итоге остался с Верой, уже навсегда. Этому способствовало то, что в Канны примчалась Ирина Гуаданини. Без предупреждения, тайком, она выследила Владимира с сыном, когда они нежились на пляже. Назначила ему встречу. И Набоков испугался, увидев любовницу в преступной близости от семьи. Эта встреча с Гуаданини была последней – по требованию Веры он попросил Ирину вернуть его письма. Эта история стала для обоих Набоковых подтверждением ключевого жизненного принципа, позаимствованного писателем у Гоголя: сохранять только главное.

Во Франции с подачи Веры Владимир начал писать свой первый роман на английском – «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Семья ютилась в одной маленькой комнате и, по замечанию одного из биографов, это – «лучший английский роман, написанный верхом на биде»... Через три года, в мае 1940-го, всего за две недели до ввода немецких войск Набоковы вместе с еврейскими беженцами успели покинуть Францию, попав на последний рейс лайнера

«Шамплен». Оказавшись в Нью-Йорке уже не на положении белых эмигрантов, а в роли беженцев, они долго не могли найти работу, а ведь семья Набоковых эмигрировала в США с единственной сотней долларов в кармане. В Америке их никто не ждал, кроме девочки-литагента, подарившей им пишущую машинку, и нескольких знакомых, поделившихся обносками и временной крышей над головой. Они приехали из нищеты в нищету. Но отныне Набоков будет именовать себя «американским писателем».

Должность, которую предложили автору восьми романов, – упаковщик книг в магазине за шестьдесят восемь долларов в месяц. Свой отказ Набоков мотивировал тем, что к упаковке «решительно не приспособлен». Однажды Вера повела сына к парикмахеру, мастер старался разговорить ребенка и спросил, где их дом. «У нас нет дома», – ответил маленький Дмитрий, семья которого за три предыдущие года сменила более двадцати почтовых адресов. С помощью друзей Набокову удалось найти место преподавателя русской и мировой литературы. Вера сопровождала его практически на каждое занятие: подавала упавшие конспекты, подсказывала цитаты, умиряла слишком активных студентов, проверяла контрольные работы, принимала экзамены. На лекциях Набоков ругал английский перевод «Евгения Онегина», и Вера предложила мужу самому взяться за эту работу. Потом она очень об этом жалела. Рукопись заняла три большие коробки из-под обуви и целиком была перепечатана Верой, причем неоднократно. «В моей десятилетней работе над «Евгением Онегиным» сказались мои вкусы и антипатии. Переводя на английский его пять тысяч пятьсот строк, – писал Набоков, – я должен был выбирать между рифмой и разумом – и выбрал разум».

Набоковы постепенно адаптировались к новой жизни. Впрочем, «миссис Набокофф» неоднократно признавалась, что из нее никогда не получится идеальная американская домохозяйка: она не любила кухонные хлопоты и старалась держаться от плиты так далеко, как это только было возможно. И еще ей совсем не нравилось, что их сын начинает отдавать предпочтение не Гоголю, а «Супермену». Надо полагать, что муж был с нею согласен – супруги редко расходились во мнениях. Известно, что, если Вера плохо отзывалась о книге, Владимир не считал нужным даже от-

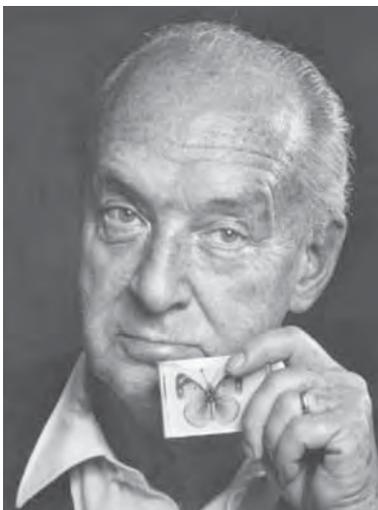
крывать ее. Набоковы были настолько довольны обществом друг друга, что за все годы совместной жизни не обзавелись близкими друзьями. Одна из приятельниц говорила о Вере, что та была бы счастлива даже в пустыне, лишь бы с Владимиром. А как удачно подметил один из биографов, они были парой, которая могла отлично развлекаться в компании друг друга и пары словарей.

Бескомпромиссность Веры проявлялась и в том, что она не бралась за работу переводчицей, если оплата ее не устраивала. При всей беззаветной преданности мужу и полном растворении в его делах и творчестве Вере всегда и во всем была свойственна только высокая самооценка.

Благодаря протекции друзей Набокову удалось получить место преподавателя русской и мировой литературы (сначала в частном гуманитарном колледже Уэсли, а потом в Корнеллском университете). Курс из тридцати лекций был разработан Верой, тот самый курс, который позднее лег в основу опубликованного сборника лекций Набокова. Параллельно с университетской работой она выступала в роли агента

Вера Евсеевна Слоним-Набокова

Владимир Владимирович Набоков

мужа, общаясь с издателями и переводчиками, рассылая рукописи в редакции и журналы. В отсутствие мужа во время выездных выступлений занималась работой отдела чешуекрылых в Музее сравнительной зоологии, с которым Набоков профессионально сотрудничал. А в летние месяцы сопровождала в поездках по другим штатам, в научно-творческих экспедициях этого страстного энтомолога, который так и не научился водить машину. Все мысли Набокова, как обычно, стремились к недописанной странице: в Америке он начал писать по-английски, хотя признавался, что поначалу это давалось очень нелегко. С каждым годом их брак все отчетливее развивался в стремлении к объединению двух целей – жизненного и творческого комфорта для Владимира и успеха для Веры. Она сама во многом была создательницей писателя Набокова – обеспечивая ему максимально благоприятные условия, ограждая от отвлекающего повседневного быта, принимая на себя все организационные и издательские дела, помогая на всех этапах творчества. Вера позволила стать ему тем, кем Набоков остался в истории мировой литературы. В университете Вера сопровождала мужа-профессора почти на каждом занятии: сидя на первой парте, не сводя с него глаз, она не единожды прослушала курс лекций, к которому сама приложила немало сил. « Попрошу внимания, леди и джентльмены, – мой ассистент! » – гордо провозглашал Набоков. Ассистент сделалась персоной столь же легендарной, как и сам преподаватель. Она приводила его в аудиторию, номер которой он частенько забывал. Если профессор забывал цитату или страницу, она подсказывала, если он терял очки, она занималась розысками. Она подавала нужные записи, рисовала необходимые схемы, стирала мел с доски. Готовила лекции по нелюбимому писателем Достоевскому, принимала на себя шквал экзаменационных работ (набоковский курс становился все более популярным) и зачастую даже повышала студентам оценки.

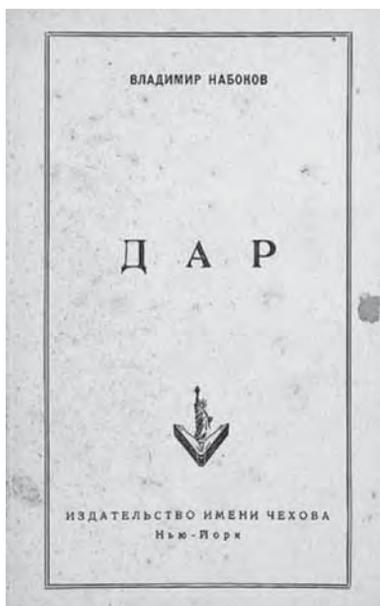
Но лекции для Набокова писала Вера, иногда читала за него курс, если муж болел или капризничал. Студенты побаивались сфинксообразной особы в черном платье и за глаза называли Веру «седой орлицей» или «злющей западной ведьмой». Соседи наблюдали другую картину. Например, как во время переезда Вера тащила тяжелые чемоданы, а муж нес маленькую на-

стольную лампу и шахматы, как зимой «миссис Набоков» чистит машину от снега, как в непогоду она несет мужу на работу зонтик и галоши. Набоков и не заметил тех трудностей, которые обычно приносит в дом рождение ребенка. Для него это было золотоволосое чистенькое чудо – не более. Утро Набокова начиналось с фирменного коктейля жены: яйцо, какао, апельсиновый сок, красное вино. Он сидел дома и творил: в часы вдохновения по 15-20 страниц в день, в иные вымучивал тринадцать строчек за 17 часов. Ни слова упрека – гений вне критики (в гениальности мужа Вера не сомневалась никогда).

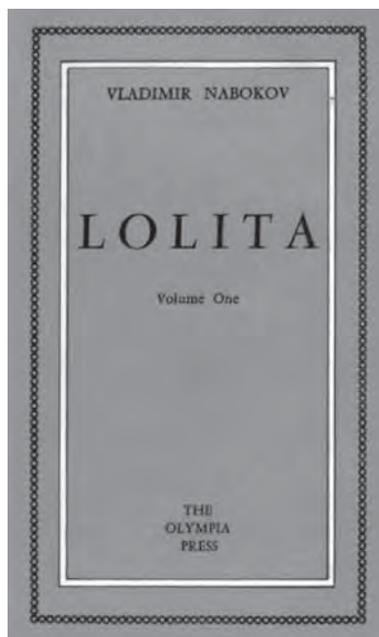

Владимир и Вера Набоковы за любимым делом. Итака, 1958. Фото Карла Майданса – автора исторических фотографий подписания капитуляции Японии на линкоре «Миссури»

Своим появлением на свет роман «Лолита» обязан Набокову, но вот своим существованием – только его жене. Набоков с трудом привыкал писать на английском. Рукописи неоднократно грозило сожжение, и Набоков не единожды порывался это сделать: в течение нескольких лет, когда он писал самое скандальное произведение XX века, его одолевали технические сложности и сомнения. Известно, что осенью 1948 года именно Вера выхватила из пламени «Лолиту», когда Набоков в минуту отчаяния развел за домом огонь и бросил туда рукопись. «Это необходимо сохранить!» – припечатала она, затоптав огонь на спасенных листах. И в последующие годы она еще будет уговаривать его не уничтожать роман. Беспокойство Набокова по этому поводу было понятно – вплоть до 1958 года никто не брался издавать «Лолиту», ни одно издательство не желало брать на себя смелость выпустить эту «бомбу замедленного действия». Особенно рискованным шагом была публикация такого

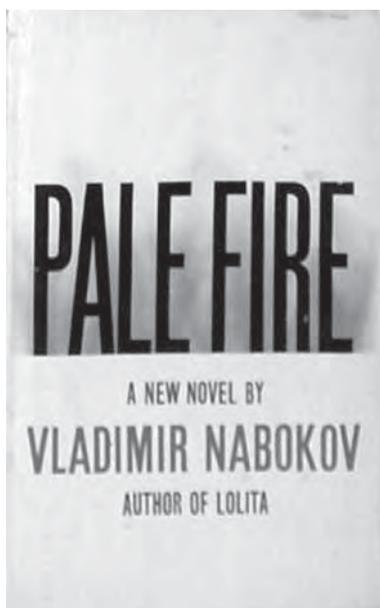
Обложки первых изданий романов В.В. Набокова.
«Дар». Нью-Йорк, 1952 год

«Лолита». Париж, 1955 год

романа человеком, занимавшим должность университетского профессора. Вера сражалась с европейскими издателями – скандальное произведение дважды запрещали во Франции. Успех «Лолиты» был поистине сокрушительным, хотя бестселлер не избежал превратного истолкования, а главное – непонимания, что происходит порой, и особенно в наше просвещенное «политкорректное» время.

В Англии издатели с трепетом ждали новостей из парламента, не зная, то ли им придется завтра отправиться в тюрьму, то ли можно будет начать рассылку напечатанного романа по книжным магазинам. Но в итоге Вера победила. Успех «Лолиты» был сокрушительным – журналисты взяли в осаду дом Набоковых и отель, где они останавливались. В Америке был продан почти миллион копий романа. «Все это должно было случиться тридцать лет назад», – с горечью заметил Набоков. Вера занималась всем сразу: от-

«Бледный огонь». Нью-Йорк, 1962 год

«Истинная жизнь Себастьяна Найта».
Нью-Йорк, 1941 год

вечала на телефонные звонки и письма, корректировала гранки, переводила сама. Однажды ей пришлось со словарем проверять шведское издание: там отсутствовали целые абзацы, некоторые мысли были искажены. Вера вынудила типографию сжечь тираж. Она умела торговаться: заключая новый длительный контракт, вписала в него пункт, учитывающий инфляцию. Издатели посмеялись, но через несколько лет, когда инфляция в Америке стала реальностью, вспомнили Веру недобрым словом. Набоковых осаждали репортеры, издатели, голливудские продюсеры, посыпалась лавина писем, звонков, отзывов в прессе. Ураган «Лолита» захватил весь мир – профессор литературы с ассистентом превратились в скандально известного писателя и его знаменитую жену. Через несколько месяцев «Санди Таймс» опубликовала рейтинг лучших книг года – и «Лолита» вошла в первую тройку. Через год «непристойный роман» возглавил список мировых бестселлеров.

«Приглашение на казнь». Париж, 1938 год

«Защита Лужина». Берлин, 1930 год

В связи с обвинениями, посыпавшимися на голову Набокова после публикации этого романа, хотелось бы привести отдельные высказывания супругов, косвенно характеризующие систему их взглядов по проблемам морали. Набоков: «Я мыслю, как гений, пишу, как выдающийся автор, и говорю, как дитя. Я никогда в жизни не напивался. Никогда не употреблял мальчишеских слов из трех букв. Никогда не работал в конторе или угольной шахте. Никогда не принадлежал к какому-либо клубу или группе. Я с отвращением отношусь к бульварному чтиву и к популярным музыкальным ансамблям, презираю музыку притонов и ночлежек, не воспринимаю «научную фантастику» с девками и громилами...» «Меня с души воротит от дешевых фильмов – в них калеки насилуют под столом монашек, голые девки трутся грудями о смуглые тела отвратных молодых самцов. Секс как общественный институт, секс как широкое понятие, секс как проблема, секс как пошлость, – все это я нахожу слишком скучным для разговора. Давайте оставим секс в покое».

Гуманитарную позицию Набокова хорошо характери-

зует письмо, которое он послал бывшему однокласснику-тенишевцу Самуилу Розову, израильскому архитектору, отправленное в 1967 году после Шестидневной войны: «Всею душой глубоко и тревожно был с тобой во время последних событий, а теперь ликую, приветствуя дивную победу Израиля».

В конце 50-х Набоковы вернулись в Европу и поселились в швейцарском отеле в Монтре, где Вера провела последние тридцать лет жизни. Всемирно известный писатель, снискав славу и состояние, упорно отказывался приобрести собственное жилье, отвечая на недоуменные вопросы, что у него... уже есть один дом – в Петербурге, куда ни ему, ни Вере не суждено было вернуться.

В Швейцарии Набоков стал главной «достопримечательностью», в отель постоянно стремились журналисты, поклонники творчества, туристы, биографы – со всем потоком посетителей приходилось справляться Вере, которую буквально заваливали письмами звонками, просьбами о встрече и мнении. Помимо этого,

она не оставляла обязанностей редактора, переводчика, секретаря, уделяя внимание и текущей работе писателя. Она стала «Набоковым» для публики, его голосом, во многом мифологизируя образ писателя в глазах внешней аудитории и оставаясь для него единственно желанным читателем, понимающим его с полупамята.

В Швейцарии Вера провела последние 30 лет жизни. Набоковы не принимали ничего того, что было связано с Советским Союзом. Писатель говорил, что русский нужно учить не для того, чтобы знать, что думает о войне Сталин, а чтобы знать, что думал о войне Толстой. Муж и жена отказались от знакомства с Чарли Чаплином, симпатизировавшим коммунистам. Не меньшую неприязнь вызывали у них и немцы. Вера, явно не отличавшаяся толерантностью, говорила после окончания войны: «Теперь все бросились помогать «бедной Германии», без которой Европа яко-

бы не может жить. По-моему, очень даже может». Владимир откровенно наслаждался подобными провокациями жены.

Достаточно интересной личностью был Дмитрий Владимирович Набоков (10 мая 1934, Берлин – 23 февраля 2012, Веве) – американский переводчик и оперный певец (бас), единственный сын Владимира Набокова и Веры Слоним. Предмет родительской гордости и тревог, он, успев побыть автогонщиком и поработав переводчиком, всерьез занялся оперной карьерой. В 1951-1955 годах изучал в Гарвардском университете гуманитарные предметы, в основном литературу и историю. После окончания поступил в консерваторию Longy School of Music в Кембридже (штат Массачусетс) по специализации вокал (бас), а затем стажировался в Милане. Оперный певец (в 1960-е годы выиграл конкурс молодых певцов вместе с будущей мировой звездой тенором Лучано Паваротти). В 1961 году вместе с Паваротти дебютировал в опере Дж. Пуччини «Богема». Профессионально пел до 1982 года. Преподавал русский язык. Увлекался скалолазанием и автоспортом, принимал участие в автогонках до 1965 года. Пробовал свои силы в кино, снялся в итальянском фильме «Гиена в бронированном сейфе» (1968). По словам самого Дмитрия Набокова, в 1960-х годах он работал на ЦРУ, выполняя задание в Италии. Известность приобрел как издатель и литературный переводчик на английский язык русских произведений своего отца. Первые литературные переводы нескольких рассказов и романа «Приглашение на казнь» осуществлял под надзором и патронажем отца в конце 1950-х годов. Создал «Фонд американских друзей музея Набокова».

В последний год жизни Владимир Владимирович постоянно болел – сдавали сердце и легкие. Его тело умирало, а душа цеплялась за Веру. Ворчал: «Я бы не возражал полежать в больнице, если бы ты была рядом, положил бы тебя в нагрудный карман и держал при себе». 2 июля 1977 года сердце Набокова остановилось. Вера и Дмитрий были рядом. На траурной церемонии Вера не проронила ни слезинки. Семья старалась держать удар, но в порыве отчаяния она бросила сыну: «Давай наймем самолет и разобьемся!». Пережив мужа на четырнадцать лет, продолжая неустанно заботиться о его литературном наследии, она оставалась его самым верным и преданным партнером. Поразительно,

но ее жизнь мало изменилась после смерти супруга: пятьдесят лет центром ее существования была не она сама. В последние годы Вера страдала болезнью Паркинсона, правая рука плохо слушалась, но, как всегда, она была загружена работой, консультировала биографов, выдавая микроскопические частицы правды. «В моей жизни было много всякого интересного», – так Вера ловко уходила от слишком прямых дотошных вопросов.

В возрасте восьмидесяти девяти лет 7 апреля 1991 года Вера Набокова тихо скончалась в том же городке Веве (Швейцарская Ривьера, франкоязычный кантон Во) на берегу Женевского озера. Прах, согласно ее воле, смешали с прахом мужа. 23 февраля 2012 года в госпитале в том же Веве от воспаления легких скончался и Дмитрий Набоков. Несмотря на то, что он «жил яркой, кипучей любовной жизнью», он так и остался холостяком и детей не имел – слишком высока была планка семейной жизни, установленная его родителями. Таким образом, этот яркий и талантливый род не оставил потомков.

«За каждым великим мужчиной стоит великая женщина, даже если издали она похожа на тень» – эта английская поговорка повторена столько раз, что принимается за клише. Но в случае женщины, которой в действительности посвящены все произведения великого писателя, эти слова не только уместны, но даже не передают всей полноты той роли, которую блестяще сыграла Вера Набокова в жизни супруга. Владимир Набоков говорил: «В любви нужно быть как сиамские близнецы: один чихает, когда другой нюхает табак», – и называл свой брак с Верой «божественным пасьянсом». Находясь в тени и не улавливаемая крупным планом, она была и останется всегда рядом с гением Набокова, которому самоотверженно посвятила всю свою жизнь. Вере Набоковой по праву принадлежит место в числе самых прославленных жен в русской культуре.

Публикации

- 304** Редьярд Киплинг
Бремя Иерусалима
Переводчик: Игорь Лосинский
- 309** Иван Гайдаенко
Дикария
Публикация Валентины Гайдаенко

Редьярд Киплинг

Бремя Иерусалима

Переводчик: Игорь Лосинский

После смерти Киплинга в начале 1936 года его вдова обнаружила две неопубликованные поэмы. Одна из них – «Бремя Иерусалима» – была сочтена ею абсолютно не годящейся для печати. Своими сомнениями вдова поделилась с лордом Альфредом Вебб-Джонсоном, врачом и литературным душеприказчиком поэта, и тот вполне согласился с нею.

По прошествии нескольких лет, в разгар Второй мировой войны, сэра Альфред решил посвятить в тайну поэмы самого Уинстона Черчилля (по случаю приема того в почетные члены Королевского хирургического колледжа). Черчилль пришел в восторг, но подтвердил, что поэма непечатна. При этом он вспомнил, что среди пылких почитателей Киплинга числится и президент США Франклин Делано Рузвельт. Премьер попросил сэра Альфреда изготовить еще одну копию и послал ее ФДР, присовокупив сопроводительное письмо, где, среди прочего, было написано буквально следующее:

«...важно, чтобы факт существования поэмы остался неизвестным, и чтобы не было никаких публичных упоминаний об этом подарке».

Рузвельт был настолько тронут, что в тот же день (немедленно после получения копии) ответил и Черчиллю, и Вебб-Джонсону.

«Я понимаю, почему миссис Киплинг решила не публиковать поэму, – написал он сэру Альфреду. – Так и или иначе, это драгоценность».

Послание Черчиллю носило более политический оттенок:

«Мне совершенно ясно, почему это не может быть опубликовано сейчас, – констатировал ФДР. – Возможно, «Бремя Иерусалима» должно подождать, пока я буду достаточно силен, чтобы притащить Ибн-Сауда в Иерусалим, а др. Вейцмана – в Мекку».

Итак, копии были положены под сукно соответствующих библиотек и извлечены для публикации лишь полвека спустя.

Новый перевод этой поэмы выполнил Игорь Лосинский

Аврам сказал Саре: вот, служанка твоя
в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно.
И Сара стала притеснять ее, и она убежала
от нее.

Книга Бытия, XVI.6.

Идет вражда
сквозь тьму веков –
Агари сын
и Сары сын
Ее ведут
среди песков
вокруг тебя, Ершалаим.

(Мамврийский дуб –
под ним лежал
Сам Патриарх –
но даже в снах
Он, как и Сара,
не мечтал,
чем станешь ты, Ершалаим.)

Где был рожден –
в тени шатров –
там он и жил,
сын Измаил,
среди Верблюдов
и Шипов,
в Бээр-Шéве, где Ершалаим.

Израиль ждал,
что фараон

подаст еды
за их труды,
пока Рамзес не выгнал вон
с проклятьями
в Ершалаим.

И сквозь пески –
беги, кто жив –
вброд Иордан
прошла орда,
мечом, огнем
путь проложив
на Ханаан – в Ершалаим.

Но Царь, Судья
не чтут закон.
Итог был плох – Израиль сох,
но тут вмешался Вавилон,
и опустел Ершалаим.

Кир возвратил их всех назад,
чтоб правил Царь,
как было встарь.
Но злобный Тит разрушил град,
и пал твой храм, Ершалаим.

Затем народ
рассеян был.
Под стать царям
и рыцарям,
мстя, сын Агари захватил
для мусульман Ершалаим.

Вероученье
Измаил
для нужд своих
создал, как стих.

«Аллах акбар!» –
он возвестил
в твоих стенах, Ершалаим.

Сквозь города,
на север, юг,
сквозь боль и страх
костров и плах,
убийств, разбоев,
сотен мук
изгои шли, Ершалаим.

Текли века.
«Ты полураб,
полупророк», –
велел им рок.
Но время шло
и дох сатрап.
Был на губах Ершалаим.

Какой Господь –
нам не понять –
приходит к ним,
гонимейшим,
и к дивидендам,
что хранят
Рим, Таллинн и Ершалаим;

Но ход Времен
нам дал понять,
что на бегу
(коль ты не гунн)
не надо путь пересекать
с Когéном. О, Ершалаим.
Под шапкой Равви
(иль фигур
киноцарей

минувших дней)
взывает
кровь из царства Ур,
вресна, чужда – Ершалаим.

Где Измаил
живет, у врат
вор храбрый ждет –
завет речёт:
узреет скоро
брата брат –
волк, чтоб вернуть Ершалаим.

Израиля
познает гнев
тот нееврей
среди людей,
что в плен волок
мужей и дев
с триумфами в Ершалаим.

Кто от жены
не защитил
свою рабу –
вот он вражду
извечную
и породил,
и скорбь твою, Ершалаим!

Иван Гайдаенко

Дикария

Из незавершенного

Он был уже болен. Отказали ноги, а руки пока работали – писали. Но главное – это, видно, профессиональное – голова была ясной. Мысли, образы были всегда с ним. Он ловил каждый миг, чтобы сесть за стол и что-то оставить на бумаге.

Уже прикованный к постели, он с особой жадностью к слову спешил диктовать. Где-то за год до смерти в его желтом блокноте появилась новая запись: «Дикария» – повесть». Ему хотелось положить побыстрее начало новому детищу его ума, успеть поделиться с нами мыслями, мучившими его последние годы, предчувствуя, что срок его жизни отсчитывает минуты. Не получалось, он нервничал, много черкал, курил, начинал сначала. Сколько ночей без сна, сколько пережитых снов о том, что хотел изложить на бумаге!

Иногда отодвигал в сторону начатое. Уходил от написанного в книги, в литературу о племенах Полинезии, в свои путевые дневники, что привозил после каждого рейса на судах Черноморского морского пароходства. И опять возвращался к своим брошенным героям.

И вот найден ключик, как любил говорить отец, начиная новую исповедь перед читателем.

Передо мной синяя папка с блокнотом, а в нем убористым красивым почерком переписанная начисто незаконченная первая глава повести «Дикария». Он успел... но успел только на начало, а уж сама жизнь продолжит его повествование. А нам бы только не оплошать, и, как сказал один из героев незаконченной повести «Дикария», не сотворить «земной рай с сервисом людоедов».

Валентина Гайдаенко

Океаны необъятно велики, но Тихий океан – воистину Великий. Он объял половину планеты, затопил самые глубокие впадины и больше всех своих собратьев наплодил островов. Великий и... Тихий! Не парадокс ли? Нет, закономерность. Богатырь, обладающий неумной силой, всегда спокоен, уравновешен и кроток. Разозлить его, вывести из себя – труднее, но если это удалось, берегись! Он покажет, на что способен. В ярости он жестокий и необузданный тиран, несущий неисчислимые беды, но даже в безумном гневном – извечный водонос и щедрый кормилец человечества.

Океан – слепой поводырь добра и зла, вечно молодой, любвеобильный и деспотичный супруг материков, заботливый брат горных хребтов, многодетный отец, добрый и нежный к своим дочерям – рекам, живущим по его милости и умирающим на груди матерей; суровый и требовательный к своим сыновьям – островам, прижитым с любовницами-звездами. Каждую ночь они слетают с неба на его свежую постель и за миллионы лет нарожали ему тысячи внебрачных сыновей. Из темных глубин родительского ложа тянутся они к поверхности, чтобы упиваться светом солнца, и вырастают баобабы океана по три, по пять тысяч метров, вцепившиеся в холодное дно, сверкая золотисто-зелеными веснушками на голубом лице планеты. Сколько их, этих веснушек земли?! Рассеянные россыпями, растянутые цепочками и грустно одинокие. Но все похожие на своих небесных матерей.

Спит океан, не шелохнется. Так и подобает великану после долгого и трудного единоборства с извечным соперником ветром. Поблек от усталости, полинял от немилосердно палящего солнца, утратил свою первозданную синь. Но стоит коварному ветру дерзкой силой сдернуть выгоревший шатер неба, и тут же заворочается, зашумит, заиграет мускулами волн и обретет свою синеву.

Пустыня и тишина. Единственная крупинка – белый лайнер «Русь», крошечной мошкой, увязшей в тягучей патоке безмолвия, ползет по мутной расплавленной лазури. Шуршание солено-белого буруна у форштевня и монотонно бубнящая труба вселяют веру, что жизнь на земле продолжается и прекрасный мир не обезлюдел. Ни звука, ни шороха на верхней палубе, отдан-

ной солнцу. Солярий – пестрое лежбище разомлевших мужских и женских тел, лоснящихся от кремов и лосьонов, выступающего жира и соленого пота. Тела далеко не первой свежести, давно потерявшие изящество форм. Тунцами среди трески выделяются упругостью мышц редкие экземпляры, дышащие жаром молодости и сдерживаемой энергии. И туши грузные, неповоротливые, остроязыкие...

На лежбищах моржей, котиков, тюленей – неугомонная толкотня и угрожающее рычание, а здесь – неподвижность и беззвучие. Лишь иногда разгоряченное тело плюхнется в ультрамарин бассейна или подойдет к стойке бара, смакуя, высосет кружку золотистого баварского пива и снова бросает свой торс на надувной матрац, уложенный на деревянный настил, выдраенный ночью матросами до желтизны. Телеса выжариваются утренним солнцем, а головы укрыты причудливыми уборами и отключены от забот бытия. Благодать Морфея поглотила весь вернисаж обнаженных фигур. Но это обманчивое впечатление. Мысли многих витают далеко-далеко, что-то ищут, примеряют, корректируют житейские вариации дел прерванных или требующих своего начала.

Тишина и покой. Но придет час – и потребительский зов безальтернативного реактора заставит лежбище закричать, заворочаться, заговорить и дружно подняться, чтобы заполнить кресла у белоснежных столов ресторана. И сгнуло безмолвие. Аккомпанемент столового серебра, фарфора, гудящая река голосов, принявшая в себя ручейки английского, немецкого, испанского. В этом гулком потоке невозможно выловить хотя бы одну фразу, только отдельные слова. Кормят здесь с королевским сервисом и на убой: шесть раз за восемнадцать часов, кормят вкусно, без ограничений и без информации о заложенных граммах в тарелку. Не случайно в самом начале круиза, когда гостям-туристам представляют администрацию судна, больше всех аплодисментов отпускается... нет, не капитану, а кормильцу – шеф-повару. Человечество любит пожевать вкусное, и поэтому, еще не зная способностей кулинара, авансом задабривает его овациями.

Пока лежбище объято густым маревом звонкой тиши, под цветастым тентом, где хлопочет бармен Василий, молодой крепкий

парень в белоснежном кителе с золочеными пуговицами, вяло, как всплески летучих рыбок, прорываются и затухают праздные вопросы и такие же пустопорожные ответы:

– Знает ли мистер Василий, что такое мультимиллионер? – спрашивает Билл Касл, жилец люкса № 1, общительный турист в желтой жокейке и золотистых шортах.

Василий уязвлен. Почему этот господин посчитал его балбесом, не знающим общеизвестного? Отвечать он не стал, а в пику ему задал свой вопрос с ехидцей:

– А знает ли мистер, что такое лапти?

– Лапти? – Билл отхлебнул очередной глоток пива и задумался. Такого «кроссворда» не довелось ему решать за все свои полсотни лет! – Лап-ти!

– Темный человек, – по-русски заключил бармен, до блеска натирая бокал, и, не дождавшись ответа, спросил:

– Мистер знаком с миллионерами?

Касл хмыкнул, поджал губы, а внутренне возмутился: почему этот парень не принял его за миллионера, неужели вид его персоны и поведение так далеки от сильных мира сего?

– Не только знаком, мы их делаем, – ответил он, стараясь побольше напустить тумана загадочности.

Василию ответ понравился. Интересно, как это можно делать миллионеров?

– Почему же вы себя не сделали миллионером?

– Денег не хватило, – не раздумывая, ответил Билл и почувствовал, что его самолюбие еще больше пострадало. «Откуда известно, что я не достиг высокого ценза? – мысленно спросил он себя. – С Розалиной мы занимаем лучший люкс, ни в чем себе не отказываем, и ему, стервецу, на чай отваливаем»...

– Усек, – хитровато подмигнул Василий, щелкнув пальцем по бутылке «Курвуазье», – конечно, бутылка много места занимает в кармане.

«Ну, это уж слишком хамовито», – подумал Билл и решил контратаковать грубияна.

– Русских я не переблю.

– А русские, между прочим, не так уж много пьют, просто пить не умеют.

– Вы правы, культуры не хватает. Им хочется на четырех походить.

– Не то, мистер. Закусывают не по науке. Я вот подсчитал: за две недели нашего рейса выпито более полутора тысяч бутылок крепкого и около трех тысяч литров пива. Разделите на четыреста человек и на четырнадцать дней – и только один пьяный.

Касл прикинул в уме итог деления, покачал головой.

– А как выглядит это в интернациональной диаграмме? Пальма первенства, конечно, у французов?

– Они больше по вину ударяют, итальянцы не уступают, американцы – по водке и виски, англичане отстают, но не очень.

– А немцы?

– Чемпионы по пиву.

– Я не немец, но пиво люблю.

– Вы универсал, ничем не пренебрегаете.

– Кстати, в прошлой войне русские одержали победу над немцами, а вы, дети победителей, сегодня прислуживаете побежденным. Вас это не унижает?

Василий нахмурился. Тонкими иглами что-то уткнулось в мозг. Никогда он не задумывался над этим. Молнией пронеслось в памяти все, что осталось со школьных лет о войнах.

– Американские лайнеры разве не перевозят испанцев? – рассуждал он вслух. – Разве немцы не обслуживают французов? За тысячелетия истории передрался весь мир. Все мы победители и все побежденные, потому что никак не избавимся от нравов дикарства.

Кто-то подал слабый голос из лежбища. Голос приглушенный, извергаемый в матрац. Неизвестно, в связи с чем он возник и кому адресован.

– Компас придумали китайцы в тысяча сто десятом году.

Никто не возразил, никто не подтвердил объявленную информацию, и она растворилась в молчаливом безразличии общества, заколдованного тропическим солнцем. Но минуту спустя послышался женский голос:

– Мы избалованные дети урбанизма. Из каменных джунглей нас влечет к природе, а достигнув ее, мы чувствуем холод

первобытности и рвемся назад к цивилизации, – это был голос Розалин, супруги Билла Касла.

– Вернее, к деньгам и порокам, – вставил свой комментарий хорошо поставленный баритон, – ведь никого не манит труд праведный.

И лежбище разговорилось. Так начинает свою работу ветер: вначале легкое дыханье, за ним порывы подлиннее, потом резкий удар крылом – и закружит, завоюет сорвавшийся шквал.

– Океан, что отполированное зеркало, погода – благодать! – снова подала голос Розалин. Она всегда занята чтением книг, но сегодня... разговорилась.

– Тишина всегда изменчива. Затишье сменяется бурей, – молвила глухо дама в чалме.

– Читала, что в океанах скрываются подводные скалы, – тревожным голосом сообщила толстенная средних лет миссис.

– Эти места изобилуют коралловыми рифами. Это целые горы подводные, невидимые, – уточнил мужчина, прикрытый сомбреро. Судя по тому, что его рука лежала на спине толстушки, – ее супруг.

– А мины, господа, мины! Они плавают по сей день... – еще более тревожно запричитала, будем считать, его супруга.

– К чему опасения, дамы! У нас капитан – судоводитель экстра-класса с высшим морским образованием, опытный бывалый практик, – попытался успокоить даму длинный, как жердь, мужчина.

– Конечно, дипломом Ллойда он усмирит ураган, – скептически проговорил мистер в сомбреро.

– Я уверена, что «Титаник» не повторится, – категорически заявила женщина в чалме.

– Но какие сейчас хоррикейны, какие торнадо! С грозами, шаровыми молниями, девятый вал, – не унималась толстушка.

Не выдержав устрашающей болтовни, сухорезбый мужчина закричал и поднял половину туловища. Сидя среди равнинного лежбища, он торчал одиноким и тощим кнехтом.

– Оставьте пессимизм, господа! Мы же не в Ноевом ковчеге, на современном лайнере.

– Недооцениваете Ноев ковчег, мистер. Ладья Ноя имела сто пятьдесят с половиной метров в длину, двадцать шесть и шесть десятых в ширину и шестнадцать и семь десятых метра в высоту. Наш турбоход не намного больше, – это был голос проповедника.

– У Ноя не было турбинного двигателя, балансиров против качки, радиоэлектроники, – отстаивал преимущество лайнера сухопарый.

Среди лежбища поднялся второй кнехт и рявкнул басом:

– И не было спасательных шлюпок, взгляните – это же настоящее суденышки, а не плоты... – это взорвался мужчина в сомбреро.

Припекло ли поднышающее солнце, а может, призвал вечный зов грешной утробы – лежбище зашевелилось, запыхтело и стало походить на поле, густо усеянное надолбами. Заворочались головы, задвигались ноги и руки, заклокотал говор в разных тональностях.

– Земля, забытая людьми и господом, – ну а это обронила сама пышка.

– Забыта господом, но не забыта господами, – в миноре заключил полинезиец.

Тем временем Розалина улеглась одинокой на все лежбище, раскрыла толстую книгу и принялась за чтение какого-то детективного романа. Полинезия – для нее край давно известный, уже десять лет они с Биллом Каслом скитаются по этим диким краям, изучая насекомых и фауну океана.

Защелкали фотоаппараты с телеобъективами, нацелились бинокли, зажужжали кинокамеры. Проплывал зеленый остров с палевыми берегами, отороченными белой каймой наката.

Оставив стойку бара, Билл Касл примкнул к толпе туристов, чтобы в любой миг включиться в спор, если такой возникнет. Он любил полемические баталии и по роду занятий хорошо знал Океанию. Конечно, больше других свои родные края, их исторические пути и тропинки знал сам сын Полинезии, но чтобы не привлекать внимания, он ускользнул от собравшихся у борта и, усевшись у столика бара, с интересом стал наблюдать первое знакомство туристов из Европы и Америки с «Дикарией». Здесь без помех он мог слышать, что говорят, как реагируют и оценивают увиденное.

Открылась голубая лагуна с пальмами и пустынными пляжами. Просторная бухта, защищенная выступами берега, самой природой спланированный порт, но его никто не построил. Крылатыми китами, выброшенными на сушу, лежали на песке туземные лодки с балансирами по бортам. На береговой линии на возвышенностях – ни обелиска маяка, ни купола церкви, ни телевизионной вышки – вездесущего ориентира современности. Далеким хутором в океанских просторах, где в джунглях дремлет еще первобытность, породнившаяся с орущими транзисторами, кока-колой и часами «Сейко».

– Леди и джентльмены! Краски экзотической Полинезии неповторимы! – зазвенел веселый певучий голос, усиленный радиоспикером.

На палубу вспорхнула очаровательная мисс Дилли – штатный гид и затейник дирекции круиза. Кто-то окрестил ее океанической сиреной. Распущенные каштановые волосы, прижатые золоченым обручем, и длинноногий стан, втиснутый в серебристый глубоко декольтированный комбинезон, действительно придавали ей вид мифической девы моря.

– Далеким разбросанным островам среди вечного потопа, – начала свой рассказ Дилли, – открыли нам наши мужественные предки. Бог устроил для нас огромный этнографический Эрмитаж под открытым небом. Всего лишь четыреста лет мы знакомы с дикими племенами Полинезии, но вы увидите выросшие города, ленты шоссе и железных дорог, фабрики, радио, телеграф, кинотеатры и поразительную экзотику.

– Церкви и пивнушки, – добавил Билл Касл.

– Островитяне питались мясом диких зверей и птиц, – продолжала гид, – а там, где их не было, – плодами и корнями, рыбой и травами. Полинезийцы люди не брезгливые, их меню довольно разнообразное: черепахи, змеи, ящерицы и личинки жуков, а глубоководные кольчатые черви океана Палоло для них особый деликатес. Позже появились свиньи, собаки, куры, и их рацион значительно расширился. Мы с вами пытаемся быть тонкими, изящными, а для полинезийцев полнота, тучность говорит о солидности, важности персоны.

Мужчина в сиреневых плавках и широкополом сомбреро, хлопывая по плечу свою упитанную супругу, говорил ей шутливо:

– Моя дорогая Мэри, ты сошла бы у них за министра.

– А ты за знахаря, – огрызнулась жена.

– Не обошлись аборигены и без веселящих напитков. В торжественных случаях царек приглашал юных девушек, и они жевали корни перечного растения. Все пережеванное собиралось в морские раковины, разбавлялось водой, и божественный напиток кава с поклоном преподносился дорогим гостям.

– Фу, какая гадость! – сморщив лицо, завертела головой дама в чалме.

– О кофе я напому вам перед обедом, – пообещал любезный сосед в сомбреро, тот же супруг пухленькой Мэри, имя которого Джо.

Рассказ гида перехватил Билл Касл:

– Не стоит осуждать, господа. Туземцы не имели мясорубок. Около года мы жили на одном таком острове и постоянно ходили с Розалин обедать в уютную таверну. Там прекрасно готовили обеды и быстро обслуживали. Но как-то я пригласил туда друзей, приехавших из Англии. На сей раз второе нам долго не подавали. Любезный хозяин-полинезиец отозвал меня в сторону и стал извиняться: «Простите, пожалуйста, – говорил он, – когда вы приходите обедать вдвоем, мясо жует моя жена, но сегодня у вас гости, и мне пришлось вызывать соседней». Это было открытие. Наконец я узнал секрет, как готовятся вкусные сочные котлеты.

Многие брезгливо зафыркали, а многие рассмеялись. Захохотала и Дилли, потом белоснежным платочком промокнула уголки глаз и повела беседу дальше:

– Жизнь аборигенов похожа на жизнь муравьев, она примитивна и непритязательна. Их мебельные гарнитуры – плетеные циновки, морские раковины – их кастрюли и сковородки, они же заменяют фарфор и хрусталь, листва служит им салфетками и полотенцами, вместо мыла – травы, зола, мыльный корень, известь.

Упоминание о мыле заставило скучающего от безделья Василия прислушаться повнимательнее к рассказу Дилли. «Наконец-то

и мы достигли прошлого дикарей», – зло подумал он. Перечень заменителей мыла, которыми пользовались полинезийцы, натолкнул бармена на дерзкую мысль, и он произнес ее вслух:

– Сегодня же отправлю радиogramму жене: «Лиля, добывай мыльный корень, используй известь. Целую, Вася».

– В таком тепле, – Дилли возвела руки к солнцу, – не нужен фундаментальный дом и можно обходиться без камина и электрогрелки, никто не думает о норковой шубе и теплых сафьяновых сапожках...

– Жизнь нелегкая, но дешевая, – заключил сухопарый. Он был равнодушен к даме в чалме, имя которой Линн. Она же холодна и безразлична к жердеподобному Роберту Симпсону, хотя фамилия его очень популярна.

– И совсем нет телефона?! – с ужасом в глазах не то констатировала, не то спросила Линн.

– Зато есть огромная и всегда теплая ванна – океан! – повел рукой, указывая на ширь бесконечного простора, Билл Касл.

Среди туристов всегда находятся знатоки-комментаторы. К их репликам Дилли привыкла, они ее не раздражали, хотя и рвали канву рассказа.

– В своем обществе племена не знали никакой одежды, – Дилли раздернула змейку комбинезона, на один миг показав свою полную и упругую грудь, гладкий чуть запавший живот, и в ту же секунду задернула змейку. Никто из женщин не ахнул, не упал в обморок, а у мужчин только расширились зрачки, и кто был при усах, произвольно коснулся их кончиков.

– Но перед европейцами, – мило улыбалась Дилли, – туземки все же прикрывали свои срамные места, надевая мини-передники, а мужчины – набедренные повязки из тапы, искусно изготовленной из коры дерева.

– Ультрацивилизованный двадцатый век! – воскликнул Касл. – Дикари одеваются, а цивилизаторы раздеваются!

– Действительно. Удивительный парадокс, – изумилась Линн, – мы их одели, а сами... совершаем вселенский стриптиз. Нудисты – те совершенно голые, и это в нашу высоконравственную эру, – взглянув на всех и на себя, она постепенно начала натягивать халат. Немногие дамы последовали ее примеру.

Мэри внимательно слушала гида, но думала совершенно о другом. С момента выхода лайнера в круиз ее не покидали тревожные мысли об опасностях, какие могут их подстергать в открытом океане. Наконец она обратилась к своему супругу:

– Джо! Я совершенно выпустила из вида – летающие тарелки! Это самое страшное в океане.

– Они бы стали самым впечатляющим эффектом, – отмахнулся супруг.

И тут же леди Линн высказала свое мнение:

– Да, инопланетяне похищают людей для научных опытов.

– А здесь, в этой пустыне – ни полицейского, ни правительства, – разжигала костер страха Мэри, – за такие деньги – и такой ужас!

– Напрасны твои тревоги, Мэри, – не без иронии пытался успокоить жену флегматичный Джо, – тебя не украдут. Я представлю гуманоидам самые полные сведения о твоём характере, к тому же, не так просто втиснуть тебя в тарелку...

– Пожалуйста, не остри, Джо. Перенести вторжение УФО – не всякий выдержит.

Разговор возник явно не по теме, и раздались голоса увлечённых информацией гида:

– Чаще молитесь, леди, – бросил все ещё не облачившийся пастор.

– Слушайте, не перебивайте, – раздражённо проговорил мистер Симпсон.

Под недовольными взглядами и шиканьем страхи были подавлены, а голосок Дилли торжествовал по-прежнему:

– Мужчины Океании! – она бросила игривый взгляд в сторону полинезийца и закатила глаза под лоб. – Это финикийцы великого океана! Непревзойденные мореходы, мастера-корабелы, умеющие без одного гвоздя строить прочные ладьи, противостоящие бурям. У них живой ум, ловкое подвижное тело, солнечный темперамент. Ничем не уступают им женщины Полинезии: изящные движения, открытый дружелюбный взгляд, добрая, чуть грустная улыбка. Они обладают недурным вкусом, умеют сочетать яркие цвета, лишены зависти, нетребовательны, обходятся самым необходимым.

– Ах, как похожи на них наши милые дамы! – Роберт Симпсон обвел руками толпу женщин у борта.

– Особенно в довольствии «необходимым» – модные меха, бриллианты и кое-какие «мелочи», – раскрыл скобки Касл.

– Правда ли, что они убивают своих детей? – спросила Линн, отойдя подальше от мистера Симпсона.

– Исследователи утверждают, что полинезийцы любят своих детей, – Дилли тяжело вздохнула, и лицо ее стало печальным, – но на отдельных островах, где не хватало еды, и мать вправе была иметь не более одного ребенка, там новорожденных... Трагическая участь первыми постигала девочек и неполноценных детей. Такому варварству содействовали и местные верования, и дикие нравы, и, конечно, незнание о существовании предохранительных средств.

Толпа у борта зашумела. Негодовали женщины:

– Боже, какое зверство! – воскликнула Линн.

– Это не люди – скоты! – поддержал ее Симпсон.

– Хуже скотов, собака не бросит своего щенка, – сказала в ответ Линн.

– А заберешь щенка – скулит, плачет, ищет, – поддержала Мэри.

– Обезьяны не творят подобного, – прозвучал незнакомый голос.

– Истинные варвары! – еще кто-то дал свою оценку.

– Сатанинская порода! – заключил мистер Симпсон.

– Не будем ханжами, господа! – надевая пижаму, вмешался пастор. – У диких людей все это в прошлом, а у нас, цивилизованных?! Разве сегодня грешницы не удушают новорожденных, не подбрасывают их в мусорные контейнеры, не продают своих кровных скупщикам живого товара?!

Сушая правда пастора повергла окружающих в грустное смятение. Все умолкли, и солярием на какой-то миг овладела мертвая тишина. Ее нарушила вопросом Мэри:

– А дикари все еще кушают людей?

Джо рассмеялся и тут же подначил свою супругу:

– А как же, свежую человечину с приправой «кетчуп» подают в серебряном корыте.

– Вульгарно, мистер, неэстетично, – урезонила остряка Дилли, – каннибализм не был широко распространен в По-

линезии, а на соседних островах давно канул в лету. Отвратительное явление рождалось на почве диких предрассудков: одни съедали убитого во имя любви – в надежде стать таким же смелым и мудрым, верили в исцеление своих болезней. Другими руководила ненависть – пусть от врага и следа не останется. А у развращенных царьков – пресыщение, необузданность чревоугодия.

– И все это творилось на глазах наших богобоязненных предков, – продолжил Билл Касл. – Был такой «великий» король Такомбау, последний владыка островов Фиджи, его щедро субсидировала казна Великобритании. Уже передавая власть придворным британцам, он выбирал себе из многочисленных слуг жертву покуснее и заставлял обреченного к его же мясу готовить овощи для гарнира. И британцы терпели.

Слушающие рассказ прямо-таки взбунтовались. Англичане обвиняли Билла во лжи.

– Сказки, такого быть не могло! – вскрикнула Линн.

– Выдумки, бред! – пробасил Симпсон.

– Факт исторический, – подтвердил пастор, – историю колонизации надо знать, господа.

– Как все это ужасно, господа! – всплеснула руками Мэри. – Платить такие деньги, чтобы увидеть людоедов. Лучше бы я в зоопарк десять раз сходила.

– Ни на одном острове, дорогая, на берег не выйдешь, – улыбаясь, категорически заявил супруг.

– На палубу не покажусь, на ключ в каюте закроюсь.

– Вы очень строги и наивны, господа, – продолжил беседу пастор. – Проанализируйте историю наших далеких предков, их поведение мало чем отличалось. А современные дикари – наши братья, такие же люди, как и мы, только опоздавшие на поезд прогресса. Мы их плохо воспитывали. Еще в девятнадцатом столетии немецкие лекари поили больных настойкой толченой крупы и черепов повешенных. А не мы ли, цивилизованные, в нашем славном двадцатом веке изготавливали дорогие абажуры и дамские перчатки тончайшей эластичности из человеческой кожи? Основное в преступном деянии – убить человека! Как поступить с его плотью – второстепенное...

– Верные мысли, пастор, – вмешался Касл. – Не жрали же дикари человека живьем, как делают звери.

– А теперь подумайте: сколько же мы, люди высокой культуры, убили людей во всех пятнадцати тысячах войн? – продолжал пастор. – Вспомните Вьетнам. Там воевали не дикари с Калимантана, а фотографировались они с отрубленными и засушенными головами вьетнамцев. Все идет от нас, господа, и все к нам возвращается.

Не удержался Билл Касл, чтобы не рассказать известную ему историю времен колонизации Полинезии.

– Цивилизация «Дикарии», – начал он, – открывалась подарками смерти, ружейный огонь был первым признаком прибывших гостей...

– Неправда! – громко произнесла Мэри. – Дикари встречали белых людей градом отравленных стрел, камнями и копьями...

– Вы ошибаетесь, дитя мое, – любезно остановил ее протест пастор, – белых пришельцев встречали как чудо господнее. Так называемые «дикари» были людьми миролюбивыми, любознательными к белым людям. Мы уже умели считать миллиарды звезд, а они знали счет десяти камешкам. Мы уже были жадными, а они не знали, что значит «твое» и «мое», все у них было общинное... Простота, – пастор обратился к Биллу: – Продолжайте, пожалуйста.

– В тысяча восемьсот девяносто седьмом году (еще не прошло и ста лет с того времени), – Касл достал носовой платок и вытер испарину на лбу, – французы отвергли дружбу аборигенов острова Священная Рапатея, название-то какое! Колонизаторы потребовали от островитян полного и безоговорочного порабощения. Гордые люди предпочли уйти в горы и сражаться за свободу. Через два месяца, когда их осталась горстка, они сдались, и всех их выслали на Маркизские острова...

– Мои соотечественники, после Великой французской революции?.. Не может быть! – изумилась Мэри. – Почему в школе нам не рассказывали о таких «подвигах»?

Джо, конечно, не упустил случая, чтобы не предсказать действия своей супруги:

– Теперь, моя дорогая, ты выйдешь из каюты, спустишься на первый же остров и принесешь извинения от имени Франции.

– Я так и сделаю, Джо, обязательно сделаю.

– Кто же все-таки больше всех бед принес туземцам? – спросил Джо, косясь на Симпсона. – Мне думается – Владычица морей...

– К сожалению, все мы грешны перед праведными сыновьями природы, – пастор осенил себя крестным знаменем, – беззащитные жители острова Святой Матиас в схватке убили германца, который ради развлечения вырубал кокосовые пальмы – хлеб островитян. Германия послала к острову крейсер «Карморан» с кораблями. Шестьдесят один «дикарь» лишился жизни, а их жены и дети были вывезены на другой остров и там нашли свою смерть. Было это в тысяча девятьсот первом году.

Дилли извлекла миниатюрные часики на цепочке, уютно устроившиеся на ее груди, взглянула на них и приступила к своим обязанностям:

– Благодарю вас, джентльмены, за помощь, но близится обеденное время, и нам пора продвигаться к финалу.

– Итак, наши предки плыли в неведомую даль не туристами. Сюда влекло их золото и серебро, но они не нашли ни того, ни другого, благодатные края превращались в их вотчины, вольные аборигены в послушных слуг, и до самого двадцатого века вывозили отсюда смуглых рабов в Южную Америку.

– А взамен на острова ссылали преступников, вольнодумцев-еретиков, солдат и миссионеров, – добавил Касл.

Пастор счел такое толкование не совсем верным и возразил ему:

– Простите, мистер, но священнослужители отправлялись к забытым людям, затерявшимся в океане, по своей доброй воле, чтобы во тьму нести свет.

– А что принесли? – ехидно спросил Касл.

– Дети океана поклонялись идолам, фетишам, солнцу, акулам. Они верили в душу растений...

– Разве не благороднее поклоняться природе, чем доллару, франку или фунту стерлингов?

– Несправедливо отождествлять проповедников христианства с меркантильными плантаторами. Миссионеры несли веру в единого бога, доброту, милосердие...

– И обещали им потусторонний рай, а их острова превращались в пекло. Рай следует устраивать на земле, а не под землей. Там темно, холодно и черви работают.

– Вы святотатствуете, мистер. Христианская мораль торжествует здесь и по сей день, люди стали духовно чище, потому что чтут всевышнего.

– «Пока мы устремляли свои взоры к небу, призывая творца, они ловко выдернули у нас из-под ног землю» – это слова одного маорийца.

– Не миссионеры выдернули, а жадные завоеватели.

– На острова хлынули не только христианские проповедники, воронами бросились буддисты, магометане, иудеи, и каждый восхвалял своего бога и порочил чужого, разрушая единство племен, порождая междоусобные войны. Чтобы избежать раскола племен, вожди собрали миссионеров разного толка и рекомендовали им убраться вон, где-то договориться, какой бог самый лучший, и тогда вернуться на острова...

– Но в этом нет вины христианского мессианства. Таково было стечение обстоятельств. Можно ли обвинять христианство в том, что некий Хонги, вождь племени на севере Новой Зеландии, побывав в гостях у Георга Четвертого – короля Великобритании, и знакомясь с прогрессом цивилизованной страны, запомнил только лишь военные успехи? Король одарил Хонги сельскохозяйственными орудиями, вещами домашнего обихода, деньгами, а Хонги на обратном пути все это обменял в Мельбурне на огнестрельное оружие. Ему больше понравилась королевская власть, чем труд хлебороба. Возвратясь домой, он принялся покорять соседние племена, сеять смерть и горе, и даже сжег станции миссионеров.

– Виновны властители своим разлагающим примером, но слуги церкви были и слугами королей...

Преипирательство между энтомологом и пастором скорого финиша не обещало, и они благоразумно отошли в сторону, чтобы не мешать программе гида, продолжая тихо доказывать друг другу давно известное.

Их спор прервала Дилли, обращаясь к своим слушателям.

– Благодарю вас, джентльмены, за убедительные дополнения к моей скупой информации, – качнув головой в их сторону, Дилли

обратилась ко всем присутствующим: – Я должна еще проинформировать вас, господа, на рассвете мы будем проходить печально известный остров Тасманию. Здесь жили добрые мирные люди. В тысяча восемьсот третьем году их насчитывалось восемь тысяч душ. Жили они в дуплах огромных деревьев, ходили обнаженными, стрелами и копьями охотились на диких животных. Но появились белые люди и стали охотиться на тасманийцев огнестрельным оружием, устраивали на несчастных облавы с собаками. За семьдесят лет «цивилизации» аборигены исчезли как вид. В тысяча восемьсот семьдесят шестом году на островке, куда вывезли уцелевших, умерла последняя туземная женщина. Сейчас это промышленно и аграрно развитый остров, где проживает четыреста тысяч европейцев.

– Почему мы были такими жестокими? – недоумевала Линн и направилась к стойке бара.

– Потому, что по сей день мы не стали милосерднее, – сделал вывод Джо.

– Сегодня я пью джин с тоником, разволновали меня человеческие трагедии.

Линн раскрутила чалму, а Симпсон ловко подхватил полотенце, перебросил его через плечо и положил деньги на стойку бара:

– Пожалуйста, два джин-тоника.

– Странно. Как мало мы знаем о колонизации, – удивилась Мэри. – Я была убеждена, что мы спасли дикарей от вымирания, создали им человеческие условия для жизни.

Дилли только пожала плечами.

– У медали – две стороны, у колониальной цивилизации и на лицевой, и на обратной стороне – выгода. Европейцы завезли на острова лошадей, коров, овец. Завезли машины, научили возделывать пшеницу, овес, ячмень. Они сделали доброе дело, но отнюдь не для туземцев. Вместе с прогрессом сюда прибыли пороки: кастовость, чинопочитание, лицемерие, доносы, бюрократия, жажда наживы, воровство, оружие, а с ними деньги, азартные игры, опиум, табак, алкоголь и болезни: туберкулез, сифилис, оспа, дизентерия. Появились новые разносчики инфекций: пароходные крысы, тараканы, европейские мухи. Местные жители быстро освоили технологию изготовления рома

из корней дерева ти, но долго не могли понять: почему один имеет больше прав на траву, на дерево, на зверей, чем другой?..

Спор двух джентльменов, видимо, зашел в тупик, и возникла необходимость в арбитре. К Дилли обратился пастор:

– Извините, мисс, мы вторгаемся в беседу, наши вопросы имеют непосредственное отношение к теме. Нам только уточнить...

– Пожалуйста, святой отец, мой регламент истек.

Касл и пастор направились к полинезийцу и уже издали завели с ним разговор:

– Коротаете время в одиночестве, соскучились по родине? – начал Касл.

– Кому же, как не вам, знать Полинезию, – обрадовано произнес пастор. – Простите, мы с вами знакомы и незнакомы, – и протянул руку.

– Трем, пастор...

1992-1993 гг.

Сокровища из сокровищницы

328 Татьяна Щурова

«Для бывших детей и будущих взрослых»

Татьяна Щурова

«Для бывших детей и будущих взрослых»

Согласитесь, в последнее время мы как-то особенно нуждаемся в положительных эмоциях. Поэтому предлагаю небольшой библиографический обзор. Рука сама сняла с полки миниатюрное издание: Рената Муха, «Недоговорки» (Иерусалим, 2001). Книжка прислана в ОННБ одесситом-библиофилом Анатолием Шойхетом, много лет уже живущим в Израиле и регулярно пополняющим наши фонды редкими изданиями. Тираж в книжке не обозначен, но вряд ли редактору Марку Галеснику удалось выпустить ее в большом количестве. Известно, что в 2005 году он по многочисленным просьбам сделал второе

дополненное подарочное издание – тоже в карманном формате.

Почему все же выбор пал на эту книгу? Думаю, нас поймут те, кто уже сталкивался с мудрыми ироничными двустишиями и, вероятно, цитировал их друзьям. Например:

Наверное, я Молоко обижала.
С чего бы оно из кастрюли сбежало?

Мама – Зебра, папа – Лось.
Как им это удалось?

Потомки бывают умнее, чем предки,
Но случаи эти сравнительно редки...

Нашлось очень точное определение жанрового своеобразия этих стихов в статье профессора Нины Никипеловой «Поэт Рената Муха: минимализм без редукации» (журнал «22» (Израиль), т. 155, 2010), где она пишет о том, что часто в этих двух строчках автору «блистательно удавалось соединить разговорную убедительность с неудержимой фантазией... Она усвоила великий закон художественного текста, согласно которому в нем равноправно с реальными живут условные, вымышленные образы и явления...». Бытовой зачин, а потом заразительные эмоции и фантазия рождают неожиданную вторую строчку – с глубоким смыслом, аллегорией, юмором.

Совсем не удивилась, узнав, что Рената Григорьевна Муха (1933-2009) родилась в Одессе и в детстве летние каникулы часто проводила здесь у родственников – генетика и детская способность впитывать и запоминать яркие события во многом определили характер

Рената Муха
НЕДОГОВОРКИ

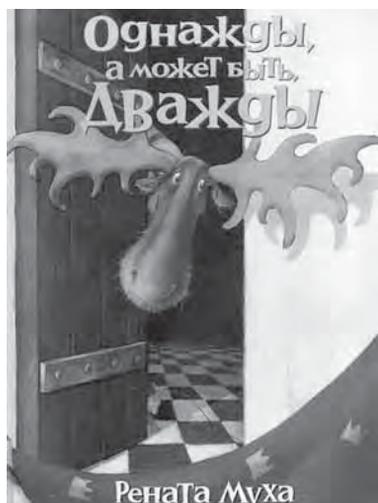
**ДЛЯ БЫВШИХ
ДЕТЕЙ
И БУДУЩИХ
ВЗРОСЛЫХ
КОРОТКИЕ СТИХИ**

«человека-праздника, человека-радости», как ее называли окружающие. Конечно, захотелось узнать больше об этой удивительной личности. Помогла подборка материалов в «Иерусалимском журнале» (2009, № 31), подготовленная друзьями в рубрике «Холм памяти».

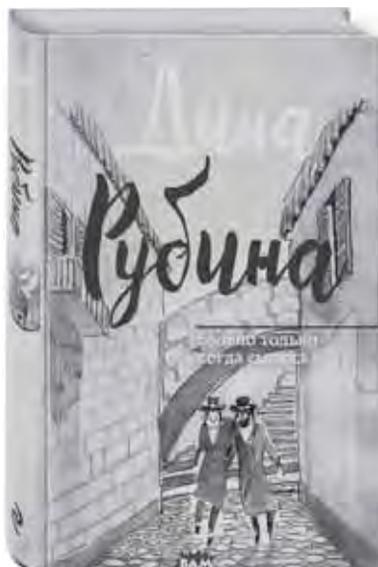
Большая часть жизни Ренаты Мухи была связана с Харьковом, где она защитила кандидатскую, а потом докторскую диссертации по английской филологии, преподавала в университете, замечательно вела уроки английского языка на телевидении, давала уроки детям. Она автор многочисленных научно-методических работ, которые подписаны Ткаченко Р.Г. (фамилия после замужества). С середины 1990-х семья жила в Израиле, где Рената стала профессором университета и почетным гражданином города Беэр-Шевы. А еще она прославилась, по словам ее близкого друга писательницы Дины Рубиной (да и не только нее), как «мастер и гений устного рассказа». Незабываемые устные новеллы позволили ей принять участие в одном из самых популярных в Америке фестивалей рассказчиков в г. Прово, штат Юта. Конечно, она победила в 1994 году в этом конкурсе, и еще много раз с успехом

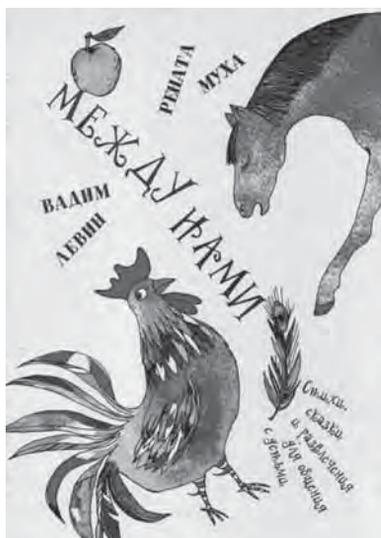

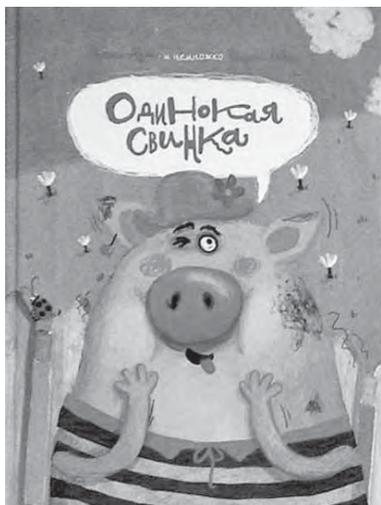
выступала в США. При этом Рената Муха более 25 лет боролась с онкологией, чудом побеждая страшную болезнь своим необыкновенным жизнелюбием. Друзья вспоминают, что «она постоянно шутила в любом состоянии, никогда не ныла». Жила после операции еще много лет насыщенной жизнью и придумывала удивительные стихи.

Рената Муха писала: «Герои моих стихов – звери, птицы, насекомые, дожди и лужи, шкафы и кровати, но детским поэтом я себя не считаю. Мне легче считать себя переводчиком с птичьего, кошачьего, крокодильего, тувельного, с языка дождей и калош, фруктов и овощей. А на вопрос, кому я адресую свои стихи, отвечаю: пишу до востребования...». Конечно, в формировании личности Р. Мухи сыграли свою роль встречи в Харькове с Борисом Чичибабиным, Булатом Окуджавой, Евгением Евтушенко, Татьяной и Сергеем Никитиными, позже, в Израиле, дружба с Диной Рубиной, Игорем Губерманом и еще многими талантливыми людьми разных профессий. Дина Рубина, кстати, поместила трогательные воспоминания о Ренате Мухе «Колыбельная Соловья-Разбойника» в своем сборнике «Больно только когда смеюсь» (М., 2018).

К сожалению, в ОННБ нет пока многих замечательных книг Ренаты Мухи. Не теряем надежды найти все-таки ее первую книжку «Переполох» (М., 1968, ре-принт 2011), написанную вместе с Ниной Воронель. Затем были: «Гиппопозэма»: стихи для бывших детей и будущих взрослых (1998), «Бывают в жизни чудеса» (2002), «Немного про осьминога» (2004, повтор изд. 2006, 2008, 2010), «Однажды, а может быть, дважды» (2005) и др. Книги выходили в Израиле, России, Белоруссии. Несколько книг были изданы совместно с детским поэтом Вадимом Левиным, в частности книга «Между нами» (2009) – последнее прижизненное издание для Ренаты Григорьевны. Со своим любимым соавтором В. Левиным она дружила еще со времен жизни в Харькове, потом они разъехались в разные страны, но продолжали сотрудничать и готовить к изданию новые книги. Хорошая новость: в 2020 году в Харькове в издательстве «Читариум» вышли «книжки-близнецы» «Одинокая Свинка» и «Глупый Бычок», забавно оформленные художницей Инной Черняк. В одной книжке собраны в основном стихи Ренаты Мухи и несколько написанных в соавторстве с Вадимом Левиным, а во второй

книге – наоборот. Такое начинание обнадеживает, хочется думать, что появятся и другие книги талантливой писательницы в Украине.

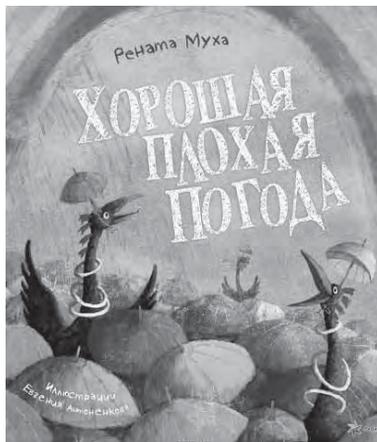
Обратимся к авторитетным откликам на творчество поэта.

Игорь Губерман: «Я хочу обратить внимание на емкую лаконичность волшебных стихов Ренаты Мухи. После таких стихов невозможно вырасти полностью плохим человеком, за что автору – огромное спасибо».

Евгений Евтушенко: «Рената Муха достойна того, чтобы ее стихи не только включались в школьные хрестоматии, но и сопровождали по жизни нас всех, даже седеющих, но не стареющих душой, ибо такие стихи нам этого не позволят».

В заключение хочется процитировать несколько веселых

и мудрых стихов Р.Г. Мухи, которая, по словам Дины Рубиной, «гораздо больше и шире образа детского поэта».

Ученый

Один наш Ученый,
От всех по секрету,
Считал, что зима
Холоднее, чем лето.
Но как-то
Гуляя зимой по аллее,
Он понял,
Что все-таки
Лето
Теплее.

Разговор

Сказала летом Роща Чаще:
«Ты одеваешься кричаще».
«Ну что ж, –
Сказала Чаща Роще, –
Придет зима – оденусь проще».

Кровать

А где продается такая кровать,
Чтоб рано ложиться и поздно вставать?

Диетическая ссора

Как много на свете жестоких разлук!
Поссорились как-то Морковка и Лук.
И грозно Морковка сказала врагу:
«Ну ладно, мы встретимся. Позже. В рагу».

Тонкий ценитель

Как жаль, что в дубраве замолк Соловей
И трели его не слышны средь ветвей.
– Ну, это как раз – небольшая потеря, –
Заметила с ветки Глухая Тетеря.

Жалоба Мухомора

Не есть такую красоту!
Зачем же я тогда расту?

Собаку обидели

Я с ними делила и радость и горе.
Зачем же такое писать на заборе?
А если для них я действительно злая,
Я больше не буду.
Пусть сами – и лают.

Таракан

Жил в квартире Таракан,
В щели у порога.
Никого он не кусал,
Никого не трогал,
Не царапал никого,
Не щипал,
Не жалил,
И домашние его
Очень уважали.
Так бы прожил Таракан
Жизнь со всеми в мире.
...Только люди завелись
У него в квартире.

Книжная колыбельная

За окошком ночь настала,
Где-то вспыхнули зарницы,
Книжка за день так устала,
Что слипаются страницы.
Засыпают понемножку
Предложенья и слова,
И на твердую обложку
Опускается глава.

Восклицательные знаки
Что-то шепчут в тишине,
И кавычки по привычке
Раскрываются во сне.
А в углу, в конце страницы,
Перенос повесил нос –
Он разлуку с третьим слогом
Очень плохо перенес.

Недосказаны рассказы,
Недоеден пир горой.
Не дойдя до этой фразы,
На ходу заснул герой.
Перестало даже пламя
Полыхать в полночном мраке,
Где дракон с одной драконшей
Состоит в законной драке.

Никого теперь не встретишь
На страницах спящей книги,
Только медленно плетутся
Полусонные интриги.
Дремлет юная невеста
По дороге под венец,
И заснули середина,
И начало, и конец...

Путешествие

340 Евгений Деменок
В гостях у Кандинского. Дессау

Евгений Деменок

В гостях у Кандинского. Дессау

Смотреть по сторонам, вне всякого сомнения, полезно. Так же, как и крутить головой (как минимум для разминки шеи). Особенно когда ты путешествуешь, пусть даже и ведешь машину, и сосредоточен на дороге. А как не быть сосредоточенным? В Германии на автобанах нет ограничений скорости, так что если хочешь что-то увидеть, нужно ехать в правом ряду, где-то среди грузовиков, или же съехать на второстепенную дорогу.

Обычно мы ездим из Праги в Амстердам через юг Германии. Нюрнберг – Франкфурт – Бонн – Кельн. Так было и в этот раз, в ноябре 2019-го. Но под Франкфуртом всегда невероятные пробки, которые надоели нам настолько, что обратно мы решили поехать по «северному пути». Незаменимый *Waze* показал, что ехать в Прагу через Ганновер – Магдебург – Дрезден гораздо быстрее. Это раз. По этому маршруту мы еще не ездили – это два. Оттого решение было единогласным.

Остановиться на ночь сначала хотели в Магдебурге – все же название известно еще со школьных времен, – но потом я нашел отель в замке с тысячелетней историей *Wasserburg zu Gommern*. Подъезжая к городку Гоммерн, я увидел указатель на Дессау. И сердце мое учащенно забилося.

Как-то так получилось, что именно в год столетия Баухауса (да-да, я знаю, что писать его название нужно с маленькой буквы, но рука не поднимается) я им наконец заинтересовался. До этого я представлял его себе как сугубо утилитарную, прагматичную, лишённую романтики школу, в которой пытались рационализировать среду человеческого обитания с немецкой холодностью

и практичностью. Индивидуальность словно стиралась в этих стандартных массовых домах. Недаром масштабный жилой проект Вальтера Гропиуса, реализованный им в Западном Берлине уже в 1960-м, стал на долгое время настоящим гетто. Лишь два имени скрашивали для меня холодность Баухауса – Кандинский и Клее. «Недаром они в Дессау жили в одном доме и вообще дружили», – думал я.

Сразу скажу – я был совершенно не прав. Для того чтобы понять это, и нужно было приехать в Дессау.

Но я же не зря писал о верчении головой. По пути в Дессау на дорожных указателях мы увидели смутно знакомое название – Цербст. Короткий брейнсторминг – и мы с женой вспоминаем, что наша Екатерина II, основательница Одессы, в девичестве носила имя София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. А значит, впереди – ее родовое имение.

Пока один ведет машину, другой может гуглить – спасибо мобильному Интернету. За десять минут перед нами открылась цепочка удивительных совпадений, связанных с Одессой.

И Магдебург, и Цербст, и Дессау расположены в немецкой земле Саксония-Анхальт.

Своим названием современный Анхальт обязан родовой крепости Асканиев, Ангальт. Род Асканиев – немецкий княжеский род, известный с XI века.

Известный всем заповедник «Аскания-Нова» был основан в 1828 году герцогом Фердинандом Фридрихом Ангальт-Кетенским, представителем одной из ветвей рода Асканиев и дальним родственником Екатерины II. Император Николай I продал ему землю для создания овцеводческой колонии герцогства Ангальт-Кетен. В царском указе от 1 марта 1828 года значилось: «Цель сего поселения состоит в том, чтобы оно служило образцом большого благоустроенного сельского хозяйства, соединенного с фабричной промышленностью». В 1841 году Фердинанд Фридрих назвал местность Аскания-Нова по имени своего родового имения Аскания. А после его смерти землю купила семья Фальц-Фейнов. Именно Фридрих Фальц-Фейн основал в Аскании заповедник, названный сейчас его именем. А в Одессе Фальц-Фейнам принадлежал не только знаменитый Дом с атлантами на улице Гоголя,

но и большая консервная фабрика. Софья Богдановна Фальц-Фейн, железной рукой управлявшая хозяйством вместе со своим мужем Эдуардом Ивановичем, а после его смерти с его братом Густавом Ивановичем, который стал ее вторым мужем, вели торговлю шкурами, шерстью и мясом через одесский порт. Софья Богдановна основала даже собственное пароходство, построив в селе Хорлы возле Перекопа порт, вода в котором подогревалась незамерзающим горячим источником. В конторе порта и расстреляли восьмидесятичетырехлетнюю женщину в ночь с 16 на 17 июня 1919 года большевики. Незадолго до этого она отказалась покидать родину, хотя сын, Владимир Эдуардович (окончивший, кстати, в Одессе Ришельевскую гимназию и Новороссийский университет), даже прислал за ней греческий эсминец и два русских военных корабля. Софья Богдановна была уверена, что ей, сделавшей столько хорошего для родной страны и людей, ничего не угрожает. Как оказалось, она просто не знала этих людей.

Семья одного из ее сыновей, Александра, чудом избежала подобной ситуации в Петрограде в 1918 году. Благодаря счастливой случайности избежав ареста и оставив на родине абсолютно все, они бежали в Финляндию. Сын Александра, барон Эдуард Олег Александрович фон Фальц-Фейн, проживший большую часть жизни в Лихтенштейне, стал известным бизнесменом, коллекционером и меценатом. В сентябре 1995 года благодаря его усилиям в Цербсте появился музей Екатерины II. Барон договорился с бургомистром о том, что город отреставрирует здание под музей, а сам он отдаст из своей коллекции экспонаты, связанные с императрицей.

Настоящей страстью Эдуарда Фальц-Фейна стало возвращение культурных ценностей в Россию и Украину. Он покупал на аукционах то, что было вывезено в дореволюционный период и во время мировых войн, и возвращал в музеи. В 1975 году на аукционе «Sotheby's» в Монте-Карло барон познакомился с легендарным литературоведом и искусствоведом Ильей Самойловичем Зильберштейном, который по поручению библиотеки имени Ленина приехал на аукцион за книгой из коллекции Дягилева-Лифаря. На аукцион Зильберштейн опоздал, но книгу купил Фальц-Фейн и с радостью подарил библиотеке. После этого

они с Зильберштейном сдружились. Об Илье Самойловиче можно писать много, но главное – именно он стал основателем серии сборников «Литературное наследство», создателем московского Музея личных коллекций, в экспозиции которого центральное место занимают более двух тысяч произведений из его собственного собрания, а это работы Рембрандта, Тьеполо, Айвазовского, Шишкина, Венецианова, Репина и других. Именно Зильберштейн стал первым в советское время уважительно писать о русской эмиграции. И – что бы вы думали – он родился в 1905 году именно в Одессе!

А самое главное – в Одессе вырос Василий Кандинский. В гости к которому, в Дессау, мы и мчались, оставив Цербст позади.

Баухаус «переехал» в Дессау в 1925 году, после того как школу выгнали из Веймара за революционную новизну и политическую «левизну» ряда преподавателей и студентов. Целый ряд немецких городов предложил им тогда перебраться к себе. Но Дессау предложил самые выгодные условия. 25 мая 1925 года бургомистр Фриц Гессе подписал с основателем и директором Баухауса Вальтером Гропиусом договор, предусматривавший не только финансирование со стороны города, но и строительство новых зданий.

И Дессау не прогадал. Сейчас там настоящее паломничество. Поклонники идей Баухауса приезжают туда со всего мира. За час, который мы провели в только что открывшемся музее, туда приехали четыре группы – и это утром в будний день. А у здания Баухауса, построенного Гропиусом, автобусы останавливались один за другим. Японские студентки фотографировали друг друга на фоне надписи на боковой стене здания, даже не пытаясь сдерживать свои восторг и волнение. Да и сам я, неоднократно видевший это здание на фотографиях и в фильмах, неожиданно расперевживался и обошел его по кругу, сделав больше сотни фотографий, и не уставал поражаться тому, как замечательно Гропиус умел работать со светом – мастерские просто залиты им. В общем, к виллам преподавателей, которые расположены в полукилометре от основного здания, я прибыл уже совершенно «подогретым» – в хорошем смысле слова. Эйфория – вот самое подходящее определение чувства, которое я испытывал. Ведь совсем рядом был дом Кандинских!

А вот Нина Кандинская в свой первый приезд в Дессау эйфорию поначалу не испытывала. «Первое впечатление было не очень захватывающим, однако вскоре оно переменялось», – вспоминала она.

Дессау был тогда, в 1925-м, гораздо «продвинутое» Веймара. «Со временем между баухаусцами и жителями Дессау установились добрые отношения», – писала Кандинская. «Жители мыслили современно, и благодаря их отзывчивости Баухаус обрел новую родину». Веймарцы же относились к школе с предубеждением, подозревая в преподавателях и студентах или евреев, или коммунистов, или и то, и другое.

«Дессау был резиденцией анхальтских князей, о чем напоминали городской дворец, частью построенный Кнобельсдорфом, позднеготическая дворцовая церковь со знаменитыми произведениями Лукаса Кранаха, а также замки Верлиц и Ораниенбаум. Население было заметно приветливее и терпимее, чем в Веймаре. Здесь уже веяло духом XX века, здесь была развита промышленность, и Юнкерс производил свои самолеты».

Кто мог тогда знать, что в 1945 году союзная авиация разбомбит Дессау, разрушив его на восемьдесят процентов, во многом из-за этого самого завода Юнкерса, социалиста и пацифиста, изобретателя современных газовых колонок, заложившего основы современной гражданской авиации, которого нацисты отстранили от руководства собственным заводом и посадили под домашний арест сразу после прихода к власти? Тогда же был разрушен и дом Вальтера Гропиуса, первого директора Баухауса, и стоявший рядом дом Ласло Мохой-Надя. А еще – фамильный замок Екатерины II, от которого остались лишь руины восточного флигеля...

Но в середине 1920-х все казалось почти идиллическим.

Нина Кандинская вспоминала о том, что они с мужем объездили на велосипеде все окрестности Дессау. Поразительно – одесские художники обожали писать цветущую сирень, и жившие в Дессау по соседству Кандинские и Клее тоже ее обожали: «Каждый год мы предвкушали, когда настанет пора цветения сирени в Дессау. Тогда, обычно вместе с Клее, мы нанимали ландо, запряженное парой лошадей, и кучер возил нас по дворцам в окрестнос-

тях города. <...> Знатоки архитектуры Клее и Кандинский всегда оказывались в таких поездках прекрасными экскурсоводами».

На средства города было построено не только здание школы, но и семь квартир – фактически домов – для преподавателей: отдельный дом для Вальтера Гропиуса и три двухквартирных дома: для Мохой-Надя и Лионеля Фейнингера, Мухе и Шлеммера, Кандинского и Клее с семьями. Дома были готовы к заселению поздней осенью 1926-го. «Они стояли в центре светлого соснового лесочка неподалеку от главного здания Баухауса», – писала Нина Кандинская. Они и сейчас там, в шестистах метрах от учебного корпуса. Нужно лишь немного проехать прямо по Гропиус-аллее и повернуть налево, на Эберт-аллее. Тогда она называлась Бюргкюнауэр-аллее, и именно Кандинская попросила бургомистра построить там дома.

«Когда мы въехали в наши сдвоенные дома, случилось то, что считалось невозможным: новая родина открылась нам и увлекла гостеприимной атмосферой. Конечно, поначалу мы вращались только среди своих. Обустройство дома отнимало время, кроме того, мы оба работали в маленьком саду у дома, а наше воодушевление все росло. Мы сажали сирень и разводили розы, которые, к нашей радости, быстро прижились». Счастливый Кандинский даже писал в Дрезден приятелю Виллу Громану: «Здесь так чудесно: мы живем на природе далеко от города, слышим петухов, птиц, собак, вдыхаем запах сена, цветущей липы, леса. За несколько дней здесь мы совершенно изменились».

Новые дома преподавателей стали диковинкой благодаря своей революционной архитектуре. Туда начали специально ездить журналисты. Нина Кандинская в книге «Кандинский и я» приводит слова журналистки Фаннины Халле:

«Насколько все четыре дома преподавателей похожи снаружи, настолько разительно отличаются друг от друга внутри. <...> В доме Василия Кандинского – вход слева. Минует скромное помещение, окрашенное в бледно-розовый цвет с одной позолоченной стеной, затем другое, окрашенное в чистый черный, но как двумя солнцами освещенное яркой светоносной картиной и белоснежной отражающей поверхностью большого круглого стола, поднимаешься по узкой лестнице в мастерскую художника

и сразу понимаешь, что ему нравятся чистые холодные цвета и что каждая форма здесь, каждый оттенок цвета и их сочетания наделены определенным смыслом.

Дверь открывается, и мы оказываемся в уединенном царстве. Его неустанный творец и владыка, вечно юный и всех превосходящий, еще в 1912 году – до войны, революции и сменявших друг друга «измов» бунтарски пророчествовал начало новой эры, новой духовности. Нас захлестывает круговорот больших и маленьких, вечно обновляющихся волшебных миров, доведенных мастером до степени совершенства, они – как спелый фрукт, любовно наколдованный в масляной краске и темпере, акварели и гуаши».

Уединенное царство – это мастерская. Меня всегда поражают фотографии художников, сделанные в начале прошлого века. Они даже на пленэр ходили в костюме. Не могу понять, как они не пачкались! Вот и Кандинский был чистюлей. «Он обладал выраженным стремлением к чистоте и порядку. Эта черта характера

особенно проявлялась в его мастерской. «Если художник терпит в своей мастерской грязь, это свидетельство дурного вкуса. Я смогу заниматься живописью и в смокинге», – вспоминала Нина Кандинская.

В Дессау Василий Кандинский пережил необычайный творческий подъем: «...этот период был, скорее всего, самым продуктивным в его жизни. Между 1925 и 1933 годами были созданы 289 акварелей и 259 картин. <...> Между 1925 и 1928 годами выделяется так называемая «эпоха круга». На годы работы в Дессау выпадает и открытие Кандинским романтической абстракции». В это время его работы активно начинают приобретать музеи – в частности, музей Гуггенхайма.

Кандинский пользовался необычайной популярностью в Дессау. Он был желанным гостем в доме наследной принцессы Элизабет Анхальт-Дессауской, которая высоко ценила его искусство. О том, с каким почтением к Кандинскому относились в городе, говорит то, что к его 60-летию юбилею здесь была организована его персональная выставка.

Позолоченная стена в гостиной «дожила» до наших дней. Ее и оригинальный пол из триолина – пластика, который в середине 1920-х годов использовался в Германии вместо дорогого линолеума, – с гордостью показывает сейчас посетителям смотритель родом из Ирана.

Мы наконец в доме. Комнаты пусты, лишь в гостиной и мастерской стоят экраны, на которых демонстрируются фотографии, сделанные в те славные времена. Но воображение дополняет все остальное. Поражаемся встроенным шкафам. Представляем, как выглядела кухня. Любуемся соснами, которые видны из каждого окна. И не можем понять, как Кандинские умудрялись устраивать в небольшой гостиной званые вечера.

«Дважды в год в нашем доме бурлили события – на Новый год и во время карнавала. На Новый год мы приглашали обычно несколько семей: Клее, Гроте и Альберсов. Иногда к гостям присоединялись Мухе с женой. Кандинский, обычно никогда не танцевавший, на Новый год делал исключение. К полуночи он превозмогал себя, как и Клее, и шел со мной на танцевальную площадку. Нашим коронным танцем всегда был вальс Штрауса

«Голубой Дунай». Я готовила гостям холодные закуски, с которыми подавали шампанское. А 24 декабря мы праздновали в узком кругу – только с семьей Клее».

Вообще балы и вечеринки в Баухаусе любили. И подходили к их организации творчески. Когда новое здание Баухауса в Дессау было построено, 2 декабря 1926-го в актовом зале состоялся праздник, в котором участвовала тысяча гостей из Германии и из-за границы. В балах Баухауса принимал участие и молодой принц Анхальтский, «прекрасный танцор», как вспоминала Нина Кандинская.

А у самих Кандинских костюмированный праздник состоялся 8 марта 1927 года, в день, когда они получили германские паспорта. Режиссуру праздника взял на себя легендарный Оскар Шлеммер, который нашел для преподавателей маскарадные костюмы в Театральном фонде Дессау. Клее был на празднике восточным шейхом, Фейнингер – махараджей, Мохой-Надь надел униформу князя Леопольда Анхальтского, Марсель Брейер сам сшил костюм, пародировавший моду разных времен. Нина Кандинская надела короткое тюлевое платье, а Василий Васильевич – баварские шорты и фрак.

Семья Клее была самой близкой для Кандинских и в Веймаре, и в Дессау. «Тонкая стена отделяет рабочее пространство Кандинского от мастерской Пауля Клее», – писала Фаннина Халле. Кандинские и Клее даже не разделяли подвальные – технические – помещения и садовые участки. Но часто разделяли... трапезу. Нина Кандинская описывает воспоминания сына Пауля Клее, Феликса: «Обычно за едой принято общаться. Только не у Кандинских. Кандинский сидел за столом как пророк, держа рядом с собой книгу, и во время еды читал. Я до сих пор помню, что на ужин был жареный картофель и ветчина. На каждый кусочек Кандинский намазывал толстый слой острейшей горчицы. Я был озадачен, потому что у Кандинских все было не как у нас. К ужину полагался крепкий черный чай. Еда была священнодействием – культом. Это произвело на меня необычное впечатление».

Еще один забавный момент случился во время обязательного дневного отдыха Кандинского. Нина в это время крепила на двери дома табличку «14:00-15:00 – закрыто». Но однажды именно

в это время в двери постучал нищий. Нина рассердилась, подошла к окну и крикнула ему: «Вы что, читать не умеете? Между двумя и тремя часами не открываем!». На что нищий ответил: «Я не буду из-за вас прерывать свой маршрут».

Мы еще раз обходим дом, поднимаясь по узкой лестнице. Я держу в руках книгу Нины Кандинской:

«Нельзя сказать, чтобы мы с Кандинским были счастливы жить в архитектуре Гропиуса. Она имела ряд недостатков, делавших нашу жизнь не слишком комфортной. Например, Гропиус сделал в холле огромную прозрачную стену, так что любой мог заглянуть с улицы внутрь дома. Это мешало Кандинскому, который всегда тщательно ограждал свою частную жизнь. Недолго думая он покрасил стену изнутри белой краской.

Гропиус протестовал против использования цвета в своей архитектуре. Кандинский, напротив, очень ценил жизнь в окружении цвета, поэтому мы поручили перекрасить стены, и в частности столовую, взяв черный и белый за основу. Представители Баухауса считали, что будет мрачновато, но получилось с точностью до наоборот: контраст черного и белого создал радостную атмосферу.

Гостиная была выкрашена в бледно-розовый, а стены ниши покрыты листовым золотом. Спальня приобрела миндально-зеленый оттенок, мастерская Кандинского – светло-желтый, а комната для гостей – светло-серый. Стены моей маленькой комнаты сияли бледно-розовым цветом. Все оттенки были подобраны Кандинским интуитивно очень точно, и благодаря такому удачному выбору наша квартира в Дессау казалась светлой и просторной».

Почти все эти цвета воспроизведены в доме Кандинского сегодня. Жаль, что нет мебели – той самой знаменитой мебели гениального Марселя Брейера, венгерского еврея, который в Веймаре был учеником Баухауса, а в Дессау – уже преподавателем. Как и Кандинский, я тоже влюбился в мебель Брейера с первого взгляда. Правда, сейчас она стоит «немного» дороже... А тогда Брейер сначала сделал для Кандинских эскиз обстановки столовой и спальни, а потом и саму мебель, которая по просьбе Кандинского, переживавшего в ту пору «эпоху круга», содержала как

можно больше элементов в форме окружности. Нина Кандинская вспоминала: «Я однозначно склоняюсь к черному и белому цветам», – сообщил он Брейеру, который, точно следуя пожеланиям Кандинского, создал мебель на века. Я до сих пор пользуюсь ею в своей парижской квартире, и она всегда вызывает живую реакцию гостей. Кандинский восхищался надежностью, скромностью и простотой изделий Брейера. Впервые он увидел его мебель на выставке Баухауса. На выставке 1925 года он был в таком восторге от выставленных металлических кресел и стульев, что недолго думая приобрел одно из кресел и два стула. Он был в числе первых покупателей этих моделей Брейера. В 1960-е годы кресла по таким образцам начала производить мебельная фабрика в Болонье. По желанию Брейера металлическое кресло вошло в модельный ряд под названием «Василий».

Сейчас оригинальные, созданные Брейером кресла стоят около пятидесяти тысяч долларов, а их реплики производятся многими компаниями. Четыре таких кресла торжественно стоят в холле второго этажа здания Баухауса в Дессау...

Иногда случается так, что в одно время в одном месте собирается группа гениев. И тогда то, что они делают, становится эпохальным. Баухаус стал, вне всякого сомнения, главной школой архитектуры и дизайна XX века. Конечная цель, к которой стремился Вальтер Гропиус, – помочь студентам объять жизнь во всей ее космической полноте, объединить все виды художественного творчества, все художественно-производственные дисциплины «как неразрывные части универсального творчества». «Конечной, пусть и далекой, целью Баухауса является создание синтетического произведения искусства – огромного строения, в котором нет границ между монументальным и декоративным искусством», – писал он.

Задуманное удалось. И пусть Баухаус просуществовал всего четырнадцать лет, до момента разгона его нацистами в 1933 году, и пусть там сменились за это время три директора, и пусть все они придерживались разных взглядов и на искусство, и политических – из школы вышла целая плеяда гениев, которые реализовали свои навыки и свой талант в разных странах. Преподаватели и выпускники Баухауса построили «белый город» Тель-Авива

и небоскребы в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и Торонто. Великолепные жилые дома – чего стоят «Вилла Тугендхат», построенная в Брно третьим директором школы Мисом ван дер Роэ, или его же «Стекланный дом» дом в Штатах. Университеты в Нигерии и Чикаго. Музеи и галереи – тот же Мис ван дер Роэ построил здание Новой национальной галереи в Западном Берлине, Марсель Брейер с коллегами – Музей Уитни в Нью-Йорке. Среди работ Брейера – и здание ЮНЕСКО в Париже.

Влияние Баухауса огромно – воздействие его идей на свое творчество признают Норман Фостер, Заха Хадид и десятки знаменитых архитекторов во всем мире. Даниэль Либерскинд, известнейший мастер деконструктивизма, сказал недавно:

«Я ходил в школу в Нью-Йорке, в *Cooper Union*, и многие из моих учителей были выпускниками Баухауса. Профессор Ханнес Бекманн, например, который преподавал мне теорию цвета и дизайн, был художником и фотографом, которого учили

в Баухаусе, и учил нас по записям Василия Кандинского и Пауля Клее. Вы можете в это поверить? Он показал мне свои записи с комментариями этих удивительных художников.

Таким образом, у меня был точный курс, который преподавали в Баухаусе, и я изучил красоту и глубину его идей. Иногда Бекманн исправлял нас, используя слова Кандинского, которые я узнал позже, читая его книги. Я думаю, что мне повезло, что я получил удаленное образование в Баухаусе через выпускников в Нью-Йорке. Я бы никогда не сделал то, что делаю, без этого».

Ну а в Дессау стоит приехать минимум на два дня. Чтобы успеть не спеша посетить новый, только что открывшийся в самом центре города музей Баухауса с его 49 тысячами экспонатов. Чтобы побродить по историческому зданию Баухауса и полюбоваться светом, заливающим его залы. Увидеть построенные Гропиусом в районе Дессау-Тертен дома и старую биржу труда. Зайти в «Дома с выходом на балкон», построенные вторым директором Баухауса Ханнесом Майером. Удивиться «Стальному дому», спроектированному Георгом Мухе и Ричардом Пауликом, – красивому, но совершенно непригодному для жизни. Полюбоваться стоящим на берегу Эльбы ресторанным павильоном Корнхаус (Kornhaus), построенным Карлом Фигером.

И, конечно же, зайти в гости к Кандинскому.

Ах, Одесса

354 Виктория Коритнянская
С дядей Мишей до Привоза

357 Елена Палашек
Рыбачка Соня как-то в мае

367 Григорий Яблонский
Музей совка

369 Леонид Либкинд
Одностишия

Виктория Коритнянская

С дядей Мишей до Привоза

Бывают в одесских троллейбусах и трамваях такие кондукторы, что ехать с ними одно удовольствие. Длинная и унылая дорога играет тогда яркими красками, и хмурое ваше настроение начинает вдруг напевать веселый мотивчик.

Вот и сейчас. То, что в десятом троллейбусе на смене работает дядя Миша – видно еще с Газового переулка. Как, спросите вы? А так! Никогда, слышите, ни с каким другим кондуктором не будет так резво и весело мчаться на конечную старая горемыка-десятка, а примчавшись, с ходу завернет на круг и, лихо скрипнув тормозами, застынет, как вкопанная.

– Ой! – воскликните вы. – Пряма балерина!

– А почему бы и нет? – ответят вам из салона.

Потом будет все, как обычно. Двери скрипнут, бахнут, ухнут, пассажиры выйдут, зайдут, сядут, поедут.

– Не поедут, а помчатся! – поправите вы.

– И то верно! Поедут с ветерком, очнутя – уже на Привозе!

И дядя Миша туда-сюда пулей летает по салону, дарит улыбки, кадрит, а возле особо хмурых пассажиров даже приплясывает...

– Стоит прислушаться? Что стоит? Сколько? – спрашивают пассажиры.

– Стоит проезд, а слушать можно и бесплатно! – смеется дядя Миша. – Петя, ну, с Богом! Девушка, что у вас?

Взяв деньги, он ловко сует их в сумочку, но вдруг, задумчиво сузив глаза, застывает.

– А хотите бесплатно проехать? – вскидывая вверх зажатые в руке купюры, спрашивает он.

Девушка растеряно мнетя.

– Какая вы нерешительная? – удивляется дядя Миша. – Не бойтесь, дядя Миша не обманет! Угадаете загадку, я вам деньги верну.

– Нет, не нужно.

– Ага, забоялись! – радостно вскрикивает дядя Миша, но видя, что девушка пугается и робеет, разочарованно прячет деньги в потрепанную сумку. – Ну, как знаете... – сразу поскучнев, усаживается он на место кондуктора.

В наступившей тишине пассажиры мчатся по бежевой и серой, пестреющей от солнечных зайчиков Приморской, быстро проскакивают застрявшую между склонов Военного спуска рыбью кость Тещинового моста и упираются взглядом в чернеющую громаду Потемкинской лестницы.

– Пассажиры, остановка «Морвокзал»! – кричит, опомнившись, кондуктор.

Троллейбус долго ждет пассажиров, двери его распахнуты, и свежий морской воздух врывается в салон, обдавая всех йодной свежестью и духом далеких странствий.

– Ну прям как на море побывали... – довольно шурясь, высывается дядя Миша в средние двери. – Граждане, Привоз, ж.-д. вокзал, Черемушки! Едем, недорого! Кому на Черемушки, сели, поехали! – громко зазывает он, но никто не заходит. – Эх... Не хотят ехать... – расстроено бормочет кондуктор. – А мы бы прокатили... Петя, едем! Ничего, возьмем на Привозе... Дамы на передней площадке, кому уделить внимание? Недорого, всего пять рублей... Молодой человек, что у вас?

– Один.

– Когда вы говорите такое, мне сразу хочется вас с кем-то познакомиться. Такой видный – и один... Непорядок! Ну так как? – спрашивает дядя Миша, ловко отсчитывая сдачу. – Хотите? Мы быстро сейчас все устроим! Вот, смотрите, у нас тут на любой вкус: толстенькие, низенькие, кривые, загорелые... – перечисляет он, окидывая взглядом салон.

– Спасибо, – улыбается парень, – у меня есть девушка.

– Жаль! Хотя, поверьте мне, одно другому не мешает... А то мы сейчас раз – и до пятой станции она ваша! Вы куда едете?

– До Привоза.

– О... Мало времени, мало! – разочаровано тянет дядя Миша. – Ну, если передумаете, кричите! Может, успеем еще? – с сомнением добавляет он. – Еврейская, белорусский трикотаж, синагога, – объявляет кондуктор. – Пассажиры, кому нужна синагога, нужно выйти здесь. Следующая Успенская, улицы Базарная и Большая Арнаутская. Пассажиры, кто платит деньги, тому кондуктор рассказывает одесский анекдот. Все слышали?

Обилетив вошедших на Успенской, дядя Миша пробирается к кабинке водителя и там так рассказывает анекдот.

– Пантелеймоновская! Привоз! – кричит он сквозь смех, возвращаясь к пассажирам. – Молодой человек, надумаете знакомиться – садитесь в синюю десятку. Дядя Миша все устроит. Мадам, уже Привоз! Да, мы быстро приехали! Граждане пассажиры, не задерживаемся, вышли, зашли, сели, поехали! Не толкайтесь, у нас тут просторно. Дама с тачкой, присядьте. Мужчина, не суетитесь так сильно, сзади ребенок... Петя, поехали! – рассадив всех и расставив, наконец, командует он.

Троллейбус медленно трогается с места, и дядя Миша начинает свой очередной путь по салону. С милой улыбкой на лице, он громко объявляет:

– Граждане пассажиры, давайте полюбовно. Сейчас кондуктор подойдет к каждому, посмотрит в честные глаза и спросит, что у него за проезд. Приготовьтесь, я уже пошел!

Елена Палашек

Рыбачка Соня как-то в мае

Рыбачка Соня как-то в мае у Майи решила заглушить душевные страдания алкоголем. Начало было положено еще в самолете – перелет из Одессы в Лос-Анджелес, где жила ее тетя, растворился в алкогольном сне, как сахарная вата в дожде. Тетя Майя неплохо устроилась на чужбине и сама себе завидовала, что так сильно скучает по Одессе. Она отнеслась с пониманием и ни о чем не расспрашивала пьющую родственницу. На третий день, продолжая размазывать слезы и сопли по лицу, девушка наконец смирилась – она сама во всем виновата. В момент прозрения Соня уже полночи обнимала унитаза. Наутро она зареклась употреблять и открылась родственнице:

– Я с Костей развожусь!

– Мне он никогда не нравился. Неужели ты не могла найти себе в мужья хорошего еврейского мальчика? Так я тебе скажу, что меня больше интересует, кому в этот раз достанется шаланда, полная кефали, – тетя в любой ситуации не теряла самообладания.

– А ты как думаешь? – решительно хмыкнула Соня.

– Убери сомнения со своего лица! Нет, я, конечно, тебя не оставлю в беде, но кефаль жалко, таки деликатес.

– Вместо пожалеть – издеваешься, – Соня накрутила локон на палец. – Так и знала, не скажешь мне ничего хорошего.

– Почему не скажу?! Мы разве поссорились? Или ты предлагаешь мне, старой деве, пожалеть сучку, которая бросила уже второго Костю?

– Но тетушка, я не полная дура, не вся кефаль бывшему досталась. Была заначка, и мы с новым выкупили кое-что.

– Во как! Подозреваю, что выкупили именно за твою заначку. И как тебе понравится мой вопрос: на чье имя?

– Ну...

– Если ты подумала, шо я опоздала со своим вопросом, так я тебе скажу, таки да. Сонечка, девочка, ты ж не на Молдаванке родилась, поэтому не догадываешься, как Пересыпь на это смотрит. Шучу, конечно.

Соня рассмеялась, чтоб сделать тете приятно, и попыталась пошутить в ответ:

– Что мне Пересыпь, когда мой старый с горя курить бросил и сказал: «Нет счастья без «Казбека».

Тетушка шутку оценила по-своему:

– Ничего, родная, не беда, я подарю тебе на свадьбу табачную фабрику «Казбек Морис», – Майя широко улыбнулась своей новой шутке. Она любила себя улыбающуюся, поэтому старалась как можно чаще одаривать собеседника голливудской улыбкой, стоившей ей немалых денег. – Причем вместе со связями и крышей.

– И что мне прикажешь? Прыгать от радости? – Соня попыталась обнять тетушку.

– Истес-с-ственно! – тетя отстраняясь, потушила в пепельнице сигарету и тут же вытянула из пачки еще одну. – Чтоб ты из трусов не начала шить майки, я буду за тебя не только переживать.

– Тетушка, когда переживаешь, не кури так много. Я понимаю, что тебе сигареты ничего не стоят, но минздрав предупреждает.

– Минздравом меня не запугаешь, между сигаретами я глотаю американские бады. Как же зовут... твоего будущего, и сколько ему еще жить осталось?

– Не поверишь, но зовут его тоже Костя, и в свои сорок восемь он о смерти еще не думает.

Тетя Майя театрально взмахнула руками:

– Кто б сомневался, что моя племянница Соня, да еще из Одессы, не успокоится, пока не переспит со всеми Костями на свете. Он хоть лучше предыдущих на морду лица?

– Теть Май, переспать дело не хитрое, а вот женить на себе третьего Костю, учти, красавца писаного, на это только твоя племянница способна.

– Моя школа!

– Ты ж плакалась, что старая дева.

– Ну, старой девой я стала не так давно, с момента твоего приезда. А до этого... короче, есть о чем вспомнить.

Майя, глубоко затянувшись, опустила веки, хранящие еле заметные следы блефаропластики, пытаясь скрыть воспоминания, Выпуская тонкой струйкой дым, женщина откинулась на спинку дивана. Длинный мундштук в тонких пальцах слегка подрагивал. Футболка на груди натянулась, и стразы заиграли новыми красками, наполнив комнату солнечными зайчиками.

Соня села рядом и положила голову тете на плечо:

– Думаю, вспоминать рановато. Чтоб я так выглядела в шестьдесят, как ты!

– Слушай сюда, а не здесь: твои сорок немного отстали от моих шестидесяти, но у нас обеих осталось катастрофически мало времени на уже! Кстати, сегодня ночью прилетает тот, с кем я собираюсь уже это сделать. Не хочу тебя расстраивать, но он тоже Костя.

– Ух ты!

– И шо ты знаешь? Мой Костя и твой Костя – две большие разницы: мой староват для меня, ему уже сорок семь, а твой для тебя в самый раз, хотя ему сорок восемь.

– Теть Май, ну ты даешь. И что ж ты молчала? Как я покажусь с такой опухшей рожей?

– Ша, дорогуша. Во-первых, он прилетит поздно ночью, так что время есть, привести себя в порядок успеешь. Через пару часов приедет косметолог, обслужит меня и тебя, хотя, может, тебя обслуживать не за что?

Соня надула губки:

– Почему такая несправедливость?

– В таком виде ты точно моего Костю не отобьешь у престарелой родственницы.

– Я в любом виде отбивать не буду, тем более у меня есть свой Костя. Но ты уверена, что фабрика «Казбек Морис» его интересуется меньше, чем ты?

– Шоб ты была такая умная со своими. В моем возрасте не спрашивают: помидоры уже хорошие или потом дешевле будут? И я ничем не рискую, переписывая все на тебя.

Соня вскочила, обняла тетю и поцеловала в щеку:

– Приготовить рыбку?

– Ты хочешь блюдо испортить или чтоб я за так платила своей домработнице? – Майя встала и, подмигнув племяннице, пошла к двери на кухню. Приложив палец к губам, она резко открыла дверь, за которой замерла пышногрудая красавица неопределенного возраста в позе: «говорите громче, мне плохо слышно». – Все, Мелания, мы уже посплетничали, можешь идти готовить рыбку: старшенькую пожарь, а младшенькую отвари на юшечку.

Пышногрудая красавица, знающая себе цену, спокойно посмотрела на хозяйку дома:

– Все – це коли вже ноги холодні. Дуже мені треба вас слухати. Піду краще готувати, щоб потім все викинути. Хай вам грець з вашими дітками.

* * *

На следующее утро синело море над бульваром в Одессе, где остался скучать Сонин Костя за своей Сонечкой. А девушка проснулась почти счастливой в Калифорнии. Голова не болела, и хотелось есть, а не выпивать. Молодость быстро восстановила на лице румянец, стерла темные круги и опустошила мешки под глазами. Девушка рассматривала себя в зеркало, ей нравилось все, даже ненавистный острый подбородок и чуть оттопыренные уши.

Соня спала так крепко, что на ней можно было танцевать, поэтому она не слышала, как ночью тетушка привезла гостя. Посмотрев на часы, девушка решила, что в такую рань счастливая пара должна еще наслаждаться друг другом или во сне, или наяву. Спускаясь с третьего этажа на кухню, она думала о своем Константине. Два месяца назад они познакомились в Николаеве в холле маленькой гостиницы, тщательно оберегающей совковый менталитет каждого помещения, ждущего если не ремонта, то хотя бы уборки. С ней случилось то, во что она никогда не верила – любовь с первого взгляда, и девушка решительно направилась к двухметровому красавцу:

– Ничего приличного придумать не могу, давайте просто познакомимся.

Мужчина сморщил нос и прищурил левый глаз:

– Да, именно так! Пойдемте в номера, у меня до самолета остается меньше суток.

Впервые Соня поняла, что секс гораздо шире простого введения члена во влагалище. И с первым, и со вторым мужем она совершала механические движения «девочки по вызову». Она переместилась с одного полюса мимолетного и ни к чему не обязывающего удовольствия на другой, где секс – это любовь, служение женщине, высокая поэзия. Каждая новая встреча с новым Костей казалась Соне фантастической, феерической и последней. Мужчина умело держал ее в тонусе.

* * *

Майя проснулась в объятьях любимого, не понимая, чем заслужила это безумие до синяков на бедрах. Она не считала себя потерянной для постельных сцен, но стеснялась показывать даже ровесникам складки на животе и боках и рубцы на подтянутой груди. Со своим мальчиком она познакомилась год назад в Одессе в ресторане на Дерибасовской, где ужинала с подругой. Время терять в ее годы преступно – в тот же вечер Майя оказалась с ним в одной постели. Это был грязный животный секс. Мальчик смог раскрепостить женщину, которой хотелось темноты и не хотелось снимать бюстгальтер. Но он разложил ее на кровати со словами:

– Я хочу целовать каждую твою родинку и папиллому. Я уже люблю все твои складочки.

Этот мальчик говорил так искренне, что Майе принципиально не доверяющей первым встречным, захотелось доверить ему не только тело, но и душу. Хотя жизненный опыт требовал сарказма, поэтому она не отказала себе в удовольствии пошутить:

– А я ожидала, что ты мне скажешь: «Вы интересная чудачка, но дело, видите ли, в том, что нас разделяет пропасть лет в двадцать».

Но Костя проигнорировал эти слова и продолжал губами скользить по ее шее. Ей захотелось забытых ощущений из молодости. Она расслабилась и радовалась, что мужчина не ведется на ее провокации. И вдруг молодой человек чуть все не испортил:

– Я же не скажу за всю Одессу, – ухмыльнулся он ненатурально томно, – вся Одесса очень велика, но такую женщину еще я не встречал. Ты – моя богиня на века!

Майе стало тошно, и она решила перехватить инициативу:

– Лучше давай молча займемся делом, – грозно прошептала женщина и закрыла глаза. Закрытыми глазами легче не видеть разницу в возрасте.

* * *

Соня пила кофе под пристальным взглядом домработницы. У нее была аллергия на кофе, но пряный запах заставил забыть об этом. Пышногрудая красавица собиралась печь блины и в дорогой кастрюле взбивала вилкой яйца с молоком. Вилка оставляла шрамы на эмали, но женщина не обращала на это внимания. Соня не выдержала:

– Мелания, вы можете взять миксер и взбить в специальной посуде, чтобы не портить кастрюлю?

– *Не вступай, коли не просять. Думай про себе, про свою кривулю у житті, щось мені не спокійно, мовби лихо на порозі.*

– Ну, во-первых, не каркай, а во-вторых, что такое кривуля?

– *«Кривуля» то ж просто «поворот» російською. Але в тебе у житті саме кривуля.*

– А у вас кривули в жизни были?

– *Була, ще й яка, – домработница поставила кастрюлю на столешницу и вытерла руки о фартук. – Жили ми з чоловіком, нічого собі так жили: і хата, і в хаті. Він мене з села в місто взяв. Навіть машина була, старенька, правда, євробляха, але ж своя. Я в селі свою домівку продала, якраз на машину вистачило та на бізнес якийсь там для чоловіка. І дьорнула мене нечиста на права здати. Облінилась зовсім, навіть в крамницю за хлібом машину випрошувала у чоловіка. Якось повернулася додому з базару, накупила йому всього, навіть пива, захожу та й говорю: «Дорогий, це все тобі. Може, тобі приготувати якусь вкусняшку?» А чоловік мені: «Сильно?». А я йому: «Та ні, милий: фара, бампер, та крило». Ну, то він, того, бив мене і за фару, і за бампер, і за крило. А я ж горда – після лікарні вже до нього не повернулася. А потім рішила оце світ подивитися. От, бач, тепер в Америці.*

– И чего в Америке уже насмотрелась?

– *Ще вснію!* – домработница схватила кастрюлю и продолжила вилкой взбивать уже взбитую смесь.

– Ладно, я уехала, – примирительно сказала Соня.

Она решила съездить в один из моллов, удивительным образом выдерживающих конкуренцию с интернет-магазинами типа Amazon. Хотела предоставить возможность влюбленным побыть наедине подольше.

После обеда ей позвонила тетя:

– Сонька, таки мой Костя, кажется, влюбился по-настоящему...

– Кричали грузчики в порту? – Соня улыбалась трубке, будто ей сообщили, что приехал ее Костя.

– Ты права, это просто песня. И я намерена ее допеть до конца. А тебе спасибо, ты самая понимающая племянница на свете, но вернись поскорее, я все прощу.

– Еду! – обрадовалась Соня: наличные она давно потратила, а средства на карточке тратить не хотела.

* * *

Дверь открыл красавец в спортивных трусах.

– Соня? – еле выдавил он из себя.

– Костя? – вскрикнула она.

В прихожей появилась хозяйка дома:

– А я так вижу в первый раз удивление на лицах. Или я чего-то не знаю?

– Тетя Майя – это мой Костя.

А дальше немая сцена была не менее немой, чем у Гоголя в «Ревизоре». Хотя здесь уместней написать о немом ужасе.

Костя пытался вдавить свое накачанное тело в стенку. Соня пыталась не вцепиться в горло своему возлюбленному. Хозяйка дома мотала головой из стороны в сторону, прижимая сцепленные руки к силиконовой груди.

– Майя – это мой Костя, – повторила девушка, отвесив пощечину возлюбленному. – Подлец, скотина, как ты мог? Ты врал и мне, и тете! Тебя убить мало!

– Убейте! – рявкнул Костя фальцетом.

Слова прозвучали, как ядерный взрыв. Яркая вспышка эмоций и ударная волна обрушились на мужчину. Соня и ее тетя колотили Костю так неистово, что ему оставалось только спастись бегством. Через несколько минут гостиная была на себя не похожа: перевернутая мебель, осколки вазы. Мужчина схватил диванную подушку и защищался ею, как щитом. Но поскольку при ядерном взрыве только пятьдесят процентов энергии идет на образование ударной волны, остальное – световое, электромагнитное излучение и проникающая радиация, все это Костя ощущал сполна. Он понимал, что не выживет в качестве жениха ни с одной из родственниц.

Тетя, теряя силы, подошла к двери и распахнула ее:

– Вон!

– Да уйду я, одеться только дайте.

– Вон, в таком виде, в каком стоишь, вон! Даже твои трусы принадлежат мне. Но я добрая, я их тебе оставляю.

– Ты интересная чудачка...

– Я интересная чудачка, но дело, видите ли, в том...

– Майя, Соня, давайте успокоимся и поговорим, – все еще пытался улыбаться горе-жених.

Майя плюхнулась на диван и брезгливо посмотрела на возлюбленного:

– Он еще разговоры вести не стесняется.

– Соня, Майя, нам есть о чем поговорить, – Костя не хотел подходить близко к распахнутой двери.

Тетушка была настроена решительно, пытаясь поджечь сигарету:

– Вон, слышишь, вон, или вызову полицию и скажу... что ты... Короче, найду что сказать.

Мужчина умоляюще переводил глаза с одной женщины на другую и, наконец, остановил взгляд на хозяйке:

– Что подумают соседи, когда увидят меня в таком виде?

Майя снова глубоко затянулась дымом и, резко выдохнув, снизила до ответа:

– Не морочь мне соседями то место, где спина заканчивает свое благородное название! Мне так стыдно с тобой находиться в одном доме. Вон, я сказала.

– Майечка, солнышко...

– Еще одно слово – и ты будешь на улице без трусов, – бросила испепеляющий взгляд женщина на уже бывшего жениха.

– Слушай, это смешно, – Костя начал пятиться к лестнице, ведущей на второй этаж.

Майя разгадала его маневр и одним прыжком перекрыла пространство перед лестницей:

– Нам не хватало именно этого скандала, шоб так стало весело. Вон из моего дома и из нашей жизни. Выметайся, денег на обратную дорогу дам, но полетишь в труселях.

В это мгновение не выдержала Соня. Она вскочила и запустила в жениха конфетницу:

– Ты исчезнешь наконец?

Константин посмотрел презрительно на соперниц:

– Спелись птички, ласточки мои, солнышки ненаглядные. Ну не покину я эту обитель без бабок.

Это была его фатальная ошибка. Женщины завизжали так, что из кухни вышла грудастая красавица и буквально вынесла на улицу растерянного мужчину, захлопнув перед ним дверь. Он показал закрытой двери средний палец и проорал, снова фальцетом:

– Шоб я вас так забыл, как я вас трахал, суки!

Тетя Майя и Соня наводили порядок в гостиной и, не сговариваясь, запели вместе:

– «Об этой новости неделю в порту кричали рыбаки. На свадьбу грузчики надели со страшным скрипом башмаки».

Неожиданно дом наполнил густой распевный голос Мелании:

– Я ж ва-а-м не скажу за всю Одэсу...

Допев припев, домработница начала хохотать, да так, что кровь прилила к ее щекам, а стекло на столе начало дребезжать. Смех больше был похож на истерику.

Соня метнулась в кухню за водой. Хлебнув из стакана, поперхнувшись и откашлявшись, Мелания выдохнула:

– *Хочте вірте, хочте ні, а це мій Костянтин.*

Первой пришла в себя хозяйка дома:

– Не пойму, у него так много амбиций, чтобы так себя вести?

Мелания загадочно улыбнулась:

– Я хоч тут и в услеженії, та більш за вас знаю, що натура Костянтина схожа на пом'ятий туалетний папір, то що там на ньому написано, вже ніхто не прочитає, але я йому вдячна.

– За що? – синхронно спросили племянница и тетья.

– А за те, що він нас зрівняв – ми всі дури!

А Костя стоял, нерешительно шкрябая дверь, и слушал истерический хохот. Он еще не понимал, что уже никого не интересовало, как он доберется домой.

Григорий Яблонский

Музей совка

Переаттестация

Это серьезное плановое мероприятие всегда вызывало глубокое волнение и даже страх. Ведь за выяснением того, соответствуют ли деловые и прочие качества каждого сотрудника занимаемой им должности, могли последовать самые разные результаты. Но вот что было в тот памятный раз...

Первым в кабинет Генриха Аввакумовича прошел зав. общим отделом Фокин.

– Послушайте, Фокин, – начал с простого, на первый взгляд, общего вопроса Генрих Аввакумович: – Какую форму имеет Земля?

– Можно я подумаю, Генрих Аввакумович? – сказал Фокин.

– Думайте, Фокин.

Фокин наморщил лоб. В воцарившейся тишине оттуда послышалось нечто вроде надсадного жужжания. То усиливаясь, то ослабевая, оно продолжалось минут десять. Наконец все смолкло. Фокин попросил разрешения взять со стола салфетку-промокашку – и вытер ею взмокший лоб.

– Можно я теперь скажу, Генрих Аввакумович?

– Говорите, Фокин.

– Круглая она, Генрих Аввакумович...

В кабинете раздались странные звуки. Будто душили кого. Или щекотали под ребрами...

– Идите, Фокин!.. – сказал, наконец, Генрих Аввакумович, утираясь платком. – Работайте себе!..

Фокин пошел, но у порога неожиданно обернулся:

– А вопросик можно, Генрих Аввакумович?

– Давайте, Фокин...

– Прошу прощения, а зачем вы меня спрашивал про это?..

Помнится, сам Генрих Аввакумович наморщил лоб – и из кабинета раздались такие звуки, что хоть портреты классиков марксизма-ленинизма оттуда выноси!..

Через полчаса, однако, все утихло – и жизнь в учреждении вошла в свою нормальную колею.

Я так думаю

* Чтобы править Страной Дураков, надо иметь еще те умственные способности!..

* Вы помните державу, где высшим народным званием было «враг народа»?

* А среди доносов были и рифмованные!

* Образец приговора: «Смертная казнь через помилование».

* Оказывается, «вольно» – тоже стойка!

* Имперская психогеография: «патриотизм, не знающий границ».

* Я так думаю, часы истории – это вроде большого будильника!..

* Стадо бывает опасным, когда его превращают в коллектив!

* Народно-бюрократическая республика.

* Раньше хотя бы предупреждали: «Стой, стрелять буду!».

* Сегодня будущее ожидает нас за каждым углом...

* Не у кормила грызутся, а у кормушки!

* Надо ли жить в стране, где каждый может стать президентом?

* Я так думаю, черт еще пожалеет, что дернул меня за язык!..

Леонид Либкинд

Одностишия

«Ты мой», – шептала ты. Вот встал и мою.

Автографы даю. Берут их плохо.

А воз и ныне там, где баба с возу.

А жить на что? Живите на здоровье.

А мы и похвалить умеем матом.

А мысли путались, ну просто с кем попало!

Беседа двух циклопов с глазу на глаз.

Бог дал попутчицу – бес с ней попутал.

Больной пришел в себя скоропостижно.

Брак – подходящий повод для развода.

Бродил по пляжу в неженатом виде.

Бывает всякое, но год от года реже.

Был коридорным в коридорах власти.

Быль превращает в сказку телевизор.

В беседе ни о чем придерживались темы.
В газетах утку подают с лапшой.
В грязи царевна видится лягушкой.
В листве краснел хамелеон-дальтоник.
В палате весело. Смущает только номер.
В плен взяли языка. Зовут Герасим.
В рецепте счастья неразборчив почерк.
В себе копался – не Клондайк однако...
Вам кофе сразу, после или нафиг?
Ввел в ступор палача, чихнув на плахе.
Вес груза лет бывает только брутто.
Вновь предпочел скрещенье ног скрещенью судеб.
Во вкус вошел, но появился привкус.
Во всех пустынях миражи похожи...
Вот лысый же, а мыслит кучеряво.
Вот муза заскочила – попрощаться.
Всегда трагедий больше, чем шекспиров.
Всем женщинам, кто отказал мне: – Зря вы!
Всеядна мысль. Кого только не гложет...

Все приедается. Но только не поганки.
Где галстук мой к смирительной рубашке?
Гонимый всеми всех опережает.
Горячка белая, хоть пил всегда цветное.
Грабителей себе не выбирают.
Да, деньги – зло. Вот зла и не хватает.
Да, сволочь. Но порядочная вроде.
Давал на чай, а взяли и на пиво.
Дождливым было лето – зря худела.
Достигнув цели, понял, что чужая.
Дружили дамами, теперь домами дружим.
Живу, прекрасно все не понимая.
Жизнь в минусе? Перечеркни – будь в плюсе!
Жизнь не сложилась, с остальным – нормально.
Жизнь с чистого листа, но под копирку.
За дедку... бабку... Не пропить бы внучку.
За лесом рук неразличимы лица.
За равенством пожалуйте к Прокрусту.
Заела совесть? Предложи ей выпить.

Заждались, Анна? Нет, не отменили.
Заметил формы. Присмотрелся – содержанье.
Запал бы в душу, но сижу в печенках.
Зачем в горящую избу мужик поперся?
Земля зарытыми талантами богата.
Змей. Одинокий. Снимет грудь – погреться.
Зуб на меня имеет стоматолог.
И снова о погоде: все возможно.
И, трезво рассудив, решил напиться.
И, чувства пробудив, уснула совесть.
Идешь на поводу – не бей копытом.
Из ЗАГСа выйти по УДО не вышло.
Из некролога: «Недолайкан жизнью».
Из пункта «А» до «Б» шла через «Ж» дорога.
Илья Обломов был хорош в постели.
Имеешь журавля, а тянет на синицу.
Искал себя, но не нашел, где спрятал.

Издано...

374 Евгений Голубовский
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Виктор Зонис, Михаил Салита
Псих
Одесса, Оптимум, 2020

Виктор Зонис начинал как автор исторических романов. И неожиданный поворот – не только в современную тему, но и в новый жанр – документальную публицистику.

Мы обычно с гордостью говорим, как много наш город, Одесса, дал миру музыкантов и художников, физиков и лириков.

Но Одесса дала миру и шпионов, начиная с Сиднея Рейли, и бандитов. Об одном из «авторитетов», державших в страхе Америку несколько десятилетий тому, и рассказывает доку-

ментальное исследование В. Зониса и М. Салиты.

Герой или антигерой этих писателей «завязал» со своим прошлым.

Возможно, авторы писали в надежде, что его пример станет заразительным для других. Не уверен в этом. Но книжка легко читается, ее прочтут многие. И учит она добру.

Ефим Ярошевский
Эхо романа
Одесса, издательство М.А. Бондаренко, 2020

В марте этого года один из старейших одесских писателей Ефим Яковлевич Ярошевский, живущий сейчас в Германии (городок Котбус), отпраздновал 85-летие.

К юбилею Всемирным клубом одесситов была издана книга рассказов «Эхо романа».

У книголюбов в памяти ходивший в самизате в семидесятые годы роман Ярошевского «Провинциальный роман-с».

Книга автором дописывалась,

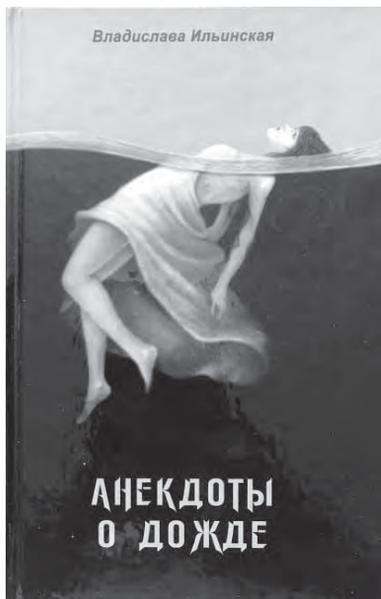
правилась, продолжала жить своей жизнью, так как ее не публиковали до девяностых годов. Потом лавина публикаций – Нью-Йорк, Мюнхен, Петербург, Одесса.

А автор продолжал писать новые фрагменты в уже вышедшую книгу. Они и составили цикл новелл, объединенных сейчас Ярошевским в «Эхо романа».

Читатель и в них встретит художника Мишу Черешню, поэта Игоря Павлова, художника и поэта Шурика Рихтера, художника Валика Хруща и многих других неперемных участников андерграундной жизни богемной Одессы.

А на столе у Ярошевского уже давно начатая книга мемуарной прозы. Ждем.

Издано в Киеве

Владислава Ильинская
Анекдоты о дожде
Киев, Форс Украина, 2020

Мне представляется, что это самая значимая поэтическая книга, вышедшая в Одессе в этом году. Для Влады Ильинской это уже вторая книга. Обе были изданы при содействии студии «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов.

В предисловии к книге известный русский писатель, живущий в Париже, Виктор Ерофеев, пишет, что увидел в этих стихах «отлетающую душу нашего времени».

«Здесь угадано расставание, – пишет Виктор Ерофеев, – с той культурой слова, ума,

безумия и любви, которая сформировала сознание здравого смысла, но которая не остановила беду, не смогла ее остановить».

Добавлю, что в этих стихах я вижу не индивидуальное отчаянье автора, а слышу голос поколения, блуждающего в поисках пути из ада, созданного на земле.

И все это без пафоса. Скорее через иронию. Как и обещает название книги «Анекдоты о дожде», где есть все что угодно, но нет анекдотов.

Издано в Харькове

Ирина Фингерова
Замки
Харьков, Фолио, 2019

Это уже третья книга Иры Фингеровой. Родилась в Одессе, окончила мединститут. Автор книги рассказов «Сюр-тук», романа «Плацебо», создатель «Театра ушей» – аудиотеатра, участник студии «Зеленая лампа».

О чем пишет юный автор? О таких же юных, как она. Фингерова не просто знает своих героев, она любит их, она понимает каждое движение их души – мятущейся, доброй, но и циничной, нежной, но и ершистой, как ежик.

Молодой автор осмысливает роль в жизни молодого поколения социальных сетей.

Тем, чем была для предыдущего поколения джазовая музыка, тем, чем было для еще более предыдущего поколения культовое кино, для нынешней молодежи стали социальные сети с новыми законами общения.

Это книга об одиноких душах, находящих друг друга не в жизни, а в сети.

Двойная жизнь – наяву и в грезах, нет, обе реальны, но жизнь в социальных сетях затягивает...

Издано в Москве

Руфь Зернова
Сказка для взрослых
Москва, Русский импульс, 2020

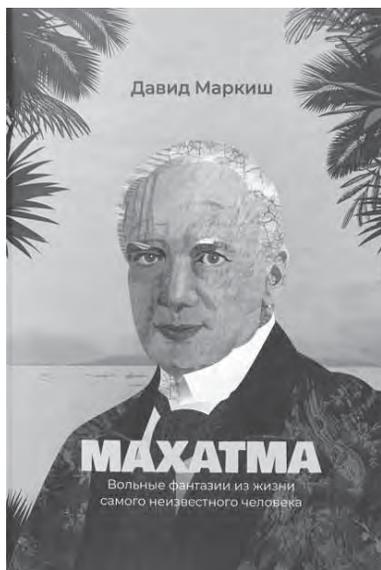
Руфь Александровна Зернова – одесситка. Она родилась в нашем городе в 1919 году. Жизнь ее была полна и приключениями, и невзгодами. Поступила в Ленинграде в институт, чтобы стать переводчиком. Отправлена в Испанию – переводить, воевать.

Затем Великая Отечественная. Лишь в 1947 окончила институт, но через два года арестована как «враг народа». Дали 15 лет, но смерть Сталина скостила срок.

Вернувшись в Ленинград, начала писать. Затем эмиграция в Израиль. И там писала, широко издавалась, была любимицей читателей.

И все же один роман вышел только через шесть лет после ее смерти. В свое время в СССР его не пропустила цензура, а потом его вытеснили новые и новые книги.

О чем книга? Это жизнь интеллигенции, точнее – большой семьи, в четырех поколениях, в условиях советской системы, к которой нужно или приспособливаться или с ней бороться... Но есть еще один способ – не замечать ее. Кто же выберет какую дорогу...

Давид Маркиш
Махатма (Вольные фантазии
из жизни самого неизвестного
человека)
Москва, Буки Веди, 2019

Это роман о жизни нашего земляка Владимира Хавкина, изобретателя вакцины против холеры и чумы. В марте этого года книга должна была презентоваться во Всемирном клубе одесситов. К нам должны были приехать ее автор Давид Маркиш из Израиля и Александр Дуэль, правнук Хавкина. Нынешняя эпидемия сдвинула все сроки. Но я прочитал книгу. Она легко, ярко написана. Кстати, «самый неизвестный

человек» – формула А.П. Чехова. Он писал о Хавкине Суворину: «В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом».

В Индии Владимира Хавкина, спасшего своими прививками сотни тысяч жизней, при жизни называли Махатмой.

В романе много места отдано Одессе, городу, где родился Хавкин, где учился в университете у Мечникова. Воспринял это и как упрек всем нам – мемориальную доску великому врачу мы еще не установили.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
На час назад 5

Михаил Жванецкий
Мой кот вспоминает 7

Юрий Михайлик
Отражение 9

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 14

Андрей Добролюбский
Ошибка императора Исаака 37

Валерий Шерстобитов, Инна Арутюнова
Продолжение семейной хроники династии Сибиряковых 48

Лариса Ржепишевская
Глава большой семьи 58

Илья Каминский
Город тишины 67
Перевод с английского Елены Андрейчиковой

Павел Козленко
Моя Балта 81

Евгений Деменок
Нью-Йорк. Ground Zero 91

Белла Кердман Насчет холеры в Одессе	100
--	-----

Одесский календарь

Екатерина Ергеева Старопортофранковская – в памяти детства и истории города	108
---	-----

Проза

Вадим Ярмолинец Из Америки об Одессе	116
--	-----

Анна Михалевская Два сапога и одна картина	140
--	-----

Ирина Фингерова Рассказ про одного священника	144
---	-----

Григорий Барац Обыск	150
--------------------------------------	-----

Вадим Ланда Миниатюры	159
---------------------------------------	-----

Поэзия

Людмила Шарга Из цикла «Набело»	168
---	-----

Ольга Новак Тепло всегда	174
--	-----

Игорь Потоцкий Городские мотивы	178
---	-----

Вера Калмыкова Не оставляю себя	182
---	-----

Вера Зубарева Реквием по снегу	187
--	-----

Ирма Петрова Новые мифы	191
---	-----

Юлия Пикалова Между Сциллой и Харибдой	197
--	-----

Майя Димерли «И все происходило просто...»	200
--	-----

Первые шаги

Одесса готовит экскурсии	202
--------------------------------	-----

Искусство – жизнь – искусство

Евгений Голубовский Светозарность Виктора Маринюка	212
--	-----

Алена Яворская «Побоями нас нянчила страна!»	214
--	-----

Феликс Кохрихт, Юрий Дикий Нейгауз: Гилельс, Рихтер – ученики чародея	232
---	-----

Виталий Абрамов Художник и педагог Антон (Вильгельм) Бауэр	246
--	-----

Степан Рябченко Подождите, подождите	261
--	-----

Сергей Седы Костюм для хранителя	266
--	-----

Наталья Богачева Выставка Эфрусси в Вене	273
--	-----

Леонид Авербух Одесские музы поэтов	283
---	-----

Публикации

Редьярд Киплинг Бремя Иерусалима	304
Переводчик: Игорь Лосинский	

Иван Гайдаенко Дикария	309
Публикация Валентины Гайдаенко	

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова «Для бывших детей и будущих взрослых»	328
--	-----

Путешествие

Евгений Деменок В гостях у Кандинского. Дессау	340
--	-----

Ах, Одесса

Виктория Коритнянская
С дядей Мишей до Привоза..... 354

Елена Палашек
Рыбачка Соня как-то в мае 357

Григорий Яблонский
Музей совка 367

Леонид Либкинд
Одностишия 369

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал..... 374

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах

Книга 81

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac

Book 81

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра

Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 07.05.2020

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua